

Игорь Седов

**ЧУТКОСТЬ
НА
ГОЛОСОВАНИИ**

Игорь Седов

ЧУТКОСТЬ
НА
ГОЛОСОВАНИИ

**ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ — 1964**

Писатель-юморист Игорь Седов пришел в литературу, имея большой жизненный опыт.

В 1957 году выпустил первую книжку юмористических рассказов «Дела житейские». Затем вышли его книжки сатиры и юмора «Бедная галочка» (1959 г.), «Рядом с нами» (1960 г.), «Приглашение в гости» (1961 г.), «Борода в капроне» (1962 г.), «Семь пар влюбленных» (1963 г.). Рассказы И. Седова печатались в выпущенных издательством «Советская Россия» сборниках «В одну точку», «Золотой характер», в сборнике «Смех — дело серьезное». В библиотеке «Крокодила» вышла книжка рассказов И. Седова «Женский каприз».

«Чуткость на голосовании» — сборник юмористических рассказов, составленный из ранее публиковавшихся произведений писателя.

Игорь Павлович Седов.

ЧУТКОСТЬ НА ГОЛОСОВАНИИ

Редактор Е. Данилина.

Художник Е. Шукраев.

Художественный редактор П. Карчевский.

Технический редактор Е. Черняк.

Корректоры И. Горшенина, Н. Любавина.

Подп. к печ. 28/XI-64 г. Бумага 70×108¹/₃₂.

Бум. л. 3,56. Печ. л. 9,76. Уч. изд. л. 9,46.

Тираж 50 000. ФЛ02754. Цена 28 к. Пер, 6 к.

Приволжское книжное издательство.

Саратов, Вольская, 81.

Издательство газеты «Пензенская правда».

Пенза, Кирова, 65. Заказ 10422

Захожу я вечером в клуб, а там собрание. Ладно, собрание так собрание. Не привыкать. У нас в клубе каждый день мероприятие — собрание или кино. Раньше танцы часто устраивали. Но с этим мероприятием надо поосторожнее. Накладных расходов много. То люстру кокнут, то дверь выставят, а то и по окнам шарахнут. Веселятся, между прочим, некоторые...

На собрание я опоздал. Присел в сторонке, сижу, слушаю. Самостоятельно повестку дня определяю.

Для порядка на председателя взглянул. Ничего, ведет себя смирно. Да по нему ни черта не поймешь! Уткнул голову в бумажки, что перед ним разложены, и горя ему

мало. Смотрю на трибуну. Вижу: парень с чубом, в ковбойке. Руками энергично размахивает. Головой в разные стороны вертит. И воды не просит. Даром что вода рядом, в графине. И стаканчик имеется. Возле графина аккуратно стоит. Еще не троганный. Хотя зачем парню глотку полоскать, если она у него и так как луженая? На весь зал режет. Без радиофикации и акустики.

— Почему такое безобразие, — говорит, — допустили? Сидели... ждали. Чего, — говорит, — ждали? У моря погоды и икры от курицы? Он, — говорит, — наш основной кадр, а мы ждали. Давно надо было засветить этот вопрос! Законно! И крышка! Забыли про человека.

От его пламенных слов меня грусть разобрала. Ай-я-яй! Нехорошо-то как. Об основном кадре не позаботились. Про человека забыли. Про самое дорогое на свете. Может, он в отдыхе нуждался? Может, ему путевочку нужно было подкинуть куда-нибудь на Кавказское побережье? Море, солнце, горы, воздух! Двадцать восемь дней, без дороги. Смотришь, опять человеком бы вернулся. То-то председатель голову повесил. Стыдно, небось, людям в глаза смотреть. Дай-ка я его еще построгаю! А? Выступить, что ли? Или подожду? Ладно, подожду, спешить некуда.

Другой выступавший потише вел себя. Локти на трибуну и ни-ни ими. Зато говорил складнее и больше на сознательность упирал. Дескать, мы выросли, и сознание вместе с нами выросло. Поэтому он в конкретной постановке указанного вопроса усматривает правильный подход к обсуждаемой нами проблеме. В заключение он что-то насчет медали завернул. Вроде данный вопрос, как и медаль, имеет две стороны, в том числе одну оборотную. И сошел с трибуны.

Про Кавказское побережье и путевку ни звука. Насчет человека тоже. По какой повестке дня говорят, думаю? Шарада какая-то, а не собрание. Сиди тут и ломай

себе голову. А если голосовать станут? За кого руку-то поднимать? Я даже растерялся из-за своей непонятливости.

Ну, кажись, этот товарищ внесет ясность. Серьезный... солидный... Зря болтать не будет. И впрямь серьезный. Вынул из кармана листки. Разложил их. Воды попросил налить. Волосы пригладил. Часы с руки снял. И все не спеша, спокойно. Солидный оратор. И речь начал с переживаемого момента. Говорил этак минут десять, вообще и в частности. Сперва больше вообще, а потом и в частности. В частности он сказал так:

— Я думаю, что выражу единодушное мнение нашего коллектива, если скажу, что Маслову мы можем оказать доверие. Да! Доверие коллектива! Товарищ он молодой, быстро растущий. Я считаю, что наше доверие он оправдает с честью.

«Ага, — подумал я, — обстановка проясняется. Товарищ молодой, растущий. Опять же, насчет доверия. Значит, выдвигают куда-нибудь. От всего нашего коллектива. Правильно. Раз выдвигают, — обсудить положено. Всесторонне, чтобы, значит, со всех сторон осветить человека. Что он и как он? Дышит, к примеру, чем? И как насчет выпить? Узнать тоже не лишне...»

Еще выступали. Фамилий я не запомнил. Хвалили Маслова. Здорово хвалили. Все его положительные качества перебрали. Он и честный, и отзывчивый, и чуткий, и молодой, и веселый, и вежливый и... Много их у него накопилось. Даром что молодой. Из молодых, видать, да ранний. А куда же его выдвигают? Надо спросить. А то голосовать скоро.

Подсаживаюсь к своему соседу и интересуюсь, куда это мы должны доверие Маслову оказать? В комиссию какую, на премию, или в суд товарищеский, или, может, в вышестоящую инстанцию двигают парня. А он, сосед мой, отвечает:

— Никуда мы его не выдвигаем. Откуда ты взял? Распалился я. Как так не выдвигаем? А доверие? А молодой и быстро растущий? А такой-сякой хороший? Что же здесь происходит? — кричу я соседу.

А он, сосед мой, спокойно отвечает:

— Мероприятие! Хулигана тут одного местного на поруки берут. Прокурор просил. За себя и за милицию. Говорит, замучились мы с ним.

ХИМИЧКА

Желтела листва, краснели помидоры, у голубых экранов телевизоров горожане смотрели уборку кукурузы на силос.

Одним словом, осень. Одним словом, горячая пора у студентов, когда они, едва успев переписать расписание, укатывали в окрестные хозяйства копать картофель и завершать другие сельскохозяйственные работы.

На этом лирическом фоне и пойдет рассказ об одной сельской девушке и городских ребятах и девчатах. Рассказ, который называется «Химичка». А почему «Химичка», — об этом и пойдет речь в рассказе.

...У маленькой станции, такой маленькой станции, что грудно упомянуть ее название, остановился пригородный поезд. Это единственный поезд, который здесь останавливался, потому что станция маленькая и не может принять огромного потока пассажиров.

И вот на этой маленькой станции сошла небольшая группа юношей и девушек. Оживленная группа молодых людей в красивых ярких рубашках навыпуск и в брюках. Девушки тоже были в брюках, и им очень шло такое сочетание верхней одежды — рубашка и аккуратненькие брючки. Просто удивительно, почему девушки лишь сравнительно недавно стали носить брюки и почему находи-

лись люди, которые из всех сил старались наложить запрет на женские брюки.

Юноши и девушки чувствовали себя на незнакомой маленькой станции превосходно. Они смеялись, шутили. Радовались солнцу. Солнце не по-осеннему щедро раздарило лучи. Радовались прохладному ветерку. Ветерок внезапно прорывался меж станционных построек и нес с собой степную свежесть. Юноши и девушки даже пытались громко, по складам читать название маленькой станции, вызывая улыбки окружающих.

У них был старший. Он собрал всех и сказал:

— Дети, не шумите! Надо выяснить обстановку.

Две девушки, очень похожие друг на друга продолговатыми смуглыми лицами и волнистой прической, громко рассмеялись. Вслед за ними засмеялись и другие.

Старший прикрикнул:

— Тише, чертова дюжина! Ставлю на голосование вопрос о транспорте!

Руководитель группы был тоже молодой. Не старше и не моложе своих товарищей. И если у него сорвалось выражение «чертова дюжина», то это вовсе не свидетельствовало о его религиозности и слепой вере в предрассудки и приметы. Он не признавал за числом «13» сверхъестественные силы. Просто в группе было тринадцать человек—шесть девчат и семь ребят. Вместе они составляли число тринадцать, на которое и сослался старший группы, ставя на голосование вопрос о транспорте.

Но голосовать не пришлось. Приехавших разыскал представитель колхоза и усадил их на колхозную автомашину. Они благополучно доехали до правления колхоза. Там их встретил председатель. Вид у него был усталый и озабоченный, но он радостно приветствовал молодое пополнение и, между прочим, откровенно признался:

— У меня острая нехватка людей и техники, особен-

но на уборке картофеля, и вы поможете ликвидировать эту нехватку.

Кто-то из ребят выразился в том смысле, что они не собираются ликвидировать людей* и технику, что это не входит в их задачу. У них другая задача — быстрее убрать картошку и скорее вернуться в институт, где их ждут лекции, семинары и горячо любимые преподаватели, в том числе два доктора наук и один профессор.

Все посмеялись над безобидной студенческой шуткой и довольные разошлись на отведенные им квартиры.

Ужинали они вместе, «чертовой дюжиной». Когда они ужинали, к ним вошла девушка. Здешняя девушка. Милостивая такая девушка. Голова платочком повязана. Она поздоровалась и сказала, что ее зовут Маня.

— Здравствуйте, Маня! — первым откликнулся Сенька, которого за неумную разговорчивость друзья прозвали Динамиком. Он сидел с краю стола и поэтому считал своим долгом приветствовать всех девушек. — Садитесь. Вы пришли узнать у городских товарищей последние новости с танцплощадки? Или вам рассказать про систему народного образования в молодых африканских республиках?

— Я буду с вами работать, — серьезно ответила девушка.

— Неужели в этом колхозе, — продолжал допытываться неугомонный Динамик, — неужели в этом замечательном хозяйстве с острой нехваткой людей и техники трудно получить работу?

— Я буду работать с вами, — упрямо повторила Маня.

Серьезность и настойчивость девушки смутили находчивого Сеню, и он перестал ее расспрашивать. Воздержались от расспросов и другие, полагая, что в силу каких-то обстоятельств она не договаривает до конца.

И вот поднимается старший группы, молодой студент

по имени Сергей, и произносит небольшую речь. Он говорит:

— Деловые люди не переносят трепы. Мы приехали сюда работать, и всесторонняя помощь местной девушки принесет нашему общему делу определенную пользу. Я предлагаю зачислить в штат нашей бригады славную девушку по имени Маня. Против нет? Решено и записано. Нас было тринадцать, нас стало четырнадцать. Семь плюс семь будет четырнадцать. Я не ошибся, Динамик? Видите, наука подтверждает правильность моих арифметических выводов. В связи с этим я рад констатировать, что «чертовой дюжине» пришел конец. Я счастлив заметить, что завтра на поле выйдет бригада с гордым именем «Смычка». Ура, дети!

Все громко прокричали «ура!» в честь новой бригады и славной девушки по имени Маня.

Утром Маня повела студентов на отведенный им участок. Там она умело распорядилась насчет того, кто и что будет делать, справедливо поделила орудия труда и практически показала, как надо собирать картофель. Все подивились ее организаторским способностям и дружно взялись за работу. Так они работали до обеда. В обеденный перерыв они обедали, и им очень понравилось запивать горячую разваристую картошку холодным свежим молоком. Они потом говорили, что давно не испытывали такого удовольствия от еды на чистом воздухе после хорошей трудовой разминки. И они на практике оценили многие преимущества физического труда.

После небольшого веселого отдыха студенты снова приступили к работе. Собирали картофель, сносили его в кучу, а когда подъезжала машина, то быстро ее загружали.

К концу дня к ним на участок приехали председатель колхоза и бригадир. Они объезжали поля и решили посмотреть, что же наработали студенты — городская

молодежь в разноцветных рубашках и узких брюках. Замерили убранную площадь, и выяснилось, что городская молодежь перевыполнила дневное задание. Этот факт был положительно оценен руководством колхоза. Здесь же, на участке, студентов похвалили и призвали не снижать темпов уборки картофеля — важнейшей продовольственной культуры.

Вечером, после ужина, познакомиться с ребятами пришел парторг колхоза Василий Иванович. Он долго беседовал с ними, а потом они все вместе, парторг и бригада, пошли в клуб.

Клуб — центр культурно-просветительной работы на селе. Там слушают доклады и лекции, смотрят кино и танцуют. Бывают клубы хорошие и плохие. В этом селе клуб был средний. В этот средний клуб и направились вместе с парторгом Василием Ивановичем юноши и девушки из города. И, конечно, с ними была Маня. Она-то, собственно, и привела Василия Ивановича в бригаду городских.

А утром они снова были на участке и опять неплохо потрудились. К ним даже приезжал корреспондент из газеты. Фотографировал и расспрашивал о работе. Он очень удивился, когда ему сказали, что бригада называется «Смычка». Корреспондент оказался серьезным человеком и обиделся, что над ним смеются. Ему объяснили, в чем дело. Ему рассказали, что в двадцатых годах был очень популярный лозунг смычки города и деревни. Вот они и вспомнили этот исторический факт. Тогда он переменял мнение о бригаде. Он даже сказал, что хорошо бы и корреспонденцию так озаглавить: «Смычка». Ребята потом достали газету с заметкой корреспондента. Заметка называлась «Полторы нормы за смену»

Погода стояла чудесная, и настроение у всех было отличное. После работы они наскоро перекусывали и,

не замечая усталости, мчались в клуб, пропадая там целые вечера.

Им даже не хотелось уезжать отсюда... Им так понравились здешние края и люди, что они сложили шуточную песенку, которая начиналась словами: «Ай, спасибо деканату, что направил нас сюда».

Но уборка — дело сезонное. Сезонное потому, что проводится в определенные сроки, установленные графиком уборочных работ. Когда график уборки картофеля был выполнен, председатель объявил студентам, что они с честью справились с возложенной на них задачей и теперь со спокойной совестью могут возвращаться в институт и получать высшее образование.

И вот маленькая станция стала большой от массы приехавшего сюда народа. Скопилось столько народа, что начальник станции надел форменную фуражку и лично вышел на перрон выяснить причину небывалого скопления пассажиров. Он, конечно, не знал, что люди приехали сюда провожать студентов, и ему это простительно, потому, что он начальник станции. И ему вовсе не обязательно знать, кто кого провожает. Но, узнав, что это провожающие, а не отъезжающие, начальник станции успокоился. Он лишь заметил, что зря отменили перронные билеты. Была бы прибыль в бюджет. И аккуражно повесил фуражку на гвоздь, где она всегда висела.

Теплых напутствий, хороших взаимных пожеланий с избытком хватало до прихода пригородного поезда и на время его стоянки. Но все понимали, что пригородные поезда тоже ходят по расписанию, и отпустили наших юношей и девушек в вагон. Они уезжали в вагоне, на котором кто-то успел написать мелом: «Приезжайте к нам. И насовсем».

...Через год в колхоз, что расположен неподалеку от маленькой тихой станции, приехали шефы — группа ра-

бочих и инженеров завода «Химмаш». Гостей возили по полям, показывали фермы и вообще знакомили с различными отраслями сельскохозяйственного производства. После осмотра хозяйства товарищей из города пригласили в клуб. Там их встретила бойкая, энергичная девушка со вкусом одетая и с модной прической.

Представляя девушку гостям, парторг колхоза сказал, что она им сродни, так сказать, и по складу натуры, и по характеру работы.

— Она у нас тоже из «большой химии», — не без гордости продолжал парторг — Наш главный агрохимспециалист, причем из местных кадров.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что девушка охотно повела гостей в большую комнату, на дверях которой висела дощечка с надписью «Агрохимлаборатория».

Их особенно поразило умелое расположение оборудования, обилие реактивов, тщательно и с любовью выполненные агрохимические карты полей, какая-то легкая и изящная продуманность этого уголка химии на полях.

Они сказали, что даже у них на заводе не умеют так красноречиво и убедительно говорить о химии.

Девушка ответила, что это не только ее заслуга, но и помощь друзей из города.

— Вы спросите у вашего товарища, вот у этого, — и девушка показала на светловолосого паренька с инженерным значком на пиджаке.

Гости еще более удивились. Они удивились тому, что Сергей Монахов, молодой инженер с их завода, в курсе здешних колхозных дел. И Сергею пришлось рассказать. Он сказал, что был в этом колхозе год назад — помогал убирать картошку. У них тогда наблюдалось отставание по линии химии. Парторг колхоза Василий Иванович попросил нас, студентов, помочь в оборудовании агрохимкабинета. Ребята откликнулись. Кое-что успели

сделать. Карты чертили. Ну, там покрасили, порисовали. Расчеты кое-какие сделали.

Удовлетворив любопытство своих товарищей, Сергей отвел в сторону Маню, — а это и была та самая Маня, — спросил ее:

— Почему ты так хотела тогда работать с нами? Или это секрет?

— Теперь не секрет, — ответила Маня и расхохоталась. — А тогда был секрет. Большой секрет. Тс-с, тогда меня дразнили... химичкой.

— Химичкой?

— Понимаешь, я окончила курсы агрохимиков, а работы по специальности мне в колхозе не давали. Нам говорят, сейчас не до тебя с твоей химией. Нам надо урожайность поднимать и животноводство в гору двигать. Понимаешь, им надо, а мне не надо! А удобрения на станции под дождем. Я и осветила эту картину в «Комсомольском прожекторе». Василий Иванович, парт-орг, поддержал меня. Ну, и попало нашему председателю. Он как-то в сердцах и назвал меня «химичкой». А в деревне, знаешь как? Пошло и пошло — «химичка» да «химичка». Вот и хотела у вас на время скрыться. Чтобы вспомнили мое настоящее имя.

— Ну, а сейчас?

— Все в прошлом. Сейчас мы богатый колхоз, с химией дружим! И минеральные удобрения, и гербициды — все в деле. У нас и парикмахерская с настоящей химической завивкой. Смотри, здесь делали. — И Маня кокетливо повернулась на высоких каблучках, чтобы Сергей мог оценить высокое мастерство колхозного парикмахера.

МЕЧТЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Алексей Федорович спешил, притом в рабочее время. Деталь немаловажная. Она прояснит последующие события, виновником и участником которых оказался Алексей Федорович. Кроме того, данным фактом характеризуется в какой-то мере личность самого Алексея Федоровича, как человека дисциплинированного, привыкшего ценить свое и чужое время.

Десять минут назад ему позвонили в трест и велели без промедления явиться на заседание исполкома. Причину вызова по телефону излагать не стали, а любезно пояснили: «Узнаете на месте».

Срочность вызова не удивила Алексея Федоровича. Он

свыкся с неизбежностью таких приглашений в самые различные инстанции, вплоть до совета домохозяек при укрупненном домоуправлении. Как человек реалистического склада ума и богатого практического опыта, он по себе знал, что должность управляющего трестом «Жилкомдетстрой» довольно хлопотливая и беспокойная, и для него самого, и для окружающих.

Строителей на текущем отрезке времени пока что больше ругают, нежели хвалят. Явление, на взгляд Алексея Федоровича, вполне закономерное.

Люди хотят быстрее переселяться в новые квартиры. И не просто в новые, а в благоустроенные и хорошо отделанные. Чтобы в них, этих новых квартирах, и накат радовал глаз, и пол не служил бы мусоропроводом, а щели в окне — форточкой.

Между тем у строителей не всегда все гладко получается по линии сроков и качества. Заселится дом, и пошло: в одном месте что-то осыпается, в другом — не закрывается, а закроешь — не открывается.

Бывают и вовсе поразительные случаи.

Интересные бывают случаи.

Вселяются однажды в квартиру жильцы, ну, и первым делом к выключателю тянутся, чтобы, значит, осветить свое новое жилище. Щелк — а в коридоре темно. Вторичный щелк — опять никакого эффекта. Кто-то советует проверить лампочку. Стали думать и гадать, как до потолка дотянуться. Вдруг девятилетний Шурка как зарет благим матом: «Папа, мама, на балконе свет!» Что за чудеса? Все смотрят на балкон, а там и впрямь светло. У квартиросъемщика — Шуркиного папы — мелькает страшная догадка: «А что, если выключатели...» Папа бежит на балкон, находит там выключатель, щелкает... и коридор озаряется ярким светом. Мама, действуя коридорным выключателем, оставляет папу на балконе в темноте и громко, чтобы он услышал, говорит: «Посиди в

темноте немного, в следующий раз научишься смотреть, что тебе дают!»

Семейной грозе помешала разразиться общая беда, сплотившая всю семью. Постепенно выяснилось, что в квартире перепутаны все выключатели. Лампочка санузла включалась в столовой, а столовая, соответственно, освещалась из санузла. Кухне давала свет ванная. Ванная... одним словом, система включения и выключения действовала в перевернутом виде.

Не обладая особо развитой фантазией, легко представить себе все прелести пользования такой оригинальной схемой электроосвещения, к тому же замурованной в штукатурке. Вообразите: выходит кто-то из уборной и, следуя пламенному призыву «Уходя, гаси свет», нажимает на выключатель. Прибор мгновенно срабатывает, и столовая погружается в темноту. Домочадцы в растерянности проделывают за столом разные манипуляции: подцепляют на ложку горчицу вместо варенья, путают соль с сахаром, льют чай на скатерть и друг на друга... Всякое в темноте может случиться.

Как видим, упреки строителям во многих случаях имели под собой более твердое основание, чем возводимые ими фундаменты и стены. Что правда, то правда. Поэтому Алексей Федорович, как самокритичный руководитель, не добивался отпущения грехов строителям, не прятался за шаткую ширму объективных причин. Словом, когда требовалось, — ругал, когда надо, — награждал, когда нужно, — молчал.

Все мы люди. Оставался человеком и Алексей Федорович. И как человеку, ему захотелось в свои пятьдесят лет услышать что-нибудь ободряющее, приветственное, а почему бы и не поздравительное лично в адрес управляющего. Он, конечно, не бригадир передовой комплексной бригады, не знатный машинист башенного крана и даже не скромный учетчик, обеспечивающий гласность соцсо-

ревнования на стройплощадке. Но и не последняя спица в строительной колеснице, лихо несущейся по утвержденному графику строительно-монтажных работ.

Впрочем, мы уже оговорились, что строителей пока похвалой не балуют.

Вот и сейчас, торопясь на заседание, Алексей Федорович мысленно перебирал весь титульный список и прикидывал, какая еще беда могла свалиться на вверенные ему объекты, а значит, и на его собственную голову. Авария? Но где? Как будто все пока стоит на месте. А может, газопроводчики напортачили? Может, они не с той стороны в газ врезались? Что же касается другого, то... Был сигнал о водосточных трубах. Выполнено. К одному углу даже две трубы приспособили: простую и, на всякий случай, аварийную. С планом? Все в порядке, даже опережение графика. Где же собака зарыта? Если в себестоимости?

В таком озабоченном состоянии Алексей Федорович появился в здании исполкома. Его встретил один из работников и посоветовал поближе держаться к залу заседания: «Вашего вопроса в повестке дня нет, поэтому могут позвать в любое время».

Эта новость еще больше озадачила Алексея Федоровича. «Странно, очень странно, — думал он. — К чему такая экстренность? И никто ничего не говорит. Похоже на неприятность. Что дадут? Просто выговор или с последним предупреждением? Нет, без выговора не уйти. Хотя, если разобраться, какой же строитель без взыскания...»

Алексей Федорович нервно закурил и принялся ходить по коридору. Он в который раз вспоминал все переделанные переделки и доделанные недоделки, обвалы и провалы, конфликты с заказчиками, субподрядчиками, проектировщиками, охраной труда и техникой безопасности, с пожарной, санитарной и газозлектроинспекцией. По-

лучалось: ничего особо страшного. Все в пределах деловых взаимоотношений и частых строительных неурядиц.

Ожидавшие своей повестки дня ветераны заседаний безошибочно определили состояние Алексея Федоровича.

— Волнуется, строитель, — сказал, обращаясь к соуду, управляющий трестом парикмахерских. — Подстригут под нолевочку. Чувствуется по всему.

— Да, стружку могут снять, — задумчиво произнес директор табуретно-шкафной фабрики. — Строить, брат, это тебе не план выполнять по бритью и стрижке. Обеспечил свою систему электромашинками, и, знай себе, получай премию за боксы, бобрики и канадскую польку.

— Утрируешь, дорогой товарищ, — спокойно отозвался директор парикмахерских. — Клиент нынче не дурак. Он и сам электробритвой обзавелся. Только праздники и выручают. А тебе и вовсе не приходится беспокоиться за сбыт столярной продукции. Шкаф — не бритва, всем нужен.

Вовлеченные в русло ведомственного разговора директора-приятели не заметили, как Алексей Федорович вошел в зал заседаний, а вскоре и вышел оттуда. Вышел взволнованный, с покрасневшим от напряжения лицом.

— Чем кончилось, Алексей Федорович? Оставили? — осторожно поинтересовался управляющий трестом парикмахерских.

Алексей Федорович отер лоб носовым платком, сел и, помедлив немного, тихо проговорил:

— Почетной грамотой вот наградили. В связи с пятидесятилетием, ну и за честную работу...

Оба директора искренне поздравили юбиляра, а тот, кто руководил производством мебели, сказал тому, кто возглавлял парикмахеров города:

— Значит, ни стрижки, ни стружки, а внимание к строителю. Смотри-ка!

УГОВОРИЛ

Созвали собрание. Выбрали троих в президиум: председателя, секретаря и одного запасного. Сказали, что будем обсуждать Мухина.

— Почему Мухина?

— Мухин нарушил.

— Что нарушил?

— Станем конкретно говорить, тогда и узнаете, что Мухин нарушил.

— Вот бы кого вытащить — Горбылева!

— Горбылев отсидел свои пятнадцать суток. С него хватит.

— А чем Хрипунов лучше? Подработал на фиктивных нарядах и новый объект получил. Разворачивайся, милоч. Шуруй, пока силенка есть.

— Об ем приказ серьезный пишется. Цельный месяц пишется. На вид без занесения получит.

-- Сегодня опять на Шляпкина жаловались. Грубит... кричит...

— Один, что ли, Шляпкин такой? А Гребенкин?

Поднимается Гребенкин. Он всегда поднимается, когда чувствует, что его могут поднять. Он говорит:

-- Мы собрались сюда не в бирюльки играть. Собрались, чтобы обсудить антиобщественный поступок нашего товарища. А что же на факте получается? Сергеев Иван Степанович резонирует. Вопросыки подкидывает, шумит. Собрание хотите сорвать, Иван Степанович? Коллектив наш здоровый и у вас на поводе не пойдет. Не позволим! И вас к ответу притянем. За срыв собрания и вообще. Чтобы против массы не шли. Нам стыдно за вас и за Мухина, который нарушил...

— А что Мухин нарушил?

— Взял газету «Известия» и унес домой. Вот что нарушил ваш дорогой Мухин! А газета-то месткомовская,

на подшивку идет. Кто бы еще мог в свободное время прочесть, свой круговой горизонт расширить. А теперь не расширит. Нет газеты. По вине Мухина, надо прямо сказать, срывается культурный рост всего коллектива. А значит, и выполнение плана под угрозой срыва. А план — это закон. Вон вы куда шагнули, товарищ Мухин! Против закона пошли. На каком основании? Так дело не пойдет, товарищ Мухин! Не пойдет! Сегодня вы газету с производства унесли, завтра сукно с месткомовского стола, простите меня, на штаны себе упрете, а послезавтра токарный станочек под мышкой вынесете. И другие, глядя на вас, начнут предприятие разворовывать. Не допустим, товарищ Мухин! Не допустим! Такие нездоровые явления надо пресекать в самом начале. Под корень их рубить!.. Уф!.. Дайте-ка, товарищи, газетку — вон лежит — обмахнуться... Распарился, говоримши... Что? Та самая газетка и есть? Почитать уносил? А теперь принес, значит? Так... Так-так, товарищ Мухин!.. А кто подтвердит, что это та самая газетка и есть? А может, вы ее подменили? Газетка-то не ваша, общественная... Общественное добро подменять не положено!.. Не положено, товарищ Мухин! Сегодня вы газетку домой унесли и подменили. Завтра чертежи унесете и подмезите... Так далеко зайти можно! Очень далеко, товарищ Мухин! Нельзя допускать таких настроений, товарищи! Надо обсудить антиобщественный поступок товарища Мухина. И пресечь... Нельзя проходить мимо таких явлений, товарищи! Это было бы либерализмом, товарищи! Это было бы политическим ротозейством! Надо обсудить, товарищи! Я предлагаю обсудить!..

И стали обсуждать...

ПОДАРОК

Что, по-вашему, самое страшное в семейной жизни? Я бы сказал так: муж без жены, жена без мужа, телевизор в коммунальной квартире.

Так я по крайней мере думал, пока не узнал про случай с М. И. Квочкиным.

Маркел Иванович руководил предприятием, выпускавшим подарочные изделия. Не красивые и изящные вещицы, которые можно было бы, не отворачивая лица, преподнести любимому или знакомому человеку для украшения его быта, а именно изделие под артикулом номер такой-то.

Солидные по цене и весу изделия — культурные ценности, как их называл Маркел Иванович, обеспечивали плановый вал и безмятежную жизнь. От такой жизни, а может быть, и от широченных брюк фигура Квочкина походила очертаниями на конус с шариком на вершине или на перевернутую рюмку.

По части брюк Квочкин был принципиально стоек, упорно сопротивляясь общепризнанной моде и уговорам знакомых. «Важно, — изрекал он, — чтобы там, наверху, размеры соблюдались». И постукивал при этом по голове: «Чтобы ритмично действовала верхняя нервная деятельность человека, которую открыл и описал наш соотечественник, ученый товарищ Павлов».

В личном плане Маркел Иванович слыл человеком скуповатым. Поговаривают, что на Ксении Михайловне он женился не по сердечному влечению. Просто ее день рождения совпал с Международным женским днем, и Маркел Иванович мог свободно обойтись одним подарком и одной бутылкой. Но я этому не верю. И вы не верьте. Он не такой скаредный человек. Мне доподлинно известно: Маркел Иванович каждое утро, уезжая на работу, ссужает супругу определенной суммой

на дневной расход по дому. Без денег она не сидит.

Как-то погожим зимним днем Маркел Иванович вызвал к себе консультанта-декоратора Трепкина.

— Спокойно, Трепкин, спокойно. Как себя чувствует товаропроводящая сеть с нашим изделием?

— Маркел Иванович! Новогодняя волна продукций нашу с прилавков смела.

— Без паники, Трепкин, без паники. Так ничего и не осталось?

— Все, что было, то уплыло. Даже кошечки ушли. Абажуры и подавно, вместе с думочкой диванной.

— Не волнуйся, Трепкин, не волнуйся. Говори на языке прозы. Как ты понимаешь нашу общую задачу?

— Запустить в массовое производство новое изделие. Чтобы... Значит... его... того... выбросить на прилавок к Восьмому марта.

— Осторожнее, Трепкин, осторожнее. В наикратчайший срок обеспечь мне на стол образчик. Для плана, понял!

Через неделю художественный совет предприятия принял к производству новое изделие — шкатулку из прессованных древесных опилок с резной башенкой из черного дуба на крышке.

Шкатулка имела очень милый и приятный вид. Она ласкала глаз изяществом формы, радовала яркой окраской под цвет талого снега и шерботой поверхностью. Латунные ручки на боковых стенках придали ей нежное сходство с бабушкиным сундучком. Миниатюрные цепи наглухо скрепляли шкатулку с мраморным основанием.

Работники прилавка, получив такое изделие, обрадовались его вместимости и быстро сообразили, чем начинить шкатулку. Они вложили в нее кусок яичного мыла, электровибратор для сушки волос, одеколон «Душистый цветочек», бритвенный набор, синтетическую губку и авторучку с флаконами синих, красных и черных чернил.

Перевязали шкатулку голубой ленточкой с кокетливым бантиком. На мраморной подставке выгравировали грогающее до слез изречение: «Не дорог подарок — дорого внимание» и привесили бирку с ценой — 65 рублей.

— Молодцы, промышленники! — похвалил Трепкина директор магазина «Подарки». — Потрафили нашему брату. Какой вместительный сундучок соорудили! А? Чудо! Ну прямо сундук сказок! Я этими сундучками план, как в сказке, выполняю.

Обрадованный Трепкин побежал к Квочкину, чтобы порадовать директора успехом нового изделия. Но Квочкин уже отбыл домой, увозя в подарок жене взятую со склада готовой продукции шкатулку.

Он ехал в бывшей персональной, а ныне лимитной «Победе» и самодовольно смотрел по сторонам.

От магазина к магазину двигались плотными косяками мужчины разных возрастов и профессий. Настойчивые и неутомимые, они осаждали прилавки галантерейных, парфюмерных, чулочно-бельевых и прочих товаров. Всюду перед ними маячила увитая цепями шкатулка с золочеными буквами на благородном мраморе: «Не дорог подарок — дорого внимание».

Наиболее инициативные забегали и в магазин учебно-наглядных пособий. Там им предлагали искусно сделанный скелет крокодила и заспиртованную ящерицу редкого вида.

Но Маркела Ивановича мало трогали предпраздничные хлопоты и страдания мужской части трудоспособного населения. Подарок ехал вместе с ним. Он думало другом. Он производил в уме арифметические действия на сложение, прикидывая, возместят ли принесенные гостями дары стоимость угощения, включая припрятанную к утру бутылку минеральной воды.

Войдя в квартиру, Квочкин передал жене сверток и сказал:

— Поздравлять тебя буду за столом, когда соберутся приглашенные. А пока возьми вот это.

Ксения Михайловна развернула сверток, внимательно осмотрела шкатулку и обрадовалась:

— Вспомнил-таки, наконец, что нам щетки и вакуу некуда класть. Но можно было поскромнее, Маркеша. Зачем мрамор? А на башенку эту я бархотку повешу. Всегда сухая будет. Спасибо тебе, муженек! Меня-то ты подарком за столом порадуешь?

Маркел Иванович раскрыл было рот, чтобы разъяснить супруге положение вещей, но зазвонили, и он пошел открывать. Пришли гости — Булкины. Потом подошли Крепдельковы, за ними Тестовы. В одно время вошли Пирожковы и Сухаревские.

Женщины целовались, мужчины степенно пожимали друг другу руки. Счастливая и довольная Ксения Михайловна едва успевала бегать в спальню, относя туда объемистые свертки с подарками.

Пока гости рассаживались за столом, Ксения Михайловна не утерпела и решила посмотреть, что же ей преподнесли в день Восьмого марта и на день рождения. Обычное женское любопытство. Извинившись, она ушла в спальню.

Наступила волнующая минута первого тоста. С рюмкой в руке поднялся сияющий Маркел Иванович. Не менее сияющие гости влюбленно смотрели на хозяина, ожидая от него заветной команды.

Но вдруг из соседней комнаты раздался крик ужаса и отчаяния. Квочкин и гости бросились туда, не забыв опрокинуть на пол стулья и стол.

На полу в глубоком обмороке лежала Ксения Михайловна, а рядом из разорванных свертков бумаги блеснул холодный мрамор пятнадцати шкатулок.

И если теперь меня спросят о самом страшном в семейной жизни, я отвечу так: женское любопытство.

Порядок на порядок в учреждении не приходится. Скажем, в управлении по ремонту коммунального жилфонда начальник принимает посетителей по утрам. А рядом — в жилищно-ремонтном управлении для приема граждан установлены вечерние часы. Стиль руководства.

В том же управлении по ремонту коммунального жилфонда начальник категорически запретил вверенному ему персоналу подавать заявления на его, начальника, имя. Разбором жалоб и заявлений работников ведал особый заместитель, который так и значился в штатном расписании — заместитель начальника по работе среди сотрудников управления.

А в жилищно-ремонтном управлении любой рядовой работник мог смело обратиться с заявлением непосредственно к самому начальнику товарищу С. К. Антресолеву. Опять же стиль руководства.

Что хорошо — то хорошо! И вот совсем молодой еще техник-строитель Коля Лобзиков садится и сочиняет небольшое заявление товарищу Антресолеву. Он, этот совсем еще молодой техник, просит ускорить ремонт его квартиры, поскольку он собирается жениться и хочет справить свадьбу на отремонтированной жилплощади. Тем более, что жена останется жить в его доме. И ей, молодой хозяйке, очень приятно будет ходить по покрашенному полу, готовить в чисто выбеленной кухне и любоваться новыми яркими обоями жилых комнат. Барометр семейной жизни станет показывать «ясно», и дела на службе у него, у Лобзикова, пойдут с большей производительностью труда. Вот о чем написал начальнику управления наш еще очень молодой техник-строитель Коля Лобзиков.

На другой день заявление Лобзикова лежало на столе у начальника. Увидев, что бумага адресована лично ему, товарищ Антресолев самодовольно хмыкнул и так сказал своему заместителю Щепкину:

— Перенимай и осваивай, Щепкин, антресолевский стиль руководства. Уйду скоро на пенсию — тебе возглавлять управление. Добрые наши порядки оберегать. У нас ведь как? Кому надо зайти — заходит. Кому охота написать — пишет. Без никаких инстанций и дистанций. Поучиться бы надо соседу-то нашему. Смотри-ка! Еще одним замом обзавелся. Ему, вишь, некогда с вверенными работниками общаться. Их дела заели. Им недосуг остановиться в коридоре подчиненного, взглянуть на него ласково и спросить участливо: «Что-то у вас, товарищ, вид скучноватый? С женошкой поспорили или детишечки двоеккой огорчили? А? Ничего, трите к носу — все прой-

дет! А?» Вроде и мало сказано, а человек ободренный уйдет. Морально-политическое состояние у него поднимется. Позаботился начальник о нем.

Антресолев умолк. Он умильно посмотрел на заявление, на каллиграфически выведенные слова «тов. Антресолеву С. К.», задумался и продолжал:

— Смотри, Щепкин: молодой техник, рядовой ИТР, пишет лично мне, начальнику Антресолеву. Знаменательный факт, Щепкин. Он ведь не дурак, этот Лобзиков. Толковый парень. Знает, что инстанции есть. Сектор, группа, отдел и прочее. Так он лично мне... Узнаешь, Щепкин, наш стиль? Антресолевский. Без бюрократии и волокиты. Так-то вот, Щепкин!

Антресолев и в самом деле не был бюрократом. Он, если хотите, был стойким и постоянным борцом против бюрократизма. Поэтому он тут же самолично передал заявление Коли Лобзикова Щепкину. И собственноручно наложил резолюцию: «Тов. Щепкину М. Г. Разберитесь».

Щепкин прошел к себе в кабинет. Прочитал внимательно заявление и задумался.

«Разберитесь... В чем и в ком? В ремонте или в Лобзикове? Если разобраться, то и разбираться нечего. Взять да и отремонтировать парню квартиру. Пара пустяков. Вот и передам заявление главному инженеру. Позаботься-ка, друг, о своих кадрах».

Он вызвал секретаршу.

— Отнесите эту бумагу главному инженеру, — распорядился Щепкин. — И попросите от моего имени вне очереди заняться данным вопросом.

Свое указание Щепкин подкрепил исчерпывающей резолюцией: «Гл. инженеру т. Топоркову. Ваше мнение?».

Ознакомившись с резолюцией Щепкина, главный инженер взбеленился:

«Как так? Какой-то Щепкин, какой-то зам, по каким-то общим вопросам будет распоряжаться мною! Сегодня

предписание, завтра, чего доброго, разгон устроит. Он что, забыл, кто я? Забыл, что главный инженер тоже на правах зама? «Ваше мнение?» Многого захотел! Попрыгай с мое по объектам да поглотай железобетонной пыли. Спешу, ах, как спешу к нему с «Вашим мнением!»

И Топорков немедленно направил заявление начальнику производственного отдела Известняку с грозным вопросом: «В чем дело?»

Известняку, знаете, тоже не понравилась резолюция.

«В чем дело? — пытался понять он скрытый смысл вопроса главного инженера. — Что-то здесь не ладно... Маневр какой-то затеял этот Лобзиков. Подозрительно спешит он с решением. Свадьба... молодая хозяйка... полы крашенные... Знаем мы эти штучки. Отвлекающий удар по флангам. Квартиру ему приведем в порядок, а он кепочку приподнимет и... адью. В другую организацию на высокую ставку. Распустили юнцов этих... Из молодых, да ранние. Сами, мол, с усами. Нахальство какое — самому Антресолеву писать!»

От нахальства Лобзикова и других молодых, да ранних Известняку становится не по себе. Ему нехорошо становится. Он пьет воду и считает про себя до пятидесяти. Так он успокаивается. А успокоившись, снова берет заявление Лобзикова.

«Хм, Лобзиков... Какой же из себя этот Лобзиков? Что-то не припомню. Ни разу не встречался с ним. Из молодых специалистов, наверное? Конечно, из группы Дымоходова. У него там сплошная шайба. На работу с клюшками ходят. Подкину-ка ему заявление. Пусть потееет с этим клюшником».

И вот Известняк отыскивает на заявлении Коли Лобзикова чистое место. Потом он берет в руки синий карандаш и пишет резолюцию. Он пишет: «т. Дымоходову. На ваше усмотрение».

Получает начальник группы аварийного ремонта Ды-

моходов упомянутое заявление, знакомится с резолюцией Известняка и начинает рассуждать в таком плане:

«С ума я пока не сошел, чтобы усматривать и рассматривать. Есть у Лобзикова заведующий сектором — ему и разбираться. А если начальник группы все будет решать, то за что руководителям секторов зарплату платить? Транжирить государственные деньги? Не позволю!»

И не позволил. Поперек заявления Дымоходов размашистым почерком написал: «И. С.! Лично займитесь практической стороной дела. Тщательно перепроверьте расчетные выкладки, особенно по несущим опорам. Подкрепите теоретическое обоснование вопросом серией экспериментальных работ на объектах. Проанализируйте смету с точки зрения доходов и расходов и с уменьшением затрат на дефицитные фондовые материалы. Наша с вами задача — всемерно использовать местные ресурсы в пределах местных возможностей. Срок — 5 дней».

Окончив писать, Дымоходов приподнялся со своего рабочего места. Он приподнялся, чтобы постучать в стенку и позвать из соседней комнаты И. С. Балкина — заведующего сектором обвалившихся потолков.

И когда Балкин подошел к столу Дымоходова, тот сказал ему:

— Игнатий Сергеевич, срочное задание товарища Антрессолева. Я здесь вам небольшую программку разработал. Ознакомьтесь. Успеха вам!

И Балкин ушел. Он ушел, чтобы сесть за стол и познакомиться с новым и срочным заданием самого товарища Антрессолева.

Но Балкин как ни вертел бумагу, ничего не мог понять: резолюция лепилась на резолюции. Он только разобрал фамилию Лобзикова и сделал то, что сделал бы каждый из нас: написал на заявлении — «т. Лобзикову! Ваши предложения?».

НЕПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Давайте самокритично признаемся, что плохо мы еще знаем кадры — наших дорогих товарищей по работе. То есть, мы знаем, кто самоотверженно трудится, а кто с прохладцей. Берем на заметку должников по профвзносам. Ну, относительно семейного положения в курсе, а также по части употребления спиртных напитков — в меру или с лишком товарищ закладывает...

Если же коснуться другой стороны или внутреннего содержания. Обрисовать, к примеру, на что товарищ способен в многообразии своих душевных проявлений, то... То в этом вопросе мы часто скользим по поверхности. В общих чертах работаем с народом. Не доходим до конкретной души. Времени или еще чего другого у нас мало.

Такое положение на фронте работы с кадрами чревато многими неожиданностями, не исключая приятных.

Знакомы, допустим, мы с человеком по работе не один год. Доклады и лекции вместе слушаем. Одни и те же газеты читаем. И бывает, думаем про него: странный он какой-то, особняком держится, сухарь, одним словом. А он, этот, извините, сухарь, вдруг такой широкий душевный жест сделает, на такую человечность расщедрится, что хсется от радости за него петь, позвать соседа на телевизор и лекции по путевкам Общества бесплатно читать. Вот вам и приятная неожиданность.

Расскажу вам, дорогие товарищи, как недавно со мной тоже стряслась неожиданность.

Сидел я по профсоюзной линии на собрании коллектива базы «Росмастикасбыт». На отчетно-выборном. Местком переизбирали.

Председатель отчитался благополучно. Ему для приличья парочку вопросов подкинули. Он для формы ответил. Потом прения начались. Вялые прения. Не на уров-

не. Без остроты и критики, невзирая на лица. Больше с уклоном в самокритику.

Выступило человек пять, и кто-то из активистов предложение вносит о прекращении прений. Его дружно поддерживают. Председатель говорит, что и он не возражает закругляться, но очень просил слова старейший работник конторы Кисточкин. И он, председатель, предлагает уважить просьбу Кисточкина — дать ему возможность высказаться, не нарушая установленного регламента.

Собрание опять дружно поддерживает председателя, и тот предоставляет слово Кисточкину, персонально предупредив его о регламенте.

Смотрю — идет к столу пожилой человек не очень чтобы приметной наружности. Робковато как-то держится.

«Сидел бы ты, думаю, милоч, на месте и не шевелился. До тебя вон какие орлы выступали, что дай боже... И то в основном по воробьям стреляли, хотя рядом солидные мишени торчали... Эх, не за свое ты дело взялся, дорогой товарищ Кисточкин, силенок у тебя явно не хватает».

А Кисточкин уже говорить начал. У него, знаете, такой приятный рокочущий басок оказался. И он, представьте, этим приятным рокочущим баском в пух и прах разнес местком и дирекцию базы.

Оказывается, дела и порядки на базе «Росмастикасбыт» вовсе не были так чисты и блестящи, как пол, натертый их мастикой. Многими черными пятнами отмечена кипучая деятельность руководителей базы.

И товарищ Кисточкин прямо, без обиняков называл тех, у кого имелись пятна, и на фактическом материале показывал происхождение этих пятен. Вот вам робкий и нерешительный человек! Вот вам и неожиданность, конечно, приятная.

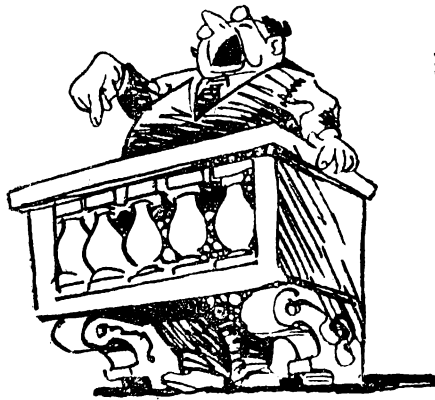
Когда я слушал Кисточкина, то мне стало очень стыдно за себя. Мне так стало стыдно, что я даже покраснел. Нельзя преждевременно судить о людях. Нельзя судить по одной только внешности, ибо внешний вид часто обманчив и может ввести в заблуждение. Так со мной и получилось. И я дал себе слово не допускать больше подобных ошибок. У меня на душе сразу полегчало, и я со спокойной совестью дослушал острое критическое выступление товарища Кисточкина.

После собрания я разоткровенничался с одним работником базы. Рассказал, как сначала ошибся в Кисточкине и какие выводы потом сделал из этой ошибки. Затем я ему оказал, что мы еще плохо знаем кадры — наших дорогих товарищей по работе. И еще заметил ему, что вот нам неплохо бы поучиться смелости и принципиальности у товарища Кисточкина:

На это работник базы мне сказал:

— Кисточкину что! Ему теперь все нипочем! Он же на пенсию недавно ушел. Я, может, более острым и ершистым себя проявлю, когда пенсионером стану.

Я ничего не ответил на его слова, а про себя подумал: «Вот вам еще одна неожиданность!» Извините, я чуть было не подумал: «приятная».

КУДА СМОТРИТ НАЧАЛЬСТВО

*(Письмо в вышестоящую
инстанцию)*

Живя в настоящую эпоху и будучи сам лично восхищен огромными успехами строительства, я, тем не менее, не могу пройти мимо отрицательных моментов, кои действуют на все стороны личной жизни и представляют угрозу для безопасности остальных граждан.

Изложу суть дела по порядку. Проходя однажды в рабочее время по Первомайской улице (шел в банк), я почувствовал на своей голове какой-то посторонний предмет. Взяв его (предмет) в руки и внимательно разглядев, я увидел плод подсолнуха, кои именуются в народе «семечки» и употребляются как лакомство. Указанное семечко попало на мою голову с находящегося над моей

головой балкона, который я проходил, идя по правой стороне вышеназванной Первомайской улицы.

Выяснилось, что на данном балконе, прикрепленном к стене пятого этажа, сидели двое молодых людей обоего пола, кои и грызли семечки, одно из которых оказалось на упомянутой выше моей голове.

А если бы молодые люди пили водку? Тогда мне на голову могла бы упасть пустая или початая бутылка. А вдруг за бутылкой свалится и хозяйин оной, будучи в невменяемом состоянии? И тогда, оказавшись в тяжелом состоянии травмы, я был бы лишен возможности писать данное письмо, потеряв часть личной трудоспособности.

Мне поэтому пришлось серьезно задуматься над состоянием безопасности других граждан, не считая себя лично.

Возрастание числа балконов индивидуального пользования над пешеходной частью улицы (тротуар), особенно во время массового движения пешеходов, создает для последних опасность падения им на голову и на другие незащищенные части тела разных предметов, кои до этого находились на балконе, из-за халатности или небрежности лиц, пользующихся последними, то есть балконами.

Между тем среди обязательных постановлений, опубликованных за ряд лет в нашей газете, я не нашел ничего конкретного, имеющего прямое (косвенное) отношение к балконам. Отсюда я хочу спросить: куда смотрит начальство?

Считая данное явление ненормальным и стремясь восполнить перечисленный выше пробел, я разработал проект временной инструкции о правилах пользования балконами индивидуального пользования и о мерах ответственности за несоблюдение последних. Текст упомянутой выше инструкции прилагается.

Инструкция
о правилах пользования балконами
(балкончиками) индивидуального пользования
и о мерах ответственности за нарушение
указанных правил

Общие положения

1. Балконом называется выступающая наружу и висящая над головами прохожих часть стены жилого дома.

2. По характеру своего назначения балконы делятся на балконы служебного и индивидуального пользования.

3. По своим размерам балконы делятся на балконы и балкончики, в зависимости от их полезной площади.

4. Балкон индивидуального пользования предназначен для выхода на него постоянно проживающих в данной квартире членов семьи, а также лиц, находящихся здесь временно по личным и служебным делам (гости, агент Госстраха, контролер Горгаза и т. п.).

Правила пользования балконом (балкончиком)

1. Лицам, имеющим в своем пользовании балкон (балкончик), категорически запрещается:

самовольно переносить балкон с одного места на другое, дабы не уронить его во главе переноски;

использовать балкон для проведения массовых культурно-просветительных, спортивных и бытовых мероприятий: танцы, игры, распитие спиртных и минеральных напитков, игра в футбол, собрания; устанавливать холодильники любой емкости, газовые плиты и колонки, крупногабаритную мебель, а также зеркальные телескопы; хранить взрывчатые и легковоспламеняющиеся вещества (изотопы радиоактивных элементов, дуст, спички, динамит и толовые шашки);

высаживать хвойную и березовую растительность;

ремонтировать машины марки «Москвич»;

содержать и разводить крупный и мелкий рогатый скот, птицу; громко разговаривать, махать руками, читать переводную литературу и наблюдать панораму окружающей местности.

2. Во избежание несчастных случаев, предлагается иметь аварийную лестницу для спуска жильцов с балкона в случае его отрыва от стены.

Председатель

(подпись)

Секретарь

(подпись)

Посылая вышеозначенный проект правил, надеюсь на его скорейшее рассмотрение и быстрее проведение в жизнь, дабы предотвратить появление несчастных случаев и других нежелательных (для нас) фактов, могущих иметь место.

Свой адрес и справку с места жительства, подтверждающую мое проживание по указанному выше адресу, а также дубликат свидетельства о регистрации брака, заверенный нотариусом, прилагаю.

К сему Н. Ф. Алексахин,

член домового комитета при домоуправлении № 5.

Р. С. Копию данного письма направляю в нижестоящую инстанцию. Пусть они теперь попробуют не решить указанный вопрос с балконами!

ОБИДА

Куролесову сказали:

— Собираемся поговорить насчет Ваничкина. Как твое мнение на этот счет?

— Хорошо! — ответил Куролесов. — Приведу в порядок отдельные мысли и завтра выскажусь. Поди, не к спеху. Надо же мне разобраться в собственных противоречивых чувствах! Дня не дадут человеку на размышление. Завота!

После работы он завернул к Ненашеву.

— У нас Ваничкина хотят того... На суд общественности. От меня мнение нужно. Мое личное... Помогите мне разобраться в собственных противоречивых чувствах, а?

— Он тебе друг-товарищ? — деловито поинтересовался Ненашев.

— Нет, — чистосердечно признался Куролесов.

— Может, сват-брат?

— Вроде нет...

— А кто?

— Никто. Работаем вместе, значит... Трудимся, то есть, совместно.

— Ну и что?

— Вот и то... Мнение мое. Чтобы я, значит, или за или против.

— Он тебе кто?

— Никто!

— Раз никто, пусть обсуждают, печки-шарики! Тебе то ни жарко и ни холодно. Обсудите, обсудите его, печки-шарики!

Выкрутянский подошел к проблеме с другой стороны.

— Проще сказать «да», чем заявить «нет». А зачем тебе говорить «да», если ты можешь сказать «нет»? А если не в том разрезе выскажешься? Ты можешь ошибиться? Вполне можешь. А потом? Что будет потом? Из тебя сделают козла отпущения. А ты хочешь стать козлом отпущения? Нет, не хочешь. И родные твои не хотят. Ты о родных подумал? Вижу, что не подумал. А о них надо думать. И зачем тебе говорить «да» или «нет»? Тебе лучше вообще ничего не говорить. Как? Подумаем вместе. Ага! Скажи, ты в состоянии заболеть анкилозирующим спондилоартритом? А острым ларингитом? И гипертонией не можешь? Ну, а простой насморк схватить? Это ты можешь... Хорошо! Тогда получай насморк и выходи на бюллетень. Ты был — и тебя нет. И мнения твоего нет!

Андромеда Ивановна почему-то спросила про возраст Ваничкина. Потом она сказала:

— Мужчина средних лет? Я так и думала... Самый любопытный возраст! Ну, увлекся! Ну, заинтересовался! Допустим, что легкий флирт. И его обсуждать? За что? Станный вы народ, мужчины. Бессердечный и жестокий. Человек еще не споткнулся, а вы его на обществен-

ность. И логика у вас странная. Мужская какая-то логика! Человек чуточку внимания уделил женщине — и сразу обсуждать. За внимание? Я категорически против! И вы должны выступить против!

Окончательно Куролесова сбил с толку Сердитов.

— А что его, подлеца, обсуждать! — закричал он. — Чего с ним валандаться! Хапнул — и отвечай! По закону отвечай! В суд его, подлеца этакого! В бараний рог его!

...Пришлось Куролесову, одним словом, взять бюллетень и отлеживаться. Пока суд да дело, — с Ваничкиным без него решат. А вскорости он опять слег. От обиды заболел. Ваничкина-то обсуждали в порядке положительного примера. Чтобы, значит, его хороший опыт среди массы распространить.

«А я откуда знал? — с горечью думал Куролесов. — Меня что, предупредили? В известность поставили? Да я за хороших людей всеми руками и фибрами души! Да я за них... А мне ничего. Ни слова не сказали. Обидно! А еще говорят, что я им друг, товарищ и брат. Куда там... Где им до нашего морального кодекса... Работать с ними надо. Много работать. Чтобы не обижали людей!»

Вот именно!

МОЯ ЖИЗНЬ В СТЕНГАЗЕТЕ

(Рассказ члена профсоюза)

Впервые я поселился в стенной газете, вернее, мне предоставили там площадь два года назад. Конечно, сам я об этом никого не просил и просить не собирался. Без меня меня женили. И вот как это получилось.

Заходит к нам в мастерскую гражданка и желает пальто габардиновое в чистку сдать. Прикинул я взглядом и определяю ее на вид как особу нормальную, то есть спокойную и без скандальных замашек. А потому я думаю: «Тебе, милая, не на службу, торопиться некуда, подождешь малость». Не люблю я, понимаете, работать, когда очереди нет. Значения своего не чувствуешь.

Особа, то есть клиентка, положила пальто на прила-

вок и постаивает себе молча. И я молчу, для видимости старые квитанции перебираю. А сам на дверь поглядываю: авось зайдут еще два-три клиента, станут в порядке живой очереди, тогда и за дело можно браться.

Проходит минут пять—никого нет. Я квитанции с другого конца перебирать начал, а гражданка стоит и молчит. Мне ее поведение по душе пришлось. Даже радостно за женский пол стало. Родятся же на свет такие женщины: спокойные, серьезные, с пониманием обстановки. Видит, человек занят, и не беспокоит его по пустякам. Только я про нее подумал, как она мне вопрос:

— У вас заведующий есть?

— Само собой разумеется, — отвечаю. — В пивном ларьке и то есть, а у нас и подавно. По штату положено иметь. А что положено по штату, — отдай нам и выложи. Штатное расписание, которое...

— Позовите его! — перебила она меня. Сказала и на меня серьезно посмотрела. Если бы орать начала, тогда бы и я разошелся. А то, знаете, спокойненько и вежливенько за жабры взяла. Пришлось позвать Константина Михайловича, зава нашего. Женщина-то депутатом оказалась. А кто знал? Снял с меня стружку Константин Михайлович.

А через недельку мне об этом случае снова напомнили. В стенгазете. Появилась там заметочка под ехидным заголовком — «На работе или дома?». Прочитал я и теряюсь в догадках: кто же это мог смастерить окаянную заметку? Не наш же зав. Ему эта самая стенная печать однажды всю торговую автобиографию испортила, и он теперь от нее на почтительной дистанции держится. Так кто же? Глянул еще раз на газету, разобрал подпись под заметкой «А. Кочеткова», и сразу все стало на свое место. Шурка, значит. Кассирша наша. Сидит она напротив меня за стеклянной перегородкой, как черт в стакане, и через прозрачное стекло ей все видно. Вот

и засекала. Тут я вспомнил, что она и редактор нашей газеты. «За чистоту, без пятен!» газета у нас называется.

Само собой разумеется, намотал я себе на ус данное обстоятельство и ликвидировал очереди. Чуть не у дверей клиентов стал встречать.

Месяца два прошли спокойно. Хоть и нарушений особых за мной не числилось, но новую газету читал с опаской. А вдруг Шурка опять меня протащит? У нее из стакана большая видимость.

Как думал, так и случилось. Вывесили однажды новый номер, и возле него сразу смех образовался. Захотелось и мне выяснить причину всеобщего веселья. Подхожу и... Конечно, Шурка! Накапала художнику, и тот конкретно нарисовал мои взаимоотношения с заказчиками.

Был такой случай. За чужие грехи расплачивался. Мастер не в ту краску платье окунул. Клиентка требует закрасить и снова покрасить, а тут стой и оправдывайся... Доказывай, что ты не верблюд, а краска на краску не приходится. В конце дискуссии нервы у меня сдали. Ну, и сорвался с голоса, то есть перешел на личности, имея в виду клиентку. За себя, что ли, я старался? Нет! За производство переживал. А что Шурке и художнику до производства? Взяли и поместили в газету. Народ посмеялся над моей карикатурой и разошелся по своим рабочим местам.

На следующий день зав мне выговорок подкинул: «За отсутствие терпения в разговоре с посетителями при исполнении служебных обязанностей». И еще предупредил. А все через нее, Шурку. Задумался я. Докажет меня Шурка! И чего она взъелась? Надо, пока не поздно, от нее избавиться. А как? С какой стороны ключ подобрать? С десятков ходов перебрал, пока не пришла на ум одна толковая мыслишка.

Захожу к заву и так это осторожноенько намекаю ему, что неплохо бы в кассе заменить стеклянные перегородки железными. «Зачем?» — спрашивает. Поясняю, что, мол, деньги... стекло... как бы чего... «Нельзя, — говорит, — мерить на старый аршин: А потом у тебя телефон рядом. В случае чего такого подозрительного — милицию можешь вызвать».

Провалилась моя затея оградиться от Шурки непрозрачным железом. Но духом не пал. Решил попробовать через общественность. Завел при случае разговор с председателем месткома.

— Понимаешь, Матвей Иванович, — говорю ему, — какая неприятная ситуация для меня складывается.

— В чем суть?

— Нахожусь я напротив кассирши нашей, Шурки, и нет-нет да и засмотрюсь на нее, как она косматой головкой вертит. Сегодня смотрю, завтра смотрю, а там, смотришь, и морально-бытовое разложение получится. Вам же работа — обсуждать меня. Уберите ее в другое помещение, чтоб от греха подальше.

— Это ты, мой дорогой, правильно подметил, что мы тебя обсуждать будем. Определенно будем. Как только жена твоя даст нам сигнал — так сразу и на местком вызовем. Учти. Взносы уплатил? Ну, пока!

Снова я остался при пиковом интересе. Заказы вежливо принимаю, квитанции быстро выписываю, а на Шурку смотреть спокойно не могу, так она своими замечками мне в печенки въелась. И не разговариваем почти, разве что-нибудь по службе перебросимся парой слов.

И вдруг она ни с того ни с сего обращается ко мне:

— А как смотрите, Борис Иванович, на приём заказов на дому? Добиться бы машины и ездить по домам.

— Правильные мысли, — отвечаю. — И не только собирать заказы, но и готовые вещи отвозить клиентам.

Люди останутся довольны, план перевыполним, вот только...

— Борис Иванович! Внесите такое предложение нашей дирекции через стенную газету.

— Что?.. Я... писать в газету...

— Ничего страшного. Сообщения ваши мне нравятся, деловые. И изложите их в заметке, а мы вас поддержим. Договорились?

Конечно, мы договорились. Вообще у меня характер неплохой, и с людьми я быстро нахожу общий язык. Само собой разумеется, написал я заметку. Поместили. А через месяц у нашего подъезда стоял новенький «Москвич» с надписью «Бытовое обслуживание».

А Шурка? Думаете, оставила меня в покое? Сейчас, не такой она человек, чтобы спокойную жизнь трудящимся обеспечивать. Заставила регулярно писать в газету. Это еще что! Определила меня в школу, словно первоклашку какого. В школу рабкоров, писать учиться. Потом и в редколлегию избрали.

И началась моя вторая жизнь, теперь положительная, в стенгазете.

Организовали мы как-то через газету поход за экономией и бережливостью. Стал и я подмечать, где что тишнее, и наткнулся на такую мысль: зачем нам кассирша? Деньги вместе с оформлением заказа я сам могу спокойно брать. Одной штатной единицей меньше. В месяц это чистых пятьдесят рублей экономии, а за год составит... Подсчитал я сэкономленные рубли и опомнился.

«Свинья ты, думаю про себя, неблагодарная. Человек тебя к печати приобщил, а ты ее с насиженного места гонишь. Какого же она о тебе распрекрасного мнения останется? Подумает еще, что мстишь ей за прошлое. Нет, брат Борис Иванович, придется тебе дать обрат-

ный ход с таким предложением. Жалко лишиться Шуры: хороший она человек. Ничего плохого людям не сделала. Пускай себе работает спокойно. А там, может, замуж выйдет и сама с этой штатной должности спишется, по собственному желанию».

Оставить-то в покое я ее оставил, но и про экономию забыть не могу. Ведь эта лишняя штатная единица так и просится под сокращение. Да и в стенгазете моей рукой передовая написана об экономии.

Взвесил все факты «за» и «против», смотрю: общественное перевесило личное. Значит, надо писать, но и Шуру предупредить заранее, чтобы от неожиданности не расстроилась.

Набрался решимости, подошел к ней и рассказал все как есть. И про зарплату, и экономию, и насчет замужества, и по поводу ее молодой жизни, перед которой все впереди. Рассказал и жду. Чего? Возмущения, слез, наконец, гордого молчания с презрительным взглядом в свою сторону. Жду и... дождался! Посмотрела на меня Шура и как бросится ко мне! Я от неожиданности растерялся, и потихоньку назад пячусь, из опасения за свою жизнь. А она обняла меня, значит, и говорит радостно:

— Дорогой вы мой Борис Иванович! Как вы меня выручили! Вы просто не представляете! Вот здорово! Молодец, замечательный молодец!

— Чему вы радуетесь, Шуручка! Я вас, можно сказать, под сокращение штатов подвожу, а вы от радости с ума сходите.

— Знаете, я все уши прожужжала нашему заву: отпустите меня, хочу ехать на стройку, в Сибирь. А он мне одно: ищи замену — уволю. Замену-то где взять? Не очень много охотников в конторе просиживать... Какое счастье, что вам такая мысль в голову пришла! Теперь мы ее быстро провернем.

И провернула. Сдала по акту кассу со всей наличностью и укатила в Сибирь. А на прощание оставила... Что оставила? Конечно, газету. Рекомендовала утвердить редактором. Говорит, товарищ прожил в газете интересную жизнь, вырос, так сказать, с помощью печати, ему, дескать, и карты в руки. Согласились с ней. А почему бы и нет? Человек она хороший, людям вреда не причиняла. А критика... что ж, на критику надо отвечать самокритикой. Сам в этом убедился.

ЧУТКОСТЬ НА ГОЛОСОВАНИИ

— Неладно у нас получается, — говорил товарищ Сизов другому товарищу, товарищу Вострикову. И хотя они обращались друг к другу с хорошим, емким и теплым словом товарищ, один из них говорил уверенно и повелительно, а другой слушал внимательно, охотно поддакивал и не спускал чуткого взгляда с лица собеседника.

Поэтому вряд ли нужно долго доказывать тот бесспорный факт, что товарищ Сизов был начальником и возглавлял крупное учреждение, а товарищ Востриков был подчиненным и головой отвечал за бытовой сектор в месткоме.

— По вашей линии, говорю, неладно у нас получается. — продолжал Сизов. — По линии чуткости...

— Упущения, конечно, есть, — охотно согласился Востриков. — В том числе и по линии чуткости. Учтем, товарищ Сизов, ваши замечания. Учтем в практической работе и наверстаем упущенное. Теперь будем проявлять чуткость.

— Чуткость нужна нам, как воздух, — поучал Сизов. — Мы не можем без чуткости и внимательного

отношения к людям. Надо подключить к этому делу общественность, Всю. И замкнуться на рядовых тружениках. Иначе нас могут просто не понять.

— А кого конкретно вы имеете в виду? — спросил Востриков. — Кому, по вашим соображениям, требуется оказать чуткость в первую очередь?

— Сегодня я узнал, что экономист... э... э... как его по фамилии-то? Ага, вспомнил! Михайлов. Кажись, Михайлов. Уточните потом у секретаря. Так вот, мне доложили, что Михайлов второй месяц в больнице лежит.

— Своевременно и точно вам доложили. Мы ему уже за сорок рабочих дней бюллетень оплатили. А насчет профчуткости недоучли. Не успели определиться в этом вопросе.

— Второй месяц человек в больнице, — сокрушенно проговорил Сизов. — Лежит, бедняга, и болеет. Может, он скучает? Наверняка скучает. Собраний там с больными не проводят. Заседаниями не увлекаются. Разве что громкие читки газет да еще радио? Маловато, знаете, для больного. Оторваться может человек от коллектива.

— Сам вижу, что маловато мероприятий, — виновато проговорил Востриков. — Больной-то — наш товарищ.

— Навестите больного, товарищ Востриков, — строго сказал Сизов. — Горячий привет передайте от коллектива и от меня лично. Скажите, что у нас сейчас страдная пора — очередное сокращение штата. Надо бы ему быть налицо. Да вы садитесь, товарищ Востриков! Садитесь!

Но разговор, собственно говоря, окончился, и сестра Вострикову не пришлось. Воодушевленный заботой руководства о рядовых экономистах, он быстро вышел из кабинета управляющего и помчался по этажам разыскивать уцелевших от летних отпусков членов месткома.

Петрясенные месткомовцы долго не могли прийти в себя. Как же? Поступило указание на чуткость... От самого...: Они долго обсуждали это и совсем было забыли про больного экономиста Михайлова. Но потом вспомнили и обязали товарища Вострикова «в порядке оказания профчуткости навестить находящегося на длительном больничном режиме члена профсоюза П. П. Михайлова».

Конечно, Востриков с честью выполнил возложенное на него поручение. Конечно, он передал больному сотруднику пламенный привет от коллектива, от товарища Сизова и от себя лично. Конечно, он оставил на тумбочке пакет, от которого исходил смешанный аромат яблок и апельсинов, конечно, он напомнил больному члену профсоюза о задолженности в кассу взаимопомощи и об истечении срока подписки на журнал «Ведомости страхового дела». И, конечно же, после такого трогательного проявления чуткости Михайлов в конце концов выздоровел и здоровый пришел на работу.

Кажется, все. Кажется, можно ставить точку. Но наш любознательный читатель может спросить: «И это все? А что же потом?» Читатель обязательно спросит. Ему интересно знать, что было потом, то есть после выхода экономиста Михайлова на работу.

А потом было профсоюзное собрание. На собрании утверждали смету месткома и в том числе по оказанию безвозмездной помощи члену союза. Огласили сумму — 1 руб. 77 коп. Огласили фамилию лица, коему была оказана безвозмездная помощь в названной выше сумме, — экономист Михайлов. Мотивировали необходимость указанной помощи — подарок находившемуся на больничном режиме больному. И попросили голосовать за утверждение. Утвердить 1 руб. 77 коп. чуткости. И все проголосовали против. Не против чуткости. А против такого подхода к чуткости.

Стоило Жоре Судомойкину увидеть этого представителя дружественной нам азиатской страны, как он остолбенел от удивления. Такого он еще не видал: выкрашенная хной, аккуратно подстриженная борода восточного происхождения была тщательно уложена в едва заметную сетку.

«Ишь, какую авоську для бороды оторвал! — с завистью подумал Жора, глядя вслед туристу. — Законно придумано! Класс-модерн! — Жора задумчиво поскреб то место, где у него не было бороды. — И как она, зараза, держится? Хитрая рационализация...»

Чтобы как-то вознаградить себя за отсутствие такой

шикарной бороды, Судомойкин виртуозно достал зубами сигарету из кармана рубашки, закурил и смачно сплюнул.

«А химия у них не на высоте! — решил он. — Простую сеточку пижон приспособил, из ниточек... Ну, уж я-то себе капроновую обувь под бороду ахну. Закачаешься! Эх, Бристоль—Астория! Потопаю к Мурке... раздобудет что-нибудь...»

Маша была человеком действия. Она работала в универсальном магазине и привыкла к обязательным улыбкам, мороженому «пломбир» и к людским причудам. Выбросив на прилавок десяток сеток, она деловито поинтересовалась у Жоры:

— Хватит или еще подкинуть?

— Не жалея шмуток, детка, — сказал Судомойкин. — На дело пойдут — под бороду... Такой шик-модерн заморозим!

— Жора обзаводится бородой? — с насмешкой спросила Маша. — Очередная сенсация на Бродвее, или просто бриться нечем? Может, мне с девочками заняться филантропией? Подарить банкроту Судомойкину лезвие? И помазок в придачу? Найдем импортный...

— Темнота! — изрек Жора, придиричливо осматривая сетки. — Все цивилизованные чуваки теперь переходят на бороды с сеткой. И я тоже. Кореши увидят — пузыри от зависти пускать начнут. Сила!

— А фасон? — не унималась Маша. — О фасоне бороды подумал?

— Не хохми! У меня барабанные перепонки не казенные. Дай товар выбрать... Сервисом займись.

— Советую тебе бороду а-ля Фердинанд, — как можно серьезнее произнесла девушка. — Самая ходовая борода сейчас. Как раз в тон под твой лиловый ноготь и голубые шнуры.

— Сдался мне твой Фердинанд! Без него как-нибудь обойдемся. Подумаешь...

Жора вдруг осекся, придвинулся к молоденькой продавщице и, оглянувшись кругом, тревожно спросил:

— Он что, уже был здесь? Выбрал сетку? Какую?

— Нет, пока не был, Жора. Ты первый...

— В нашем деле это главное, — самодовольно заметил Жора и показал на маленькую капроновую сетку-«невидимку». — Заверни вот эту. И молчок этому хлыщу Фердинанду. Чтобы железно! Чуешь? Ну, приветик!

Осмысленные действия иногда переходят в свою противоположность. Природа этого явления пока еще точно не выяснена. Дебатируется предположение, что это каким-то образом связано со свойствами человеческого ума: никто не хочет добровольно признать себя дураком.

Жора Судомойкин не боялся, что его действия перейдут в свою противоположность. Он не был философом и не читал лекций по эстетике. Познание сущности человеческих поступков его мало волновало. Природа наградила его подбородком, который с логической закономерностью должен украситься бородой. Знакомая по ганцам продавщица Мурка наградила его капроновой сеткой, которая со временем непременно должна украсить молодую Жорину бороду. А сама Жорина борода в свёрхстильной капроновой сетке, разумеется, украсит уже весь город.

Таким образом, есть все основания констатировать тот бесспорный факт, что разногласий с природой и обществом у Судомойкина на данном этапе развития его личности не намечалось. Даже наоборот. Жора, очевидно, хотел блага своему городу и в его лице — всему обществу.

Земное существование обрело для Жоры новый смысл и яркую оптимистическую окраску. Он ждал... Он

нетерпеливо ждал, когда у него вырастет борода. Ему, человеку, не получившему законченного гуманитарного образования, было ясно, что на бритый подбородок сетку не наденешь. Получится совсем нехорошо и даже смешно. А Жора вовсе не хотел показаться смешным на «пяточке» возле кинотеатра «Луч» и блинной № 3. Наоборот, он хотел выглядеть эффектно и произвести неотразимое впечатление своей густой, шикарной бородой размером четыре на десять сантиметров. Бородой с полезной площадью в сорок квадратных сантиметров, уложенной в капроновую сетку соответствующего габарита.

Через несколько дней со свойственной молодости зоркостью Жора обратил внимание на одно странное обстоятельство: борода росла медленно и неорганизованно. То есть росла единичными волосками и притом в разные стороны. Бороды в комплексе не получалось. Это обстоятельство повергло Судомойкина в глубокое, тягостное раздумье.

Человеческая мысль иногда бывает подобна птице в клетке: бьется, бьется, а вырваться за пределы элементарных истин и установившихся понятий не может. К счастью для Судомойкина, с ним этого не случилось. Жору выручила среда, окружавшая его по линии матери. Среда практических и знающих людей, владельцев одноэтажных домиков и садоогорода в пятьдесят соток. Эта среда посоветовала Жоре втирать в подбородок льняное масло, а потом конопляное, а потом репейное. Когда натуральные масла не помогли, то среда за рюмкой водки вспомнила про салициловый спирт. Однако и от спирта на Жорином подбородке прибавилось красноты, но не прибавилось волос.

Потом Жоре сказали, что на холоде волосы растут быстрее, чем в тепле. И Судомойкин со свойственной молодости энергией по несколько раз в день всовывал

голову в холодильник, поближе к морозильной камере. Естественно, нормальная работа холодильника нарушалась, свежие молочные продукты портились, а счетчик отмечал перерасход электроэнергии. Естественно, что домашние запретили Жоре пользоваться холодильником в узкокосметических целях.

Тогда Судомойкин направился в парикмахерскую. Знакомая парикмахерша из мужского зала вручила ему в обмен на керамические браслеты флакон лосьона с загадочными буквами на этикетке — КППО. Она пояснила, что это патентованное заграничное средство. Ускоритель роста усов. Но можно и для бороды.

Судомойкин втирал заграничное средство долго и добросовестно. Втирал до тех пор, пока приятель не расшифровал малопонятное «КППО» — комбинат производственных предприятий облпотребсоюза. Тогда Судомойкин выкинул флакон. Вместе со средством. Тем более, что оно не помогало. Борода по-прежнему росла медленно и неорганизованно.

Отчаяние может толкнуть человека на опрометчивый шаг. Этот шаг может привести человека в пропасть, из которой ему порой бывает трудно выбраться. Этот шаг может также повредить здоровью, которое тоже бывает трудно поправить, несмотря на широкую сеть санаториев, плавучих Домов отдыха, туристических маршрутов и стоматологических поликлиник.

Отчаяние толкнуло Судомойкина в двухэтажный особняк на одной из тихих улиц города. Его привели к хозяйке — бодрой упитанной старушке. Эта бодрая старушка, ахая и охая, выслушала сбивчивый Жорин рассказ о бороде, которая не хочет расти, и о Фердинанде, у которого борода уже выросла до модного фасона. Потом старушка ласково назвала Судомойкина «бедным касатиком» и взяла с него десять рублей. Без сдачи. За прием и «целительное средство» — баночку с

какой-то мазью. Деньги на обратный проезд у Жоры остались, и он спокойно вернулся домой.

Вскоре после этого Маша встретила Жору. Их встреча еще раз подтвердила давнюю истину о том, что гора с горой не сходится, а человек с человеком... Одним словом, Маша встретила Жору, когда он выходил из поликлиники. Вид у него был мрачный, а подбородок зеленый. Как и многие девушки, Маша не отличалась любопытством. Она только спросила у Жоры, почему он мрачный и зеленый.

Судомойкин хмуро объяснил:

— Нацепила меня одна старушенция. Какая? Знахарка, понимаешь? Под народную медицину, подлюга, работает. Обманывает трудящихся. Серо-ртутную мазь за десятку всучила. Чесотку ею лечат. А мне для бороды. Теперь вот зеленкой мажут. В общем, погорел Судомойкин. Пострадал в борьбе за красоту родного города. Оказался бородой в капроне. А это даже смешно... Понимаешь?

ИСКУПЛЕНИЕ ГРЕХА

— Скажи, Сивачев, ты вчера пил? Смотри, не вздумай финтить... Нам все известно.

— Ну, пил, — нехотя признается Сивачев.

— Зачем же ты пил?

Сивачев рассеянно смотрит по сторонам, в потолок. Замечает на потолке муху и гадает: перелетит муха на стол к Синеокову или не перелетит. Если сядет на стол, то ей крышка. Моментом Синеоков ее в кулак зажмет. Ловко у него с мухами-то... Рукой махнет — и готово! Но муха не собирается лететь на свою погибель, и Сивачев успокаивается.

- Мы тебя спрашиваем, Сивачев. Почему ты пил?
- Все пьют, — философски замечает Сивачев.
- Как это все? И мы, по-твоему, пьем?
- Про вас не знаю...
- Нет, ты скажи... ты нас видел выпивши? В пьяном состоянии наблюдал?
- Вас не увидишь.
- Почему это нас не увидишь?
- Вы... того... дома под одеялом хлещете. И жены ваши ни звуку... панику не поднимают. Воспитанные жены... А моя разлюбезная... Эх-х! Начнет звонить — на семь верст слышно.
- В семейные дела ты нас, Сивачев, не впутывай. Ни в свои, ни в наши. Ответь прямо, почему пьешь? Работа не устраивает или с мастером конфликтует? Может, еще какая скрытая от нас причина?
- С мастером что... Мастер — свой человек, с понятием глубоким. Он тебя понимает, и ты его насквозь видишь. Работа... Работа что... Работой мы довольные... На соточку остается.
- Так почему же ты вчера напился?
- Сивачев мнется, ерзает на стуле, потом нерешительно говорит:
- Покупку обмывали.
- Покупку? Это интересно. Что же ты купил, если так основательно надрызг... пьяным был?
- Шнурки новые обмывали. Старые, значит, у меня лопнули, а новых в запасе нет. Новые где взять? В магазине. Купил шнурки, хорошие попались, и — к корешу. Он сейчас, значит, один. Жена на курортах... Сбежали за поллитровкой, вдвоем и раздавили. Чтобы, значит, дольше носились. А что, у меня прав нет покупку обмыть? Не нами это заведено, не нам и отменять. Нет такого закона. Да! Закон я знаю. Против закона пить не стану!

— Правильно, Сивачев, закона такого нет. Покупай, обмывай... Сегодня шнурки, завтра, извиняюсь, пуговицы к кальсонам. Боюсь, Сивачев, тебе дней в году не хватит. Ишь, законник!.. А вот закон о борьбе с пьянством ты знаешь? Молчишь? Согласно этому закону возьмем тебя и уволим. За твое беспробудное пьянство. Нашу мастерскую чтоб не позорил. Что ты скажешь, Сивачев?

— А то и скажу, что мастерскую я не позорил. И позорить, стало быть, не собираюсь. Какой резон мне ее позорить? Нет мне такого резону. Потому вчера и пил за честь нашего предприятия. Кореш подтвердит, ежели чего...

— Не выкручивайся, Сивачев. Сам же сказал, что обмывал шнурки. Шнурки-и... Причем наше предприятие? Хитришь, Сивачев.

— Стало быть, разрешите пояснить, как было дело. Шнурки, значит, обмывали первой поллитровкой. Вторую поллитровку раздавили за мастерскую.. за родное предприятие. Стало быть, я говорю корешу: «Выпьем за наше предприятие, чтобы, значит, оно план перевыполнило и премии получило». А кореш, значит, соглашается. «Выпьем», — говорит. Даром, что сам с дизельного, а дизельный с нами соревнуется. Все равно выпил, не обиделся. На то он и кореш. Потом, стало быть, за мастера глотнули. Дай бог ему здоровья, чтобы сам жил и нам давал жить. Потом за вас, товарищ Синеоков, пропустили... За ваш подход к рабочему классу. Потом...

— Погоди, погоди, Сивачев. Говоришь, пил за план, за перевыполнение?..

— Истинно! Кореш слышал... Кровно заинтересованы мы... Поди, разбираемся в экономике. Премии ведь без плана не будет...

— Не будет, Сивачев, не будет. Это, вижу, ты себе твердо уяснил. Так-так... Говоришь, и за меня пил?

— Чай, не грех за хорошего человека выпить.

— И за начальника областного управления пил?

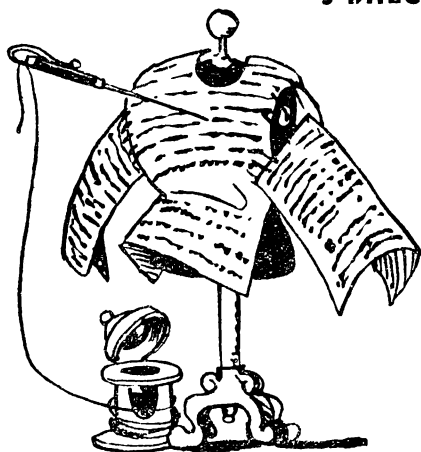
— Пил.

— За Владимира Семеновича?

— За Владимира Семеновича. Наливаем, значит, по последней, я и говорю корешу: «Давай, Ваня, за наше руководство выпьем. За Владимира Семеновича, нашего начальника». Кореш супротив не идет. Мы и стукнули по последней, значит.

— По последней, говоришь? Выходит, ты, Сивачев, осознал? Пришел к правильному выводу о недопустимости пьянства? Ладно, Сивачев! Еще раз тебе поверим. В последний раз. Не взыщи потом. По всей строгости тогда... А сейчас можешь идти работать. Понял?

— Понял, — ответил Сивачев и не спеша вышел из кабинета.

Фельетоны читать вы, конечно, любите? Знаю, любите. А писать их вы не пробовали? Напрасно! Особой сложности здесь нет. Нужно только желание, умение и терпение. Желание — для того, чтобы взяться за это дело и полюбить его. Умение — для того, чтобы суметь написать фельетон. Ну, и терпение — для того, чтобы пройти все редакционные инстанции и очутиться со своим произведением на уплотненной до предела газетной полосе. После этого можете считать себя законченным фельетонистом. А теперь несколько чисто практических советов.

Путь в фельетон лежит через фантазию и прием.

Нет фантазии — выручает прием. Фантазии в избытке — прием опять не лишней. Работайте, как врач: во-первых, диагноз, во-вторых, лекарство и... кто следующий. Поначалу рекомендуется классический прием с употреблением классиков. Берете в завязку что-нибудь там из Шедрина, Гоголя, Нариньяни... Затем изложение фактов и под занавес немного от себя. У меня когда-то так получалось.

О чем писать? Конечно, на животрепещущие темы. Разве не тема — пошивочное ателье? Что ни мастерская — то очередь, что ни костюм — то брак, что ни директор — то абсолютный профан в искусстве красиво одевать людей. Тема выбрана, что теперь? А теперь берите томик Чехова, садитесь за стол и скорее за работу. И вот что у вас может получиться.

Почти по Чехову

«Читатель, наверное, помнит бурное объяснение героев чеховской шутки «Предложение» по поводу принадлежности Воловьих Лужков:

Ломов. *(Хватается за сердце)*. Воловьих Лужки мои! Понимаете? Мои!

Наталья Степановна. Не кричите, пожалуйста! Можете кричать и хрипеть от злобы у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!

Ломов. Если бы, сударыня, не это страшное, мучительное сердцебиение, если бы жилы не стучали в висках, то я поговорил бы с вами иначе! *(Кричит.)* Воловьих Лужки мои!

Наталья Степановна. Наши.

Ломов. Мои!

Нечто подобное могло произойти и в наши дни. Представим себе, что директор ателье № 3 Сомов, здоровый, упитанный, но очень мнительный человек, зашел к ди-

ректору ателье № 4 Марии Степановне, молодой, энергичной и тоже упитанной женщине, поздравить ее с успешным выполнением производственной программы. Они увлеклись тихой и мирной беседой. В это время в ателье появился неизвестный гражданин и попросил Марию Степановну принять у него заказ на индпошив костюма. Мария Степановна уже отдала распоряжение об оформлении заказа, но в приемооформительскую церемонию вмешался Сомов.

Сомов. Я постараюсь быть краток. Вам, уважаемая Мария Степановна, должно быть, известно, что я давно уже имею честь знать этого заказчика. Заказчик мой, и ему должен шить я, а не...

Мария Степановна. Виновата, я вас перебыю. Вы говорите: «Заказчик мой». Да разве он ваш?

Сомов. Мой, уважаемая Мария Степановна. Мы ему еще в прошлом году шили летние брюки. Так что он мой-с.

Мария Степановна. Ну, вот еще! Заказчик мой. Мы ему совсем недавно пошили демисезонные брюки. Откуда же он ваш?

...Неизвестно, сколько бы времени продолжалась эта перепалка, если бы...

Если бы мы уже выше не оговорились, что нечто подобное только могло произойти. Но, как читатель догадался, этого не произошло. Не произошло потому, что руководители ателье и мастерских индивидуального пошива смирились с недостатками в обслуживании заказчиков».

Возможно, фельетон не понравится редактору. Возможно, вам скажут, что не стоит перепевать Чехова. Не отчаивайтесь и — снова за стол. Смело идите на использование сказочного начала. Тогда у вас получится фельетон-сказка или сказка-фельетон. Примерно такого плана.

Про дядю, тетю и пиджак в елочку

«Это было недавно. Из большого-пребольшого дома-магазина, что высился на главной улице града областного, выскочил маленький Отрезик.

— Ой, как хорошо на белом свете! — радостно воскликнул он. — Не буду больше лежать на полке. Стану Пиджаком, да не простым, а «в елочку». Буду везде ходить, все видеть и все знать. Но как это сделать? Говорят, трудно.

Задумался Отрезик и побрел печально по улице. Вдруг видит: идет ему навстречу Блузочка Капроника. такая белая, нарядная, с гипюровой отделкой. Обрадовался Отрезик, бросился Блузочке навстречу.

— Здравствуй, Капроника! — обратился он к ней. — Как живешь-можешь?

— Здравствуй, Отрезик! — отвечала Капроника. — Очень рада тебя видеть. Как быстро время бежит!

— Да, ты права, Капроника. Давно ли мы с тобой вместе были в тюках и кипах, света дневного не видели. А теперь ты вот уже Блузочкой стала. Другой жизнью живешь и нужды не ведаешь. Вот и я надумал стать Пиджаком. Что ты мне посоветуешь?

— Не знаю, что тебе и сказать, Отрезик. Мне просто повезло. Меня сшила знакомая тетя у себя на дому. За вечер сшила. А ведь у тебя знакомства нет? Придется тебе, Отрезик, идти в ателье и угостить дядю Закройщика.

Пришел Отрезик в ателье, угостил дядю Закройщика и вскоре стал Пиджаком «в елочку».

Сказка сказкой, а дело нешуточное, товарищи. До каких пор в ряде ателье будет процветать взяточничество?»

Редакторы — народ серьезный. Вам могут сказать, что солидная газета не может разминаться на какие-

го там сказки-прибаутки. Не унывайте и не падайте духом. Вежливо соглашайтесь с редактором и идите домой. Писать на новой основе. На основе стилизации. Под что-то такое историческое, былинное. Можно так.

Портной-кудесник

«Однажды зашли мы, в рассуждении пошить кафтан, в приказ индивидуального пошива. Заказчицкая изумила нас росписью стен своих, самобытным искусством мастеров здешних. Не без робости пробирались мы меж громоздкой мебели к столику девицы-приемщицы. Как заказчики, пожелали мы иметь ознакомление со сроком выполнения работ.

Указующий перст девицы-приемщицы направил взор наш на табличку с надписью: «Прием заказов временно прекращен».

Некоторое время пребывали мы в великом изумлении. Окрест другого приказа индпошива сыскать зело трудно. А человеческое естество требует соответственного облачения.

Сие навело нас на грустные размышления. Неужели оскудела земля наша портными-кудесниками, что каждая мастерская являет собой зрелище, подобное описанному выше? Быть того не может. Просто люди, коим по долгу службы положено за этим делом неослабно наблюдение иметь, мер нужных не принимают.

Мы возвысили свой голос и потребовали подать нам летопись жалоб.

Летопись нам, конечно, не подали. Но зато из кабинета вышел мужчина, обликом своим схожий с Микулой Селяниновичем. Мы несказанно обрадовались его появлению, угадывая в нем самого князя Стольного, то бишь директора.

— В чем дело, граждане? Почему шум? Вы грамотные? Читайте объявление и уходите.

— Мы хотим сшить новый костюм, и притом быстро. Вызывают на фестиваль. Понимаете?

— А «Москвича» по лотерейному билету вы не желаете? У вас на это больше шансов. Войдите в мое положение: заказов много, мастеров мало. К тому же у нас поток. Но сейчас, как на грех, ведущий закройщик в отпуске, мастер по левой штанине запил, а мастер по пришивке пуговиц в роддоме. Так что войдите в мое положение.

Мы вошли в его положение и вышли из ателье. А в наше положение кто войдет?

В самом деле, кто войдет в положение человека, которому срочно потребовался новый костюм? Не пора ли руководителям служб бытового обслуживания подумать об открытии экспресс-ателье? На случай срочных заказов. Трудящиеся только спасибо скажут вам, товарищи руководители бытового обслуживания. Слово за вами, товарищи руководители!»

Если и на этот раз вас постигнет неудача, то бейте по нашим пошивочным недостаткам античной мифологией. Это ново, свежо и оригинально. Вот почитайте и убедитесь сами.

Венера не улыбается

«Юная и прекрасная Венера Милосская приехала по служебным делам в наш город. Торопясь занять место в гостинице, она быстро шла по улице, не замечая удивленных взглядов прохожих.

Вдруг ее окликнули по имени. Она обернулась и — о радость! — увидела своего школьного товарища Аполлона Бельведерского.

— Здравствуй, товарищ Безъведерский, — проговорила она, мило улыбаясь. — Что нового на нашем Олимпе?

— Приветствую тебя, Венера Ивановна. Живу хорошо. Только что оформил прописку в здешнем городе. Сама знаешь, милиция... очереди в паспортном столе... Но, боже мой, как ты легко одета! На тебе почти ничего нет! Немедленно одевайся. Готовое платье здешней швейной фабрики покупать не советую — изуродуешь фигуру. Лучше сшить на заказ.

— Скажи где, милый Аполлон.

— Где? Конечно, в ателье индпошива.

...Не стоит описывать все злоключения Венеры Милосской в ателье. Скажем только, что пошить недорого хорошее платье в нашем городе — действительно проблема. И если Венеру одели с трудом, и то кое-как, то что говорить о реальных представительницах женского пола? И доколе это будет продолжаться?»

Трудно гарантировать, что и этот вариант фельетона пройдет. Могут отвергнуть. Очень даже могут. Что еще посоветовать? Утешьте себя изречением: «Классики подвели» и отправляйтесь домой. Зачем? Читать уже напечатанные фельетоны. Среди них вы обязательно найдете хоть один такой, какой у вас был забракован. Это точно! Что? Не верите? Хотите пари на дюжину пива?

ДОГОВОРИЛИСЬ

Местный литератор Ар. Сысоев принес в драматический театр рукопись своей первой пьесы. Сто страниц машинописного текста, словно ребенок в пеленках, тесно и смиренно лежали в коленкоровой папке, украшенной витиеватой надписью: «Ближе к жизни».

Одно дело входить в театр просто зрителем, не чувствуя личной ответственности ни за содержание пьесы, ни за игру актеров, а другое — драматургом, к тому же еще из разряда начинающих. Поэтому не без робости шел Сысоев по непривычно пустому фойе и темному коридору в кабинет главного режиссера театра Виталия Викентьевича Высоцкого. С ним наш драматург был знаком только по театральным программкам-листовкам, где фамилию Виталия Викентьевича всегда набирали крупным шрифтом, так что зритель сначала узнавал имя главного режиссера, а уж потом — автора пьесы.

Виталий Викентьевич принял Сысоева так, словно ему каждый день приходилось отстаивать чистоту и выдержанность репертуарного плана от проникновения незрелых произведений молодых драматургов.

— Хорошо, — сухо сказал Виталий Викентьевич, — оставьте вашу папку и зайдите через месяц-другой. Я прочитаю, посоветуюсь с товарищами из худсовета и тогда выскажу свое мнение.

И вот Сысоев снова в кабинете главного режиссера. На этот раз Виталий Викентьевич был более словоохотлив.

— Творческой удачей вашу вещь признать нельзя, но вы правильно подошли к разработке актуальной темы. Это радует и ободряет...

— Кого?

— Не театр, конечно. В сценическом отношении пьеса очень и очень слаба, прямо скажу — беспомощна. Много действующих лиц, но ни одного запоминающегося, колоритного образа. Настораживает односторонняя прямолинейность ваших героев. В их переживаниях не видно тонкого психологического рисунка, который бы донес до зрительного зала всю глубину человеческих чувств. Разве такие безликие фигуры — материал для актерской работы?

— Позвольте, но инженер Лещенко — молодой, энергичный специалист. Он активно борется с консерватизмом главного инженера завода.

— Вы потеряли чувство меры в типизации образа. Не сумели с достаточной точностью индивидуализировать черты его характера. Где принципиальность молодого специалиста в сцене объяснения с заводской буфетчицей? Вообще у вас пьеса положений, а не пьеса характеров.

— А Варенька?

— Что?! Эта избалованная, взбалмошная женщина! Ваша Варенька — украшение коммунальной кухни, а не сцены.

— Можно кое-что сократить.

— Можно вообще все сократить, и зритель только спасибо скажет. Где конфликт? Где динамика действий? Где интермедийные выходы на сценическом круге? Я не вижу даже основы для воплощения режиссерского замысла.

— О конфликте я заботился больше всего. Новое побеждает старое в...

— Мелкое решение глубокой темы!

— Возможно, вы правы... Но недостатки скрадываются языком. Я тщательно отделывал каждую фразу.

— Это язык повести, а не сцены. «Я в тебе ошиблась!» Что это за язык? Это не язык, а какая-то вялая морковь. Театру нужно так: «О, если бы ты знал, как я глубоко в тебе ошиблась!» Это вам говорит режиссер, на счету которого не один десяток поставленных спектаклей и опыт творческого соавторства.

— Может быть, и мне стоит подумать о соавторе?

— Это мне стоит подумать, возьмусь ли я доводить вашу пьесу до спектакля.

Но, заметив, что обескураженный Сысоев собирается уходить, Виталий Викентьевич примирительно сказал:

— Хотя, впрочем, я пока свободен от режиссерской работы и могу заняться вашей пьесой. Если, конечно, вы не возражаете.

— Что вы, даже напротив!

— У меня есть некоторые соображения.

Высоцкий походил по кабинету, полистал рукопись и продолжал:

— Надо следовать логике зрительного восприятия. Поэтому поставим вашу пьесу как бытовую драму с общественным звучанием. Назовем ее, ну допустим, «Две семьи».

— «Две семьи!» — ахнул Сысоев.

— Не волнуйтесь. Зритель остро прочувствует и правильно осмыслит ведущую идею пьесы: подтягивать отстающие семьи до уровня передовых семейных ячеек.

— Так нужно переписывать пьесу заново?

— Положитесь на меня, молодой человек. Все гораздо проще, чем вы думаете. Переносим финал во второе действие и создаем напряженность завязки. Кульминационным актом пьесы станет сцена у портнихи-надомницы, работающей без патента. Для раскрытия динамики семейных отношений смело пойдем на вселение двух семей в одну секцию.

— Это... Это... зачем?

— Как зачем? Местом разворачивания магистральных событий пьесы сделаем общую кухню.

— Кухню? — с дрожью в голосе переспросил Сысоев.

— Да, кухню! Этот новаторский прием открывает перед театром большие возможности. Представьте себе, как эффектно прозвучит монолог инженера Лещенко на фоне газовой плиты, холодильника и допотопного примуса!

Ошеломленный Сысоев, кажется, уже ничего больше не соображал и с выражением ужаса смотрел на Виталия Викентьевича, а тот, не замечая оцепенения драматурга, без умолку говорил.

— Теперь о языке. Придется вам самому основательно пройти по тексту. Конкретизируйте язык и мысли положительных действующих лиц. Не советую шаржировать и утрировать отрицательные персонажи пьесы, тем более что к концу спектакля здоровое начало перебарывает аморальные поступки.

...Вскоре после ухода Сысоева Виталий Викентьевич вызвал администратора театра, и они занялись разработкой макета афиши, возмущавшей о постановке главным режиссером В. В. Высоцким пьесы драматургов Виталия Высоцкого и Ар. Сысоева «Две семьи».

МОЙ ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Редакционная «летучка» подходила к концу. Синий карандаш редактора нашей молодежной газеты торопливо оставлял пометки на газетных листах, а очки на редакторском мясистом носу сползли все ниже и ниже — верный признак того, что скоро начнется разговор. Ждать пришлось недолго. Редактор говорил, мы слушали. Все шло своим чередом. Но заключительный аккорд редакторской речи прозвучал неожиданно даже для Алика Войцеховского, спортивного хроникера, который настолько погружался в турнирные, рекордные и прочие таблицы, что был абсолютно равнодушен к редакционным заседаниям.

— Рассказ как художественный жанр исчез со страниц газеты, — заявил редактор и, внушительно посмотрев поверх очков, добавил: — Руководство обратило мое внимание на этот существенный недостаток...

Мы-то, сотрудники редакции, хорошо знали, почему рассказу в газете не повезло.

— «Наша газета не альманах, а серьезный орган, —

отвечал обычно редактор на предложения поместить рассказ. — Что такое рассказ? Абстрактная форма отображения окружающей действительности. В нем не названы конкретные имена... Догадайся, мол, сама, о ком из наших людей идет речь. Всякие там цветочки-василечки... Нам нужен не пейзаж, а фактеж. А из литераторов можно оформить рейдовую бригаду по проверке обмера и обвеса покупателей...»

На том и порешили. Но раз «руководство обратило», то... Короче говоря, я решил написать рассказ.

«Почему бы нет? — рассуждал я. — Корреспонденция, отчеты, статьи и даже очерки у меня получаются. Недавно, после дискуссии по поводу мелкотемья фельетонов, взялся за фельетоны на бытовые темы, — тоже, кажется, вышло неплохо. Пора попробовать силы и в жанре рассказа».

Главное, чтоб был сюжет и не было бесконфликтности. Конечно, не менее важно и то, о чем писать. Из жизни колхозной деревни? Вряд ли получится. Жизнь эту я знаю плохо. Может быть, рискнуть на промышленную тему? Очень знакомая ситуация: директор-консерватор стоит на пути нового, передового. Но этих отсталых хозяйственников уже наплодили в литературе, кино и спектаклях, пожалуй, больше, чем их вообще существует на белом свете.

Тут я вспомнил, как один писатель пришелся ко двору читателям своей повестью «Не ко двору», и принял мудрое решение: пишу про любовь! Не обычную, со счастливой развязкой и родительским сочувствием и умилением, а про любовь трудную, в которой не только восторги, ахи да охи, но и слезы!

С таким намерением я заявился домой. Надо сказать, что моя жена (в школе для учеников, — Анна Николаевна, дома, для меня, — Анчик) была в курсе моих

творческих дел. Освобождая утром пепельницу от горки окурков, она спрашивала, как обычно:

— Опять фельетон писал?

И я утвердительно кивал головой.

В этот раз вечер начался, как обычно. Жена уселась за проверку тетрадей, я — за рассказ. Когда Анчик заинтересовалась моей работой, то я, решив не раскрывать свой замысел, небрежно ответил:

— Пишу статью об использовании атомной энергии в мирных целях.

В первый вечер я придумал удачную завязку и работал портрет девушки «в светло-сером платье из гладкой ткани, рельефно облегающей упругие и стройные формы ее тела...»

Затем я организовал случайную встречу рассказчика с героиней в тот момент, когда «порыв свежего ветра неожиданно завихрил платье девушки, обнажив белизну и заманчивую линию ее ног». Здесь стоит заметить, что для пушей убедительности и правдоподобности повествование велось от первого лица. Каждый вечер в ткань рассказа вплетались все новые и новые узоры.

...Я люблю ходить домой пешком. Хорошо после редакционной сутолоки влиться в людской поток вечернего города, а потом свернуть на малолюдные улицы и брести наедине со своими думами. Я шел, и у меня мысленно вырисовывалась картина бурного объяснения девушки с ее прежним знакомым.

Придя домой, я сразу заметил, что жена, как говорят, не в своей тарелке. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

— Что ты писал в эти дни? — стараясь быть спокойной, спросила она.

— Как то есть что? Ведь я тебе говорил: статью об использовании атомной энергии в мирных целях.

— И еще врет... Энергия! В мирных целях... Знаю те-

перь, куда идет твоя энергия! Хороши же твои цели!.. Подумал бы о семье! Бросаю все и немедленно уезжаю к маме. Не забудь внести квартплату и получить белье из прачечной.

— Постой, Анчик, постой! В чем дело? Объясни толком.

— А ты будто ничего не знаешь? Хотела я написать письмо Капочке Безруковой, беру бумагу из пачки и нахожу вот эти листки. Твои курортные впечатления.

— Подожди... Это не курортные, это...

— Бессовестный ты человек! Съездил, покатался и решил освежить в памяти приятные впечатления. Как тебе не стыдно? Тридцать лет, сын вот-вот в школу пойдет, а он все о девушках думает. Красивые ноги... А я не хороша теперь стала?

— Анчик, дорогой! Выслушай меня. Какие, к шуту, южные воспоминания. Ведь это рассказ! Просто я хотел обрадовать тебя неожиданностью — напечатанным рассказом.

— Рассказ? — удивленно, но пока еще сквозь слезы прстянула жена. — Какой же это рассказ, когда нет заголовка?

Вот тут-то меня и осенило. Озаглавлен рассказ действительно не был, просто руки не дошли. Да и, откровенно говоря, ничего подходящего на ум не приходило. Но если бы я знал, что произойдет такое, что-нибудь придумал бы.

Нет худа без добра. Через минуту я бросился к жене, закружил ее и радостно выкрикивал:

— Анчик! У меня талант... Правда жизни... Ты ревнуешь к женщине, которой нет... Значит, я могу писать! Рассказ будет.

Жена с улыбкой вытирала слезы.

— Что же ты сразу не сказал, — проговорила она. — Дописывай свое произведение.

Но рассказ, как говорят, не вышел в свет. Семейный разговор потушил во мне творческую искру и отбил желание описывать изломы женской души.

Утром я рассказал редактору короткую историю моего творческого взлета и падения. Синий редакторский карандаш грозно навис над гранками, очки на толстом, мясистом носу редактора сползали все ниже и ниже— он начал говорить:

— Значит, рассказ не получился? А развѣ то, что я сейчас услышал, — не рассказ? А?

Но, заметив, что я готов ухватиться за его мысль, он поспешил добавить:

— Впрочем, для печати эта история не годится.

Плохо, ой, как плохо спалось в эту ночь Максиму Алексеевичу. Неважно он себя чувствовал в мягкой постели под ватным одеялом с пододеяльником. Сна не было, представьте себе. Замучила проклятая бессонница. Он и на один бок повернется, и на другой, и на спину ляжет, а сна нет. Раньше он так не мучился. Раньше было по-другому. Уляжется поудобнее и без всяких там беспокоящих мыслей засыпает. И спит спокойно. А теперь другие времена, что ли, наступили? Не идет сон к Максиму Алексеевичу. А спать надо. Если не спать, — здоровье подорвешь. А здоровье нельзя подрывать. Здоровье надо беречь. Здоровье всегда пригодится.

Максим Алексеевич закрыл глаза, отрегулировал дыхание и принялся про себя считать. Раз... два.... три... четыре... Трижды до ста двадцати семи досчитал, а заснуть не смог. Хоть снова начинай.

Ворочался, ворочался Максим Алексеевич и решил прибегнуть к последнему известному ему радикальному средству побороть бессонницу. Он включил свет, взял местную газету, стал читать передовицу о подготовке городского хозяйства к зиме. Неудобно, конечно, использовать печатный орган для таких целей. Ну, да что поделаешь, если бессонница. И потом никто не видит и никто не знает, для чего Максим Алексеевич использует газету. Не побежит же он сам на себя капать. И с подпиской у него все в порядке. На год подписка на газету оформлена. И квитанция хранится. В случае чего — нате вот, пожалуйста: первым на газету подписочку оформил и читаю аккуратно. Не-ет! С этой стороны к нему не подкопаешься.

Но сон все равно не приходил, как в былые времена. И газета в этом не была виновата. Газета выступила с обычной передовой статьей. С такой статьей, от которой Максим Алексеевич начинал похрапывать точно на пятом абзаце. А сейчас он не только не заснул, он даже рассердился: «Черт бы побрал этих умников из редакции! Пишут, что к зиме город нужно обеспечить топливом, овощами, выполнить план ремонта квартир трудящихся... А кто этого не знает? Это и последнему бездельнику известно... Открыли истину в первой инстанции. Тоже мне, деятели!..»

Прочитав фразу о работе родственных ему предприятий бытового обслуживания, Максим Алексеевич вздрогнул и зябко поежился. Сразу пришло на ум, откуда тревожность в мыслях и бессонница. От Коли Коробова, вот откуда. От молодого специалиста их управления.

Доверили этому молодому работнику проверку ПСБЧ,

то есть основного пункта сдачи белья в прачечную. Вернулся Коля Коробов из командировки, сдал бухгалтеру авансовый отчет, узнал, возвратилась ли из другой командировки тоже молодой специалист Верочка, и сел писать докладную о результатах ревизии ПСБЧ. А сегодня утром сдал докладную Максиму Алексеевичу.

Прочитал Максим Алексеевич с карандашом в руках Колино произведение и пришел в ужас. Это был не акт ревизии, а прямо наградной лист на работников ПСБЧ. Хоть ставь печать и отправляй в министерство. Все сразу получают значки отличника соцсоревнования. Он так и сказал молодому ревизору Коробову. И еще он сказал, что акт ревизии не может быть положительным. Это документ сугубо отрицательный, основанный на вскрытии серьезных недостатков и упущений в работе. Если хвалить будем, нас и за руководителей считать перестанут. Раз приехал проверять, — вскрой, укажи, накажи! Тогда тебя будут уважать. Тогда твою руку почувствуют.

А Коробов? Этот без году неделя работник их системы... видите ли, не согласился с ним, с Максимом Алексеевичем. Он заявил, что написал все, как есть, все, что узнал и увидел. От такой строптивости молодых кадров Максим Алексеевич еще больше расстроился. Он с трудом дождался конца работы, кое-как поужинал и вот теперь лежит и страдает бессонницей в острой форме.

Отложив газету, Максим Алексеевич задумался.

«Придется воспитывать молодые кадры, — решил он. — Показать практически, как это делается. Научить их смотреть в корень, а не скользить по поверхности. Мы тоже были молодыми, и нас тоже учили. И не так чтобы очень мягко. Это мы сейчас деликатничаем... А с нами-то тогда не больно... Так что завтра утречком, на свежую голову, и займусь этим молодым кадром. Вме-

сте с ним такую изюминку вытащим из его акта!.. И делу польза, и кадру—наука...»

Максим Алексеевич с удовольствием подумал еще с часок, как он будет доставать изюминку из Колиной ревизии, и наконец спокойно уснул.

Утром между Максимом Алексеевичем и Колей Коробовым произошел такой разговор:

— Послушай и подумай, товарищ Коробов, что получается. Съездил в командировку. Хорошо. На чей счет? На государственный. Государство тебе и за жилье, и за питание платило. А ты чем отплатил за такую заботу? Ничем. Недостатков нет, выводов из недостатков нет, значит, и выговора никому нет.

— Что нашел, то и написал.

— Ничего ты не искал, дорогой товарищ. Сплошные дифирамбы местным работникам поешь. Читаем: «Десятимесячный план перевыполнен по всем количественным и качественным показателям. Жалоб на плохое обслуживание нет». Допустим на минуту, что это так. Ладно, согласен с тобой. Ну, а прогрессивные формы обслуживания населения они у себя внедрили?

— Так вы же сами у них «Москвич» отобрали! Какие же прогрессивные формы без машины?

— Мало ли что я отобрал! А они где были? Следовало требовать, добиваться отмены моего решения, жаловаться на меня. Поэтому запиши в свой акт: «Завпунктом Бельская не проявляет инициативы в работе, смирилась с недостатками, мало требовательна к себе и подчиненным».

— Она писала товарищу Руняеву.

— Что? Писала? Клязуй разводит! Пометь себе следующий пункт: «Забыв о своем высоком долге руководителя, т. Бельская клязунничает и дискредитирует в глазах коллектива вышестоящее руководство». Простой выговорок ей уже обеспечен. Учись обобщать факты и

делать из них правильные выводы. Да-а, на простой выговорок мы с тобой натянули. Считаю, что половину командировочных оправдал. А как с качеством?

— Записей в книге жалоб нет.

— Ты товарищ молодой и наивный. Клиенту одна забота — сдать белье поскорей. Будет он с жалобами возиться. Тут мы ему должны помочь — стирательские конференции провести, выставки организовать. Было белье грязное, стало чистое. Наглядно? Медицину подключить. А этого нет? Укажем Бельской на запущенность и недооценку живой организаторской работы среды сдатчиков белья. А с хищениями материальных ценностей? Замечал?

— Максим Алексеевич, не станут же они из собственного кармана брать!

— Из собственного кармана, дорогой мой, не берут. Берут из государственного. Мыло, сода у них чьи? Государственные. Дополним характеристику Бельской: «Не видит разницы между своим карманом и государственным». Понял? На строгача набрали. Считаю, на семьдесят пять процентов командировку оправдал. Остается еще двадцать пять. На последнее предупреждение Бельской. По линии морально-бытового разложения интересовался?

Коля Коробов густо покраснел.

— Максим Алексеевич, на пункте одни женщины работают, замужние.

— Женагые да замужние, дорогой товарищ Коробов, — самый объект для нас. Холостым и одиночкам морально-бытового разложения не припишешь. Они вольные насчет разных фиглей-миглей. К кому хотят, к тому и идут. Мы с тобой за них не в ответе. А семейные обязаны блюсти... А что Бельская по этой части? Не зафиксировал? Ну, не ерепенься! Копнем ее с другой стороны. Обарахлилась, поди, пока пунктом заворачивала?

...Первая ревизия — как первая любовь. Любовь в обиду не дают. И молодой специалист Коля Коробов не дал в обиду свою первую в самостоятельной работе ревизию. А Максим Алексеевич надолго обеспечил себя бессонницей. Ему теперь спокойно не спать. Теперь другие времена...

ВОСЬМАЯ БРИГАДА

(Рассказ деда Захарыча)

Остался я, значит, не у дел. А почему? Демонстративно ушел с поста. Пост я занимал ответственный — сторожил лавку сельпо. Только как у них хищений да растрат разных наобнаружили, — не стало там ноги моей.

«Жулье, думаю, проклятое. Я до народного добра не то что человека — мухи, бывало, не подпускал. А они... Тыфу их... Пусть теперь в тюрьме горбом перед народом оправдываются...»

Пришел я, значит, вакантным к нашему колхозному председателю, Ивану Митрофановичу. Докладываю, так, мол, и так, давай, председатель, работенку подходящую. Сам знаешь, в какую я ситуацию попал. А без дела сидеть не могу.

Иван Митрофанович выслушал меня внимательно, прошелся раза два от стола до окна, посмотрел зачем-то на улицу, потом на меня еще разок взглянул, словно оценивал мои наличные возможности, и говорит:

— Принимая во внимание, Захарыч, характер твоей предыдущей работы и учитывая знакомство с товаропроводящей сетью, вношу на твое рассмотрение предложение...

Надо сказать, что до нас Иван Митрофанович где-то долго возле бумажек работал, оттого и разговор у него такой остался. Сейчас уж отвыкать стал. Спиридоновна,

та, что всем снам толкование дает, говорит: пройдет это у него...

Одним словом, поручили мне сопровождать нашу овощную и прочую продукцию на колхозный рынок. Поначалу разнообразие было. Сядешь себе в грузовичок промеж огурцов там разных и пылишь по дороге до города. Поторгуешь и—обратно. Торговлю вел Федька, а я, значит, заместо общественного ревизора. Только стал я примечать: после торгового дня Федька всегда навеселе бывал. Где он, думаю, шут гороховый, деньги на выпивку достает? И заметил. У нас с колхозного огорода овощь известно какая: свежая, крупная—вся на подбор, так в миску и просится. А он, этот Федька, наскребет в своем собственническом огородишке замухрышек разных и шпарит их на базаре под видом колхозных, а наш товар как свой продает. Мало того что наживался, так еще колхоз позорил. Ну, представил я правлению всю эту картину в полном ассортименте. Федьку срочно заменили. Тогда и мне вроде незачем ездить стало: людей честных поставили. Прихожу я, значит, опять к нашему председателю насчет дальнейших руководящих указаний.

Выслушал меня Иван Митрофанович, прошелся три раза от стола к окну и заявляет:

— Человек ты, Захарыч, сознательный и инициативный. А будучи таковым, отбрось личные сомнения и определи сам свое место в колхозном производстве на нынешнем этапе его развития.

И пошел я, значит, искать свое место в колхозном производстве. Перво-наперво завернул в третью комплексную бригаду. Бригадирует там Маркелов-сын. Прямо скажу: умело хозяйничает. Жатки, которые лафетные, лафетируют, комбайны комбайнируют. Дельно и сдельно — люди все на полном серьезе работают. Прощелся я у жаток и говорю все же бригадиру: «На низ-

ком срезе косишь. Дождь пойдет — прорастут хлеба-то». Он что-то прикинул в уме и сразу повернул дело на нужный срез да еще отблагодарил за критику. А мне того и надо. Попрошался и на ток двинулся. И там вижу трудовой энтузиазм. Зернопульт веером зерно рассыпает, женский персонал его на транспортер подкидывает и в кузов. По-научному это называется комплексная механизация. От такой механизации у хлебороба на душе легко становится.

Возвращаюсь я, значит, домой и вижу такую картину: стоит у своего дома тетка Мавра с незнакомым человеком и, видать, о чем-то его упрашивает.

А он уперся, как бык, и знай головой отрицательно мотает.

Смекнул я, что дело нечисто. Подхожу, значит, к ним своим ходом, здороваюсь и так это вежливоенько интересуюсь:

— О чем это вы, дорогие граждане, середь бела дня торгуетесь? Может, рассудить кого?

Мавра молчит, а он, мужчина, значит, в прения со мной пускается.

— Проходи, дед, стороной! Не терплю, когда в мои дела лезут. Отодвинься, пока не поздно!

Рассерчал я от таких его нахальных слов и пошел напролом:

— Ты, гражданин прохожий, встань на свое место и не лайся на людей со стажем! Всякое может обернуться... Прогуляемся-ка лучше до сельсовета. Рядом здесь. Объяснишь власти, зачем в наше село пожаловал и баб наших смущаешь.

Тут у Мавры язык развязался:

— Оставь его, Захарыч! Печник это, приезжий. Печью у меня разваливается, а своих не допросишься починить. Вот и подряжаю его. Он за мою-то цену не согласный. Сотню запросил...

Взорвало меня пуще прежнего.

— Гони ты его, «шабашника», ко всем чертям собачьим! Не работается ему, вишь, дома, в колхозе. На сторону подался людей охмурять. Без него обойдемся. Сам приведу тебе печь в порядок. Залюбуешься!

Не поверила было Мавра моим словам, да уж потом, как затрещали дрова в печи да пошел парок от стенок, благодарила она меня, вплоть до поллитровки.

От материального поощрения я, конечно, отказался. Но задуматься задумался. Ежели по справедливости рассудить, то не у одной Мавры к «шабашникам» нужда есть. Сруб поставить, печь ли починить, или еще какой крупный ремонт произвести—куда им, женщинам, податься, как не к хапугам, что, словно саранча, из села в село перелетают и деньги заколачивают.

Размышляю я, значит, самотеком по упомянутой повестке дня и принимаю самостоятельно резолюцию: собрать всех стариков, с ремеслом знакомых, которые в данный момент по избам отсиживаются, и помочь народу в оборудовании личных жилищ.

Нашлись на селе такие: кто по плотничной части, кто по печницкой, а кто и стекло резать умеет. Собрал я их по добровольной договоренности однажды утром, и направились мы общей колонной напрямик к избе вдовы одной, Митюхиной. Идем с топорами, рубанками да фуганками, а народ, значит, в недоумении: куда, зачем пожаловали к нам такие работнички? Кто-то возьми да и крикни: «Восьмая бригада идет!»

От тех времен и укрепилось за нами название — «Восьмая бригада». А нам все едино — восьмая или там двадцать восьмая, мы свое дело знаем — из дома в дом потихонечку переходим и реконструкцию в них наводим. В самый раз до холодов и управились.

В Октябрьские праздники, значит, нам торжественно грамоты Почетные вручают и председатель Иван Митро-

фанович самолично приветствует нас с высоты кумачовой трибуны:

— Большое колхозное спасибо вам, товарищи деды, за проделанную работу! И за учебу спасибо! Давно пора было правлению колхоза позаботиться о благоустройстве села. Но мы поправим положение. Вместе с вами, товарищи колхозники! Так ведь?

Энергичный и находчивый человек — клад для руководителя. Не верите? Тогда спросите у Макара Порфирьевича про Петрова и булочку. Хотя лучше и не спрашивать Макара Порфирьевича. При одном лишь слове «булочка» у него и сейчас свежий бисквит оборачивается в горле железным комом, а память цитирует известную поговорку: «Заставь дурака богу молиться — он лоб расшибет». Лучше рассказать эту историю подробно и, как выражаются, в хронологическом порядке.

Однажды Макар Порфирьевич — управляющий конторой «Булкоторга» — вернулся из вышестоящей инстанции и отдал распоряжение немедленно собрать весь

руководящий состав конторы на экстренное совещание.

Когда булкоторговцы заполнили кабинет и стенографистка Лидочка взяла карандаш на изготовку, Макар Порфирьевич сразу схватил быка за рога:

— С товарооборотом в целом у нас по системе неплохо, с издержками тоже... Что же касается прогрессивных методов торговли, то здесь мы, товарищи, явно не на высоте. Мне сегодня указали на это и дали установку: организовать торговлю булочными изделиями в квартирах трудящихся, то есть с доставкой на дом. Правильная и своевременная установка, товарищи. Домохозяйка еще спит, а мы тут как тут: нате вам, пожалуйста, сайки, венскую сдобу, французскую булку или пирожок сладкий. Довольное население садится за стол и кушает наши свежие пищевые продукты. Такова задача.

Макар Порфирьевич умышленно сделал паузу, чтобы дать возможность присутствующим осознать всю важность поставленной задачи, и перешел к конкретным указаниям.

— Времени у нас мало, а дел, наоборот, много. Вопрос надо немедленно решать практически. С чего начнем? В пределах штатного расписания создаем булкодоставочный отдел. Возглавит его на первых порах Петров. Все мы его знаем. Товарищ инициативный, работает с ветерком, хотя и недавно в нашей системе. Энергичен, деловит. Кипит и горит на работе. Такой нам сейчас и нужен. По-моему, он будет на месте?

И уже обращаясь непосредственно к Петрову:

— Вам три дня на разработку и подготовку оргтехмероприятий достаточно? Отлично! На вас я надеюсь. Главное — организованность, точность доставки и свежесть продукции. Самотека ни-ни. Обсчета — ни копейки. Через три дня первая булка должна быть на столе трудящихся. Такова задача!

Исполнительному и энергичному Петрову трех дней

хватило, как говорят, за глаза. В сутки он ликвидировал неорганизованную торговлю булками на лотках и в магазинах. Продавцов срочно отозвал на двухдневные курсы переподготовки. Сам разработал подробную инструкцию о порядке продажи булок на дому, а также специальную форму-заявку на индивидуальные булочные изделия. Серьезные затруднения возникли при выборе тары под хлебную продукцию. Большие корзины для разноски по этажам явно не годились, маленькие тоже. В чем же доставлять изделия? Выручила смекалка инженера по технике безопасности. Он внес небольшие конструктивные изменения в альпинистский рюкзак и без особых затрат приспособил его для переноски булочек. Петров упросил руководство совнархоза изготовить на одном из предприятий жетоны для разносчиц, а на швейной фабрике — форменные велюровые береты цвета обугленной хлебной корочки.

Вскоре Петров докладывал управляющему:

— Булка пошла на дом, Макар Порфирьевич! С ней — двадцать разносчиц. Все культурно оформлены и проинструктированы. Жду очередной установки.

— Так держать! — пошутил довольный расторопностью подчиненного Макар Порфирьевич.

— Есть так держать! — серьезно ответил Петров и четко вышел из кабинета.

«Нужное и стоящее дело затеяли мы, — рассуждал гем временем Макар Порфирьевич. — Домохозяйка еще спит, а мы тут как тут: покупайте и кушайте наш ассортимент. Плюс ко всему — выполнение плана. Неплохо, неплохо. Может, и тесто на дом закидывать? Опять население спасибо скажет!»

Товарооборотные размышления управляющего прервал телефонный звонок.

— Да! Управляющий слушает. Чьи булки? Наша инициатива и наши булки. Что? Думать надо было? Вы ду-

маете, мы не думали перед тем, как подумать! Минутку, минутку... Вам булки доставили? Чего же еще надо? Приятного аппетита!

Снова зазвонил телефон

— Здравствуйте! Управляющего? Вас слушают. Предложение? С удовольствием примем. Прекратить доставку булок на дом? Послушайте, имейте совесть! Вы чай сегодня пили с нашей продукцией? Так в чем же дело? Мало — еще подбросим. Кушайте на здоровье!

«Что-то стряслось с булкой, — тревожно подумал Макар Порфирьевич. — Но что? Разносчицы проинструктированы и культурно оформлены. Изделий достаточно... Надо лично спуститься в сеть и проверить дело доставки булок».

Но булки сами напомнили о себе.

Как-то ночью Макар Порфирьевич проснулся от оглушительного стука в дверь. Он зажег настольную лампу и посмотрел на часы: было ровно четыре часа утра. «Не иначе как телеграмма», — решил он и пошел открывать. На пороге стояла молодая женщина в велюровом берете и с рюкзаком на спине.

— Вы... вы не почтальон? — заикаясь от изумления и отступая в прихожую, проговорил Макар Порфирьевич. — Кто же тогда вы?

-- Анкету будем заполнять потом, товарищ гражданин, — отрезала она. — А пока помогите снять тару с плеч. Будьте же мужчиной!

Макару Порфирьевичу ничего не оставалось, как подчиниться категорическому требованию женщины и помочь ей сбросить увесистый мешок на пол. При выполнении этой операции он явственно ощутил мягкое и теплое содержимое мешка, и ноздри уловили знакомый по службе запах чего-то свежее испеченного. Страшная догадка мелькнула у него в уме: «Булки! Наша доставочная продукция!» Он не ошибся.

— Вам сколько саек оставить? — спросила продавщица. — Шесть или семь? Меньше пяти не положено, и чтобы без сдачи. Мелочи у меня нету.

— Почему сайки, если я сегодня хочу сдобы? Почему так рано пришли? Почему нет разменной монеты? Почему...

— Заладили одно... почему да почему да по какому случаю... Не положена сегодня вашей улице сдоба — вот и все. Она по графику пошла на соседний переулок. Можете меж собой поменяться. Вы в переулок сайки, они вам — сдобу. У нас не просто булки, а транзитные.

— Тр-транзитные? — вторично, заикаясь от изумления, переспросил Макар Порфирьевич и с ужасом смотрел, как ночная посетительница вынула из кармана какой-то бланк и протянула ему.

— Заполняйте анкету. Здесь все расписано.

— Какую анкету? Куда? Зачем?

— Не притворяйтесь малограмотным! Видите — восемь граф продольных, тридцать поперечных, с числами. Надо вам на пятое число плюшку — отметьте в нужной графе. А шестого хотите скушать пирожок — опять пометайте. И так день за днем на весь месяц разметку делайте. Получится ваша месячная заявка. Откажетесь от заказанного — штраф уплатите. Теперь понятно? Да не забудьте указать номер паспорта и в какой милиции прописан. Без этого заявка не действительна. Чернила-то у вас найдутся? Ох! Намучаешься с вами.

Окончательно растерявшийся Макар Порфирьевич некстати спросил:

— Кто... кто выдумал этот бюрократизм с доставкой на дом?

— Экий вы любопытный. Шли бы спать, а то ненароком жена всполошится, и достанется нам на орехи. Кто придумал... Все он... Петров... Свежеиспеченный начальник из нашей конторы. «Вы, говорит, отправьтесь по-

раньше, чтобы до восьми часов всех хлебом обеспечить». Он и название такое придумал для булки — транзигная. У меня потребителей — сорок квартир, не считая вашей. Приходится подниматься чуть свет. Сколько же вам саек оставить? Шесть или восемь? Вы что молчите? Аль оглохли?

Но Макар Порфирьевич уже не слушал словоохотливую продавщицу. Он думал о другом. О том, что недалеко от него живет заведующий горторготделом и через какие-нибудь двадцать минут обладательница велюрового берета ввалится к нему, о ужас, с дурацкой анкетой и мятыми булками. Ох, эти булки! С какой ненавистью смотрел сейчас Макар Порфирьевич на валяющийся на полу рюкзак, плотно набитый хлебобулочными изделиями! Что же делать? Что придумать?

— В последний раз: сколько вам саск?

— На заре ты его не буди, — совсем некстати проговорил Макар Порфирьевич, поглощенный мыслью с том, как избежать неминуемого позора за эту предрасветную торговлю.

— Слушайте! Не тяните время! — гремела продавщица. — У меня же план по выручке. Сколько вам их?

— Их — нисколько, — решительным тоном заявил, наконец, Макар Порфирьевич.

— Это как понимать? Человек на работе старается, а вы — «нисколько»? Принципы свои строите. Продукцию брать отказываетесь? Новую торговлю подрываете?

— Наоборот, мне... целиком.

— Что целиком? — не поняла продавщица.

— Весь рюкзак то есть, — смущенно проговорил Макар Порфирьевич. — Закуплю оптом все ваши булки-сайки. Освобождайте тару и идите спать!

Но продавщица и не думала трогаться с места и тем более, освободить тару. В недоумении она смотре-

ла на Макара Порфирьевича, а тот, почувствовав этот взгляд, скороговоркой бормотал:

— Ну что вы на меня смотрите, как на Сергея Бондарчука? Понимаете, болел, похудел. Врачи предписали мучное во всех видах: свежее, сырое, моченое, сушеное, жареное, маринованное, вареное. Вот я и запасуюсь. Поняли? Очищайте рюкзак от ваших плацкартных булок и идите, черт возьми, спать!

Энергичный тон Макара Порфирьевича подействовал на разносчицу. Она подняла рюкзак, и, как картошка, из мешка посыпались на пол плюшки, сайки, пирожки, батончики, халы и прочий ассортимент хлебобулочных изделий. А Макар Порфирьевич, прикидывая в уме стоимость вывалившихся из мешка булок, приговаривал про себя: «Это с Петрова за легкомыслие, это — за безмозглость, это — за очковтирательство, это — за бюрократизм, это — за формализм, это — за...»

И только себе он не определил доли расходов по доставке транзитной булки на дом. Видимо, из скромности.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

Петр Иванович Чистов получил приглашение в гости. Его и нескольких других товарищей по институту позвал к себе научный сотрудник Умнов по случаю отъезда на самостоятельную работу в птицеводческий совхоз.

Просьба Умнова быть у него не позднее девятнадцати ноль-ноль и без ликерно-водочного гарнитура застала Петра Ивановича врасплох. Он невнятно поблагодарил за приглашение, сказал что-то маловразумительное о срочном задании товарища Рузаева... Но Умнов, не дослушав, коротко бросил: «Жду!» — и вскоре из коридора донесся его рокошущий басок: «Други мои! Да вы не представляете, куда я еду!»

«Умнову хорошо, — размышлял Петр Иванович, — ему можно и вечерички устраивать. Погулял и уехал. Мы же остаемся, и товарищ Рузаев с нами остается. Узнает про такое сборище — ну, и пойдут пересуды о семейственности, пьянке, панибратстве... Припомнится все нам. А мне особенно. У меня, как назло, туго двигается научная работа. Как акклиматизировать этих, не поддающихся акклиматизации, шагающих голубей? Правильнее — не ходить в гости, но товарищи обидятся. Наверняка обидятся. Скажут: оторвался от коллектива, игнорируешь массу».

Противоречивые мысли и сомнения, подобно тонкой, но прочной паутине, опутывали Петра Ивановича со всех сторон. И он увязал в них, как в невидимых тенетах.

«Следует проконсультироваться у представителей общественности, — решил он. — Не сразу в лоб, а так постепенно, намеками...»

В обеденный перерыв Петр Иванович с бутылкой кефира и половиной сайки присел за столик рядом со сборщицей членских взносов Маргаритой Васильевной.

— Скажите, уважаемая Маргарита Васильевна, вам приходилось бывать в гостях?

Маргарита Васильевна сначала внимательно посмотрела на бутылку в руках у Петра Ивановича, потом на него самого и, видя, что он трезв, ответила:

— Конечно.

— Я, уважаемая Маргарита Васильевна, акцентирую ваше внимание на гостях-сослуживцах, так сказать, товарищах по работе.

— Знакома и с такими гостями. Приходилось встречаться. Как же без этого? Вот совсем недавно была на свадьбе у нашей лаборантки Любочки. Чудно весело было! Представьте, я даже пыталась спеть что-то, кажется, из «Травиаты». А к чему вы этот разговор-то затеяли?

— Приглашаюсь в гости, Маргарита Васильевна. И думаю: идти или не идти...

— Не раздумывайте, идите. Если, конечно, компания вас устраивает. А то, знаете, получился со мной такой случай. Позвали на поминки. Да, да, на поминки. Ну, соответственно оделась, настроение лермонтовское. Прихожу... и слышу: «Помирать нам рановато». Представьте — справляли новоселье, а заодно и поминки по старой квартире! Как вам это нравится, а? — Она захохотала.

— Беда моя еще и в том, Маргарита Васильевна, что я не употребляю вина. Категорически. Позитивно и негативно. Сами видите, образ жизни веду равномерный... через восприятия и ощущения...

— А вы не пейте. Требуйте себе «Кагор» или грузинское от первого до восьмого номера, это же не вина! Припоминаю такой случай...

Раскатистая трель звонка помешала Маргарите Васильевне изложить свой взгляд на поведение непьющего мужчины в компании пьющих. Пора было и Петру Ивановичу возвращаться к шагающим голубям. На него снова нахлынули думы: идти в гости или нет?

«Почему обязательно Рузаеву станут известны подробности вечера и его участники? — мелькнуло вдруг у Петра Ивановича. — Вполне допустимо предположить, что он ничего не узнает. Лично я не склонен афишировать знакомство с Умновым. Скрытность Веселова вошла в поговорку. Остается Крюков, а тот... Впрочем, стоп! Я слышал, что дочь Крюкова, Надя, учится в одном классе с сыном Рузаева, Виктором. Ясно, Крюковы будут обмениваться впечатлениями о вечере. Семейный разговор родителей привлечет внимание Нади. Та с чисто детской непосредственностью поделится подробностями с Виктором. Мальчишеская болтливость Виктора откроет глаза Рузаеву на недостойное поведение его подчиненных. Тайное станет явным. Личность Чистова отмечается

печатью аморальности... Конец раздумью и колебаниям! Не иду к Умнову. Все. Решено. Подальше от греха!»

У Петра Ивановича появилось желание скромно отметить победу над самим собой. Он тихо повернул ключ в замочной скважине, осторожно достал из настенного шкафчика мензурку, спирт, стакан и приготовил для употребления внутрь полюбившуюся ему смесь чистого спирта с водой.

На другой день вездесущая Маргарита Васильевна поспешила сообщить Чистову о том, что директор института товарищ Рузаев заезжал проститься с Умновым и остался очень доволен временем, проведенным среди общительных, хороших и открытых людей.

От такой новости Петр Иванович схватился рукой за сердце и, простонав: «О-о, ты опять, судьба-насмешница!», побрел в кабинет, к настенному шкафчику..

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

Подчиненные давно не видели Ивана Сергеевича в таком возбужденном состоянии. Обычно спокойный, невозмутимый, тактичный, он на этот раз выходил из себя.

— Нет, это черт знает что такое! Форменное безобразие! Хулиганство какое-то! Так напиться, да еще в рабочее время. Если бы сам не видел — не поверил бы. Дошел до ручки этот Бурыкин! Нечего сказать. А еще называется работник областного масштаба. Растили, растили его, вырастили до старшего инспектора. А он... Позор на весь коллектив! Товарищ Грохотов, вы мне подготовили сводку?

— Пожалуйста, полюбуйтесь: три простых, два строгих, пять с последним предупреждением. Всего десять, а мотив один: «систематическое пьянство», «появле-

ние в нетрезвом виде», «злоупотребления на почве пьянки» и так далее в том же духе. Решайте, Иван Сергеевич, решайте...

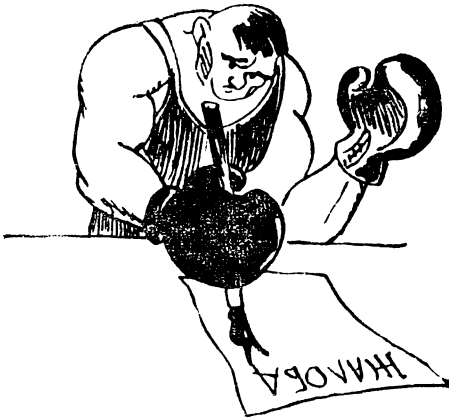
— Пригласите ко мне товарища Пинчука.

Когда в кабинете появился председатель месткома, Иван Сергеевич разразился новой пространной тирадой против пьяниц и их пособников-либералов.

— Как хотите, товарищ Пинчук, а я этого пьяницу-дезорганизатора Бурыкина увольняю. Увольняю — и баста! Мне, знаете, надоели постоянные звонки о нем: то из нарсуда, то из вытрезвителя, то еще неизвестно откуда... А мы ведь как-никак областная организация, хотя и называемся конторой... Сами людей призваны воспитывать. А одного не смогли отучить от рюмки. Эх! Сознаюсь, сам либеральничал, но вы, товарищ Пинчук, мало, прямо скажем, мало работали с Бурыкиным по профсоюзной линии. Ну, это, так сказать, учтите на будущее. А вас, товарищ Грохотов, прошу срочно подготовить приказ об увольнении. Без выходного пособия. Надо, наконец, избавить наш здоровый коллектив от этого инородного тела!

На следующее утро предместкома заглянул к Ивану Сергеевичу и поинтересовался судьбой приказа об увольнении Бурыкина.

— Какой приказ? — изумился Иван Сергеевич. — Ах, тот самый... о Бурыкине... Да вы знаете, с кем он пил? Вам сие неведомо? Так я и знал. Он пил с самим... одним словом, с нужным и полезным нам человеком. Бурыкин здесь ни при чем. И платил не он, и наливал не он. А мы еще хотели его уволить... Как бы мы некрасиво с вами выглядели, товарищ Пинчук. Хорошо, что я успел изменить свое решение. А вы уж там поработайте с Бурыкиным по профсоюзной линии. Авось, образумится?

Когда человек в расстроенных чувствах, то его лучше не трогать. Оставить одного на короткое время или дать почитать фельетон местной газеты. Успокаивающе также действуют ловля хариусов на глубоководном озере Байкал и лыжная прогулка в высокогорной местности, например в Бакуриани.

Поправке чувств помогает и лист белой бумаги. Можно сесть за стол, вынуть ручку и спокойно сочинить на кого-нибудь жалобу.

Вот за этим доступным каждому образованному человеку делом и застал своего друга в гостинице Саша Гаевой. Между друзьями состоялся оживленный разговор.

— Почему ты торчишь здесь? Почему не уехал с ребятами?

— Саша, пожалуйста, не шуми. Ты знаешь, что мне вредно волноваться. А в этом городе нервничать приходится на каждом шагу. Буквально. Что ни шаг, то нервы... И вдобавок эта безобразная сцена... В центре города... Моя совесть не может молчать. Мой долг молодого гражданина — дописать эту жалобу.

— Какую тему взял за основу?

— Плохое милицейское обслуживание трудящихся. Я здесь не живу. Мы здесь проездом... чужие. Но значит ли это, что я должен молчать? Покрывать безобразие? Пусть-ка там пристегнут кого надо! И как следует! Распоясались!

— Кто, милиция?

— Не милиция, хулиганы распоясались, а милиция в стороне. Сам видел.

— Где?

— Недалеко отсюда, у автобусной остановки. Понимаешь, привязался к девушке парень. Не парень, а сморчок. Шкет плюгавенький. Щелкни его раз по носу — он и с копыт долой! А пристаёт. Милиции нет, он и хулиганит. А кто с ним связываться станет? Кому, скажи, охота рисковать, раз милиции нет?

— Ну, а потом?

— Убежала от него девушка. Так он за газировкой полез, детей растолкал. С продавщицей сцепился. Думаю: ну, сейчас милиции как раз впору вмешаться. Пятнадцать суток верняком схватит. Никого!

— Как же дальше развивались события?

— По плану, по его хулиганскому плану. Женщину толкнул, та чуть не упала. С мальчишки кепку сорвал. Плюется, ругается. И все на моих глазах. А мне расстраиваться вредно. Но приходится переживать. За кого? За милицию. Но он и без милиции нарвался. Получил

свое. Сунулся к одному пареньку закурить, а тот... тот дал ему прикурить. Прямым... Классный удар! Как на ринге. Рухнул этот тип на урну, а паренек руки платком обтер и пошел не оглядываясь. Проучил наглеца! Будет помнить.

— Все ясно! Инцидент исчерпан — и быстро одеваться! Опаздываем на тренировку. Мне уже несколько раз звонили. Ждут... Не забывай, что ты первая перчатка. Честь команды на тебе держится:

КРИК ДУШИ

— Не нравится мне у вас, Никодим Спиридонович. Надоело. Год живу, а ни для души, ни для сердца... удовлетворения не получаю. Разве это жизнь?

— Оно, конечно, житье-бытье наше по-разному построено. Кому что. Кому поп, кому попадья, а кому и попова дочка! Желательно лучше, да мы, слава богу, и тем довольны. Сыты, сбуты. И для других куском не прячемся. Конечно, вы человек с образованием. Оно, может, через ваши понятия вам и скучно бывает. Что поделаешь? Служба ваша такая... Мириться надо, батюшка...

— Не для того я образование получал, чтобы прозябать в вашем захолустье. Да что говорить! Телевизора нет, ванной тоже. В городах — театры, закусовые-автоматы, разные другие развлечения. Уеду отсюда!

— Воля ваша, Александр Семенович. С колокольни-то, стало быть, виднее. Только грешно вам на нас обижаться. Чем богаты, тем и рады, заботимся о вас, Александр Семенович. Что же клуба касается, то, извините, сами посещать не желаете. Сторонитесь культурных

развлечений. А у нас не хуже, чем у людей. И кино, и лекции, и разная другая наглядная агитация.

— Заботитесь... Не хитрите, Никодим Спиридонович! Заботятся... Дровишек подвезут — вот и вся забота. Дома-то у меня тоже не роскошь. Из наших кто заезжает — удивляются. «Бедновато, говорят, живешь, Александр Семенович!»

— Что-то я вас не пойму. Грешно вроде на бедность жаловаться. Вам и натурой идет, и деньгами...

— Деньгами?! Тоже мне, нашел деньги. Или вы наладили ежемесячное авансирование колхозников, как это у добрых хозяев заведено? Переведусь в другое село — помянете меня добрым словом. И наплачетесь еще. Попробуйте найти еще одного такого дурака вроде меня! Обыщетесь!

— Что ж делать-то, Александр Семенович? Коль дело до отъезда доходит, может, поговорить кое с кем? Авось посознательнее станут?

— Не знаю, не знаю, что из этой затеи получится... Веру я потерял в добродетель вашу. Да и население здесь интерес ко мне теряет, болеют мало, умирают редко. День-деньской сидишь, и ни работы и ни денег.

— Ясное дело! Как говорится, с миру по нитке — голому рубаха. По сколько брать-то теперь изволили бы?

— Брать теперь будем так: на каждого ребенка, что ко мне приносят, накидываем гривенник, за вызов на дом — рублевочку. Ну, и соответственно там прибавление натурой — яички, мясо, маслишко. Да все чтобы в свежем виде. Холодильника, сам знаешь, у меня нет.

— Вроде многовато, Александр Семенович! Креста на тебе нет. Может, скостишь? Куда тебе столько?

— Мне лишнего не надо. Я беру в соответствии с принципом материальной заинтересованности. Слышал о таком?

— Не маленькие, знаем.

— Запомни: дающему воздастся сторицею. Мой труд требует повышенной оплаты. Понял? Так и передай. Согласия не будет — отрешусь от вас. Возьму и подам прошение о переводе. Страждущий да жаждущий—куда пойдет? Кто даст ему тогда избавление от мук телесных и успокоение душевное? Никто. Теперь соображай, куда вас могут завести скупость и алчность непомерные. Грех падет на вашу голову, если мне прибавку жалованья не устроите. Действуй, Никодим Спиридонович, действуй!

...Оставшись один, церковный староста Никодим Спиридонович поскреб затылок, закурил, выплюнул изжеванный конец папиросы и побрел домой, размышляя: «И чему их только в семинарии учат, попов этих? Ишь ты, додумался — материальная заинтересованность...»

Редакция научно-популярного журнала для женщин «Клипсы и бусы» попросила меня написать рецензию на новый художественный фильм «Черная кофточка» в раздел «Полезные советы». Я немедленно согласился.

Заканчивая беседу, сотрудник редакции между прочим спросил, давно ли я смотрел эту картину, не стерлись ли в моей памяти некоторые детали, способные «заиграть» в рецензии. Я постарался развеять его сомнения. Я сказал, что фильм вообще не видел и поэтому могу судить о нем объективно. Судить в целом, не распыляя внимания читателя на второстепенные моменты.

«Как так?» — удивился сотрудник и с любопытством посмотрел на меня. «А интуиция? — отвечал я. — Я нутром чувствую, где правильно и где неправильно».

Мое дело написать толковую рецензию, а для этого совсем не обязательно торчать на просмотре и забивать себе голову всякими эмоциями. Своими и чужими. Смотришь-то картину не один, со зрителями рядом. Зритель станет смеяться, и ты заулыбаешься. А дома забудешься и отметишь в рецензии, что зритель смеялся, что зритель принял фильм. А если фильмом была комедия? Что тогда? Какая же это комедия, коли зритель смеялся? Вовсе не комедия, а попытка вызвать смех дешевыми средствами. Грубая подделка под настоящее искусство. Над серьезной и выдержанной во всех пропорциях комедией зритель смеяться не станет. Он не так прост, чтобы смеяться. Он слишком вырос для легкомысленного смеха.

Я не утомил вас длинным отступлением? Мне хотелось объяснить, почему я пишу рецензии, не смотря фильмов. При соответствующем опыте, тренировке и знакомстве в редакциях всегда можно выйти из положения.

Рецензию я написал довольно быстро и, как мне кажется, гладко. Писалось с подъемом и вдохновением. Я обстоятельно проанализировал чувства зрителя в момент, когда он, принаряженный, радостный, идет смотреть новый фильм. Получилось жизненно и убедительно. Мне особенно пришлась по душе фраза: «С вполне понятным волнением шел зритель на встречу с героями нового фильма режиссера Дублева и оператора Кинапова, создателей прошедшей с большим успехом ленты «Непонятная история». И дальше я ошеломлял вопросом: «Порадуют ли они нас своей новой работой?» Это должно было оживить рецензию и смутить постановщиков фильма, не говоря уже о читателе.

Затем я подробно рассказал, кто из актеров какую роль играет. Сообщил не только инициалы, но и назвал фамилии исполнителей. В рецензиях нужна точность. Особо выделил директора картины. У нас не принято в рецензиях упоминать о директоре картины. Какая-то непонятная недооценка роли и места этого человека в кино. А зря! Попробуйте без директора картины достать летом снег для съемок! А он доставит, хоть на самолете, не доставит. Как же не упомянуть скромного труженика кинопроизводства! И опять же убедительно: ого, скажет читатель, этот знает кухню кино. Я смело отошел от штампа и сказал новое слово в искусстве рецензирования кинофильмов.

От оценки актерской игры я благоразумно воздержался. Не наше это дело, не рецензентов. Пусть актеры сами у себя на производственном совещании разберутся. А то еще обиды могут быть.

Пришлось отметить и серьезный просчет авторов фильма. Они почему-то нарядили одну из героинь в черную кофточку. Они, видимо, не учли того обстоятельства, что фильм цветной. Зрители обратят внимание на черный цвет и резонно спросят, почему молодая, жизнерадостная девушка (или женщина, я не уверен, ибо картину не видел) облекла себя в траурный, явно не оптимистический наряд. Откуда у нее такое раздвоение личности, безысходность и дремучий пессимизм? И еще зритель спросит, в каких закоулках жизни авторы фильма набрали на черный цвет. Что они — другого цвета кофточку не нашли?

Сотруднику редакции рецензия понравилась. Ее напечатали. И выдали гонорар. На эти деньги я купил себе черную кофточку. Говорят, сейчас у женщин это самый модный цвет.

ЖЕНСКИЙ РЕГЛАМЕНТ

В нашем коллективе много женщин. На разных постах, в том числе и ответственных. Но их почему-то никто не называет «ответственная женщина», как кличут иных руководящих мужчин — «ответственный товарищ». И, представьте, женщины не обижаются, знают свое дело и работают.

И вот в нашем коллективе решили проявить заботу о них. Конечно, по случаю их международного праздника. Отметить, и вообще, чтобы не скучали. И чтобы, вдохновленные заботой и вниманием, радостно трудились в будущем, то есть после праздника.

Посоветовавшись с народом, товарищ Басов здраво рассудил, что женщины не могут стоять в стороне от своего мероприятия. Наоборот, они должны принять самое активное участие в нем.

Поэтому решили, что президиум торжественного заседания будет женский, доклад сделает женщина, приказ с благодарностями подготовит женщина, зачитает тоже женщина. А что касается регламента, то обычный: полтора часа работы — и перекур.

Может, через перекур все и получилось? Не приняли во внимание слабое увлечение женщин курением?

Не знаю. Знаю, что когда товарищ Басов через полтора часа после начала работы заседания появился в зале, то никакого перекура не было. И вообще никого не было. Ни женского президиума, ни женщины-докладчицы, ни женщины, вдохновенно оглашающей приказ с благодарностями личному составу. Одна только уборщица тетя Ариша спокойно занималась своим нехитрым делом.

Басов очень расстроился и попытался уточнить у тети Ариши основные моменты срыва мероприятия. А она-то понадеялся, решил задержаться...

Но в ходе содержательной беседы с тетей Аришей выяснилось, что никакого «срыва» не было. Наоборот, заседание прошло живо и организовано. А доклад... Варвара Павловна, по сообщению тети Ариши, говорила так душевно, что она, тетя Ариша, даже про свою рязматею забыла. Отпустила, говорит, меня, окаянная. Полегчало, спасибо Варваре Павловне.

До крайности удивленный Басов под конец спросил гетю Аришу:

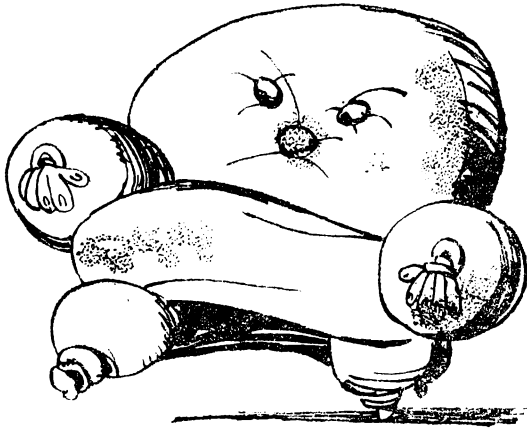
— По какому же вы регламенту работали?

— Чегой-то? — не поняла она.

— Я спрашиваю, почему так быстро управились? По какому регламенту?

— Известно, чай, по какому. По женскому. Нам, Митрофан Семенович, недосуг на собраниях долго сидеть, туда-сюда перекуры устраивать. Дела у нас дома, дорогой товарищ. Али мы сами к себе неуважительны? Посуди-ка сам. К примеру, у меня...

Говорят, что товарищу Басову пришелся по душе «женский регламент». Говорят, получит широкое распространение. Не знаю. В нашем коллективе что-то давненько заседаний и совещаний не проводили.

Ему подчинено все, потому что он обеспечивает план
А план — это закон.

План надо выполнять.

И точка.

Он диктует сменные, суточные, декадные и месячные графики выпуска продукции в разрезе цехов и в масштабе всего мебельного комбината.

Он присутствует на всех производственных совещаниях и собраниях, на летучках, планерках и накачках. О нем говорят в перекуры и в обеденный перерыв. По отношению к нему не устанавливают регламент и не применяют другие процедурные ограничения.

Он всегда прав, ему не скажешь: «Кончай болтать, говори о деле!»

Он без скрипа получает необходимые фонды на материалы и лимиты по труду и зарплате. Гонцы-молодцы, не жалея здоровья и командировочных, везут из дальних и близких мест уйму всяких ценных и бесценных вещей, без которых ему не жить.

На нерадивых и нерасторопных он действует рублем, а расторопных и умелых поощряет премиальными и прочими надбавками к основной заработной плате.

Он запросто вхож в кабинеты руководителей местной промышленности. Для него не существует приемных часов и строгого взгляда секретаря. Ему бывают и не рады, но с ним считаются, потому что он обеспечивает план.

А план — это закон.

План надо выполнять.

И все.

Многим он не нравится. Его критикуют, о нем пишут в газетах, сочиняют хлесткие фельетоны и злые сатирические стихи. Но он с деревянным равнодушием выдерживает самые страшные и яростные наскоки и, как ни в чем не бывало, стоит, величественный и несокрушимый.

Ни время, ни годы не меняют его облика.

Он могуч!

Он всемогущ!

Он — это плюшевый диван!

ПО ДВУМ ЛИНИЯМ

Хотел я грешным делом по отрицательным фактам стукнуть. Проехаться, так сказать, по носителям бюрократического микроба, поскольку это вредный для нашей жизни микроб. И сигналы поступили: жаловались на одно управление. Волокита, невнимание к человеку и

все такое... Одним словом, только пиши! Но... рука не поднимается, и перо к бумаге не тянется. Чтобы, значит, этой рукой да этим пером по бюрократам... Куда там! Пришел я в управление лично убедиться в тех самых отрицательных фактах, а мне говорят:

— Бюрократов, дорогой товарищ, нет! Люди у нас серьезные, выдержанные, с расширенным культурным кругозором и ясным представлением о своих задачах. Действуем по инстанции — дистанции, инициативу никто не подминает, в том числе сам товарищ Мешалов. С мнением считаемся и к решению идем строго по восходящей и нисходящей линиям, в зависимости от конкретной необходимости.

Послушал я, и неловко мне стало. У них какой-то передовой метод внедрен — действуют по восходящей и нисходящей, а я хотел в бюрократизме их уличить. Нехорошо! Надо вникнуть в суть этих линий, чтобы ошибки не было.

По восходящей линии

Мешалову принесли портрет. Его собственный портрет, заказанный одной из организаций для одной из выставок. Хотя люди, знавшие в лицо Мешалова, в один голос утверждали, что на портрете он сам, а не его заместитель, фотографу велели согласовать. Согласовать портрет Мешалова лично с Мешаловым. Пусть посмотрит и оценит. Может, поза его не устраивает или в глазах мало прогрессивного выражения. В таком ответственном деле вредно торопиться. Как бы дров не наломать, а то наломаешь на свою шею... Пусть лучше посмотрит и оценит. Так надежнее будет.

— Это что? — спросил Мешалов у фотографа, рассматривая снимок.

— Ваш портрет.

— Гм... Вижу, что мой портрет! Похоже вроде... Зачем мне его принесли?

— Согласовать. Распишется на обороте — и дело с концом.

— А помощник видел?

— Чей помощник? — растерялся фотограф.

— Мой помощник. Он смотрел?

— Нет, а зачем? — в полном недоумении спросил фотограф. — Это же ваш портрет. Личный.

— Мало ли что личный! На работе мы все равны. Дело есть дело. Пусть помощник посмотрит! А я потом. Фотограф пришел к помощнику.

Узнав о цели его прихода, помощник позвонил в отдел рекламы и кому-то сказал:

— Слушай, к тебе сейчас зайдет фотограф, так ты посмотри у товарища работу.

Заведующий отделом рекламы добросовестно осмотрел фотографию со всех сторон. Потом спросил у фотографа:

— А почему Федор Игнатьевич направил портрет к нам? Почему сам не стал смотреть?

— Не знаю, — чистосердечно признался фотограф.

— Не знаете? — переспросил заведующий и вынул из ящика письменного стола большую лупу. Теперь он стал рассматривать снимок вооруженным глазом.

— Ну что ж, — сказал он фотографу после тщательного осмотра. — Ничего такого как будто нет... Можете идти!

— К Мешалову? — обрадовался фотограф.

— Ишь, какой прыткий! У нас так не делается. У нас — коллегиальность. Я должен посоветоваться с замом. Вот к нему пройдите. Ему и объясните. Всего вам.

— Значит, этот снимок Иван Петрович направил мне?

— Да.

— А почему?

— Посоветоваться. У вас коллегиальность...

Заместитель внимательно посмотрел на фотографа и неторопливо прошелся по кабинету. Остановился, еще раз посмотрел на фотографа и сказал:

— Так... так... понимаю... Дело несколько усложняется. Прежде чем дать заключение о пригодности портрета, мы должны иметь полные сведения о нем. Формат портрета? Тип пленки? Тип бумаги? Сколько времени портрет был в проявителе? И в закрепителе? Какой увеличитель? Где печатали? Вот так вот... Не могу же я из ничего сделать справку. Должны быть какие-то исходные данные.

Когда взмокнувший от напряжения фотограф представил нужные сведения, заместитель, посмотрев их, направил фотографа к сотруднику рекламного отдела, чтобы тот написал справку.

Сотрудник составил справку, расписался и послал фотографа по восходящей линии — к заместителю заведующего.

Увидев на справке две подписи, заведующий не раздумывая, добавил еще свою и отправил фотографа к помощнику Мешалова.

Через минуту фотограф получил портрет, на обороте которого чернела размашистая подпись Мешалова.

Теперь портрет был согласован.

По нисходящей линии

Срочно потребовалось узнать имя и отчество Васягина. А никто не знал. В кабинете управляющего много народа собралось, и никто не знал.

— Ну? — серьезно произнес управляющий и недо-

вольно оглядел собравшихся. — Мне простительно не помнить всех персонально по имени-отчеству. У меня коллектив большой, дружный коллектив. А у вас? И при создавшихся условиях не знать каждого работника в лицо? Не знать, как его по батюшке-матушке кличут? Штат большой, а Васятина не знаем. Устранять надо, устранять. Попросите Сергея Сергеевича.

Вошел Сергей Сергеевич, заместитель.

— Непорядок у нас, Сергей Сергеевич! — сказал ему управляющий. — Васятина не знаем. Ни инициалов, ни имени-отчества тем более. А товарищ у нас работает. Мы вот его поощрить наметили. А как его звать-величать? Выясните, Сергей Сергеевич.

Сергей Сергеевич вернулся к себе и вызвал заведующего отделом. Тот пришел с ворохом бумаг: доклады-вать и подписывать. Но Сергей Сергеевич замахал руками.

— Сейчас не до этого. Оставьте их пока у себя. Получено другое задание: выяснить имя и отчество Васятина. Говорят, он где-то у тебя по финансовой части трудится. Разберись и доложи. А вообще — непорядок! Работаем, а Васятина не знаем. Ни по имени, ни по отчеству. Выходит, и в лицо не знаем. Представляешь, сидим на собрании актива и потихоньку беседуем. С Васятиным беседуем. Кто вы и откуда, а я отсюда, и я отсюда... Представляешь? Конфуз!

Смущенный справедливym упреком, заведующий отделом, не заходя в кабинет, прошел к своему заместителю и спросил у него:

— Чем вы в данный момент занимаетесь?

— Просматриваю отчетность по форме сто пятнадцать дробь десять «в». Сегодня надо закончить.

— Знаю! Все знаю! Отложите бумаги в сторону и займитесь живыми людьми. Вы Васятина знаете?

— Какого Васятина?

— Ну... того самого Васятина...

— Если полусредний из «Буревестника», так его не Васятин, а...

— Да нет! Васятин... Наш Васятин. Он в каком-то из секторов у нас работает. Вы такого Васятина не знаете?

— Не знаю.

— Вот видите. А? Васятина не знаем. Ни вы, ни я. Дожили! Придется поправлять положение. Есть указание руководства: срочно установить имя и отчество Васятина. Лично займитесь этим делом. Васятина не знаем... Ай-ай!

Заместитель заведующего отделом, отличавшийся исполнительностью и аккуратностью в работе, немедленно созвал заведующих секторами. На совещании было точно установлено, что Васятина зовут Николай Алексеевич и числится он по центральной бухгалтерии.

Остальная процедура не заняла много времени, и вскоре Сергей Сергеевич, вытирая вспотевшее от быстрой ходьбы лицо, докладывал управляющему, что, по уточненным и дополнительно проверенным данным, Васятина зовут Николай Алексеевич, а если по инициалам, то Н. А.

Да, дружно работают... С мнением считаются... К решениям идут по восходящей-нисходящей... Какой это бюрократизм! Это даже... похуже.

Инспектор отдела кадров занимался привычным и досконально изученным делом: пополнял личные дела накопившимися за неделю выписками из приказов. В его ловких и умелых руках все эти благодарности, выговоры, отпуска, смещения и назначения быстро насаживались на шиватель, навечно сохраняя для любознательного потомства опыт работы с кадрами. Обычно это на первый взгляд скучное дело нравилось инспектору и доставляло ему даже некоторое удовольствие. Но сегодня работалось скучно. Грустное настроение было у инспектора. И все подпортила маленькая невзрачная бумажка, тоже выписка из приказа, которую инспектор

вынужден был скрепя сердце оставить в своем личном деле. В приказе говорилось: «Указать инспектору отдела кадров П. В. Осипову на отсутствие с его стороны чуткости и должной внимательности при работе со штатными единицами, что в настоящее время терпимо быть не может. Потребовать от т. Осипова всемерно чуткого и внимательного отношения к людям во избежание дальнейшей текучести кадров».

«Придется учесть, — грустно размышлял инспектор. — Учесть и перестроиться, поставить чуткость и заботу во главу угла».

В дверь постучали.

Пришел Чунькин, Семен Семенович. Чунькин — врач, «левак», «шабашник», но хороший мастер своего дела. Для производства нужный человек. Ведет себя уверенно, с наглечой.

— Давай «бегунок», начальник, расчет пойду брать!

— Здравствуйте, Семен Семенович! Проходите, садитесь. Курить можете... Мы форточку откроем. Сквознячком не прохватит?

Чунькин спокойно садится. Закуривает. Ждет, что ему еще скажет инспектор по кадрам.

— Живете как, Семен Семенович? — интересуется инспектор. — На здоровье не жалуетесь? У вас, кажется, бронхит был?

— Застудил одну легкую, зараза ее побери! По пьяной лавочке получилось. Месяц с бюллетенем ходил. Ничего, отдохнул. Хорошо, на лето пришлось. А теперь увольняться надо.

Инспектор сокрушенно качает головой и спрашивает:

— А не рановато вам увольняться, Семен Семенович? Вы же у нас без году неделя трудитесь. И вообще часто работу меняете. В трудовой книжке, извиняюсь, у вас места чистого не найдешь. Вся исписана.

— В самый раз мне от вас уходить, — охотно пояс-

няет Чунькин. — Железа на кровлю мне подкинули? Подкинули. Больше не дадите? Нет. Какой расчет мне у вас вкалывать? Мне расчет в другое место идти. А силком — у вас правов нету. Прокурор позвонит, и, как миленькие, забегаете. На директора лимузине за мной прикатите.

Инспектор недовольно морщится, но продолжает свое:

— А мы вам на будущий год путевочку на курорт обеспечим. К синему морю или на высокие горы? И денег на обратный проезд выделим. Отдохнете, здоровье поправите, Семен Семенович. А здоровье — это главное. Помните, еще древние римляне говорили: «В здоровом теле — здоровый дух».

На Чунькина слова инспектора и ссылка на авторитет древних римлян не производят должного впечатления. Он оставляет их без последствий и гнет свое.

— По-хорошему нельзя — увольняйте по-плохому. За систематическое пьянство можно. Не обижусь.

— За пьянство не можем, — авторитетно разъясняет Чунькину инспектор. — Не можем пьяную единицу в отчет вводить. Вы помните приказ директора, категорически запрещающий выпускать с территории завода лиц в нетрезвом состоянии?

— Тогда за прогул давай, — мрачно предлагает Чунькин. — У табельщицы все мои прогулы на учете. Девка она аккуратная, справку напишет.

— Нам, Семен Семенович, все ваши прогулы и без справки известны. Но удовлетворить вашу просьбу отказываемся. По причине текучести.

— К прокурору пойду! — решительно заявляет Чунькин и встает.

Внезапно инспектора осеняет гениальная идея, и он просит Чунькина задержаться на несколько минут. Он спрашивает:

— Не к соседям собираетесь, Семен Семенович? Я знаю, им требуется ваша специальность.

— Ну, к ним, — нехотя подтверждает Чунькин.

— Тогда мы с вами договоримся, Семен Семенович. Что они вам, разбойники, обещали?

— Обещали что? — переспрашивает Чунькин и медлит, говорить или не говорить. Потом решается.

— Не продадите?

— Что вы, Семен Семенович! Сугубо неофициально.

— Обещали стекла на теплицу. Кровли железной — у зятя дом прохудился. И мотор отработанный. В сад его хочу приспособить, чтобы воду сподручнее качать было.

Инспектор смеется.

— Ха-ха! Старым мотором переманивают. Ох, работники! Совести у них ни на киловатт... Подсунуть мотор со свалки! Мы вам, Семен Семенович, новенький преподнесем. Не со свалки, а из склада. В заводской смазке. И стекла дадим и кровли. Я, грешным делом, думал, вы, Семен Семенович, на двухэтажный особняк целите... Сейчас утрясем. Посидите, Семен Семенович.

Инспектор звонит директору. Чунькин равнодушно смотрит в окно.

Положив трубку, инспектор говорит:

— Семен Семенович, директор на ваши условия согласен. Идите и выписывайте стекло и все, что положено... И забудем неприятный разговор.

Чунькин уходит. Инспектор снова звонит директору. В голосе инспектора слышится неподдельная радость.

— Чунькин ушел получать стекло! Остается! Наша взяла!

ВРЕМЯ — РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР

Стенограмма лекций

Товарищи! Мне поручено и предстоит прочитать вам лекцию на тему: «Время—решающий фактор». Вопросы договоримся задавать в письменном виде и перейдем к разговору по существу.

Из множества факторов, окружающих нас в окружающей нас жизни, время является решающим фактором. (*Гул в зале*).

Вы все прекрасно знаете, что время является не просто решающим фактором, а решающим фактором в общественно полезной и личной жизни людей. Ибо время — объективная реальность...

Голос. Знаем!

...существующая вне человека. Поэтому наш долг — беречь каждую минуту и секунду, так как минута состоит из секунд. Это вы тоже знаете.

Голос. Знаем!

Никто из вас не станет конопатить щели огурцами или бриться карандашом. (*Веселое оживление в зале*). Но многие из вас не ценят время, забывая, что оно — решающий фактор.

Приведем примеры из жизни. Можно вернуть профсоюзный билет, отобранный за хроническую неуплату членских взносов. Можно вернуть жену, подавшую на развод. Но растраниженное время вернуть нельзя. Это — аксиома, то есть истина, не требующая доказательства. Поэтому мы должны доказать всю несостоятельность восклицания, допущенного одним поэтом: «Остановись, мгновенье!»

Никто не остановит мгновения, как никто не повернет назад часы истории. (*Оживление в зале*).

Часы — прибор времени. Часами измеряется вре-

мя, как таковое. Часы прошли долгий и совсем не ровный путь развития, от часов солнечных и песочных до чистопольской «Камы» и пензенской «Мечты». (*Одобрительный гул в зале.*)

Раньше часы делались из песка, огня и воды. Водяные часы назывались клепсидры. Теперь часы делают из металла, в том числе анодированного. (*Веселое оживление в зале.*)

Христианское летоисчисление ввел римский монах Дионисий, прозванный Экзигием, то есть малым.

Голос. Ну да!

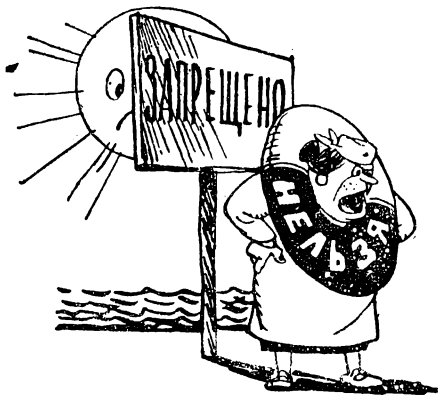
А греческий философ-идеалист Платон приспособил водяной будильник для объявления перемен на занятиях в своей академии. Это—исторический факт.

После исторического экскурса разрешите остановиться на конкретных задачах нашего предприятия (завода, фабрики, колхоза, совхоза, учреждения, учебного заведения).

Время надо беречь, товарищи! Потери времени невосполнимы. В производственных условиях потери времени обычно исчисляются в человеко-минутах или в человеко-часах. В зависимости от того, что теряется, — минуты или часы. (*В зале жуткая тишина.*)

Поясним это на конкретном примере. Допустим, что в нашем зале присутствуют сто двадцать человек. Предположим, что каждый из вас непроизводительно потерял один час. Что? Уже потеряли? Так вот. Множим сто двадцать на один и получаем итог: суммарная потеря времени выразится в ста двадцати человеко-часах. А если подсчитать в минутах? Дл. этого произведем следующий арифметический подсчет. Берем... (*Шум, неразборчивые возгласы отдельные хлопки, похожие на аплодисменты.*)

На этом стенограмма лекции обрывается.

Долго ли бывалому отдыхающему обосноваться в порядочном санатории? Пара пустяков. Туфли — под кровать. Пижаму — на кровать. В тумбочку — бритвенно-мыльные принадлежности и — скорее на пляж, к ласкающей морской волне.

Вновь прибывший так и действовал. Он вошел в палату, осмотрелся и увидел аккуратно прикрепленный к стене распорядок санаторного дня. Внизу листа можно было прочесть: «С распорядком дня ознакомился». Далее — дата и две размашистые подписи.

— Распишитесь и вы, — послышался с кровати чей-то скрипучий голос. — Порядок общий для всех.

Недоумевающая, только что прибывший расписался, разместил в шифоньере одежду и от нечего делать занялся изучением курортной книжки.

— Солидно, солидно оформлено. Такую книжечку и в руки приятно взять, и лечиться по ней легко. А слог? А стиль? Лаконичность, соединенная с научной достоверностью... Пример творческого содружества медицины и администрации. Да и тираж приличный.

Соседи по комнате не были склонны разделять иронический восторг своего нового товарища, и он предложил им до ужина пойти выкупаться.

— Ни-ни, — заявил обладатель скрипучего голоса. — Я пока не имею предписания врача на морские купания. И вам не советую нарушать. В пункте третьем сказано...

Тут он замешкался, отыскивая в курортной книжке третий пункт, но вскоре нашел нужную страницу и с видимым удовольствием стал читать: «Находиться в море строго по указанию и назначению лечащего врача». Полистав немного книжку, он продолжал: «Успешное лечение может быть достигнуто только при том условии, если больной активно включится в дело собственного лечения». Вам теперь ясно, больной?

— Меня зовут Владимир Михайлович, — представился вновь прибывший.

Светлая и уютная комната показалась Владимиру Михайловичу мрачной и чересчур казенной. Сыростью повеяло с моря. А в распахнутую для отдыха душу хлынули неприятные воспоминания о недавних огорчениях по служебной и семейной линиям.

На счастье, в дверь постучали, и вошла дежурная сестра, молоденькая и странно белая для субтропической местности девушка. Она вручила всем по градуснику, пожелала приятного лечения, успешного отдыха и, смущенно улыбувшись, хотела уйти, но с кровати донесся знакомый скрипучий голос.

— Существуют ли другие инструкции относительно отдыха?

— Для вас найдется еще одна — правила пользования биллиардом...

«Ничего себе соседство, — грустно подумал Владимир Михайлович. — Не хватало еще храпа ночью — и отдых обеспечен. Но ничего. Море все развеет».

В один из дней Владимир Михайлович двинулся к морю за назначенной порцией морских, воздушных и солнечных ванн.

При входе на медицинский пляж Владимира Михайловича остановила дежурная санитарка.

— Новенький? По физиономии вижу, что новенький. Вернитесь и прочтите у входа правила пользования пляжем. И не вздумайте нарушать. У нас строго...

Правил было немного, всего каких-нибудь 30 параграфов. Грамотному человеку — на десять минут изучения. Вскоре Владимир Михайлович очутился опять в проходной. Санитарка отобрала талон, проверила курортную книжку и пощупала сверток с купальными принадлежностями. «Не фрукты спрятаны? У нас насчет зелени строго... Папиросы и спички тоже нельзя пронести. Попрошу карманы наизнанку».

С вывернутыми карманами Владимир Михайлович получил, наконец, доступ на территорию пляжа. В поисках места ему пришлось пробираться вдоль сплошных рядов правил, объявлений, инструкций. На фанерных щитах и металлических дощечках плясали большие и маленькие буквы: «Деньги надежно и выгодно хранить в сберкассе», «Лежак — твое рабочее место отдыха, содержи его в чистоте и порядке», «Категорически запрещается играть на море в карты и другие азартные игры, а также бросать окурки на гальку», «Реже купайся — больше плавай».

Владимир Михайлович вдруг почувствовал легкий

озноб, головокружение и подступившую к горлу тошноту. А тут еще о морских превратностях напомнил властный голос диктора, усиленный десятками мощных репродукторов: «Внимание, внимание! Сейчас в центральной зоне пляжа будет прочитана лекция из цикла «Основы спасательной техники» на тему «Способы освобождения от объятий утопающего». После лекции — практические занятия».

Вскоре нашелся и свободный лежак под деревянным навесом. Владимир Михайлович хотел было приземлиться, но, находясь под свежим впечатлением процедурных заклинаний, вовремя удержался от столь опрометчивого шага.

«А где же инструкция по пользованию лежаком?» — подумал он и внимательно огляделся вокруг. Инструкция не попадалась на глаза.

— Может быть, вы знаете, — обратился он к жизни радостному толстяку, занятому отгадыванием кроссворда и уничтожением груш, — где можно узнать о порядке применения лежака под личные надобности?

Толстяк нехотя оторвался от своего занятия и сначала не понял вопроса. Когда же уразумел, в чем дело, то проглотил остаток груши заодно с черенком и на какой-то миг лишился дара речи и способности соображать.

Владимиру Михайловичу ничего не оставалось делать, как адресоваться за разъяснением к другим обитателям пляжа. Его настойчивое стремление усвоить правила пользования лежаком внесло некоторое разнообразие в однообразную пляжную жизнь.

Со всех сторон посыпались советы, замечания, реплики.

— Одно из двух: или я перегрелся, или он...

— Направьте его на консультацию к нашему шеф-повару.

— Почему к повару?

— У него рука твердая...

— Товарищи! Пропустите вперед... У меня семья в Ленинграде.

— Встречал я такого же чудака у нас в завкоме. До смерти любил инструкции. Когда сверху не хватало, сам принимался сочинять. Весь низовой профактив обещил, да так, что и работать некогда стало.

— Ну и что?

— Ничего. Применили и к нему инструкцию... По тайному голосованию... прокатили:

Смущенный таким неожиданным оборотом дела, Владимир Михайлович хотел незаметно ретироваться, но этому маневру помешала медсестра.

— Вы почему, больной, собираете народ? Анекдоты в зоне запрещены. Дайте вашу курортную книжку.

Пока вконец растерявшийся Владимир Михайлович искал книжку, возле него появился милиционер.

— Гражданин! Не нарушайте! Пройдемте...

Весть о появлении на солнечном пляже милиционера докатилась до морской глади, прошла по ней и взбудоражила купающихся. Синие, голубые и оранжевые резиновые шапочки устремились на берег. Море, походившее на большой цветник, быстро опустело.

К месту происшествия вызвали главврача санатория.

Увидев еще одно официальное лицо в белом халате, Владимир Михайлович с тихим стоном опустился на асфальтовое покрытие пляжа.

— Больной, что с вами? — строго спросил главврач. — Так, так. Обморочное состояние... Забыл про южное солнце. Перегрелся... Под тентиком надо было. Под тентиком... Сестра, быстро носилки и больного ко мне! Приготовьте кислород и камфару... Живо!

ШАПКА

Беда произошла не оттого, что Посиделкин был глуп. Нет, скорее он был умен.

*И. ИЛЬФ,
Е. ПЕТРОВ.
«Бронирование
место».*

Зима на носу, а у меня еще и шапки нет. Кепка имеется, а вот шапка... В зимнее время неудобно как-то без теплой шапки. Осложнения разные могут возникнуть в больших полушариях головного мозга, да и уши мерзнут. Их, правда, можно под клапаны спрятать, если приделать такие к кепке. Но опять-таки вида не будет.

Пыжиковой шапки мне не надо. Дорогая, да и не достанешь! Мне бы поскромнее что-нибудь. Из мерлушки или крысы под котик, только чтобы уши закрывала.

Кинулся я в товаропроводящую сеть. Заскочил в один магазин. Спрашиваю. Девушка-продавщица успокоила: — Были летом шапки. И вашего размера были. За-

ходите на той неделе — подберем. А пока вот рекомендую...

И предлагает мне шапочку резиновую. Купальную. Возьмите, говорит, летом не найдете. Советует заодно и плавки приобрести. Для полного купального комплекта! Очень вежливая и внимательная продавщица оказалась. Объяснила, как шапочку на голову напяливать и как снимать. Я, конечно, не устоял. Купил. Шапочка удобная, симпатичная. Оранжевого цвета. У подбородка кнопкой закрепляется. А плавки брать не стал. Обойдусь пока без них.

Побежал дальше. Снова неудача. То соломенными шляпами полки забиты, то кепками в богатом ассортименте.

Домой пришел в расстроенных чувствах. Жена с обедом торопится, а мне не до питания, у меня в мыслях шапка. Где ее, окаянную, выудить? Поковырял я для приличия вилкой в тарелке, стакан компота выпил и спрашиваю:

— Леля не разошлась с мужем?

— Типун тебе на язык! Живут себе и пусть живут на здорозье. Собственно, откуда такой повышенный интерес к Лелиному семейному положению? Ну? Отвечай!

— Живут? Хорошо, что живут! С муженьком ее поговорить бы... Крайне важно.

— О чем?

— Насчет шапки, конечно! У Лелиного Генки сноха или золовка, шут их разберет, знакома с племянницей директора магазина. Все очень просто. Я иду к Генке, он к снохе, или золовке, та к своей племяннице, она к родному дяде-директору. Потом в магазине появляемся мы с Генкой. Нас с почетом провожают в директорский кабинет, и ... шапка у меня в кармане! Для родни-то устроит? Как думаешь?

Жена смолчала, а я принялся за обработку роде-венников. Пошли навстречу моей нужде. С директором магазина поговорили. И мы с Генкой к нему зашли. Объяснил, что в наличии шапок нет, но ожидается большая партия меховых изделий. Обещал оставить шапку. Размер записал. И номер телефона. Листок в стол спря-тал.

Вышли с Генкой из магазина и повернули в разные стороны. Он к себе, а я к себе.

Иду и размышляю. Так он тебе и оставил шапку! Черта с два! На лице у него, у подлеца, написано, что не станет оставлять. У таких людей снега зимой не вы-просишь. А тут товар дефицитный. Кто я ему? Брат же-ны или начальника торгога? И к торговой сети касатель-ства не имею. Вот если бы баш на баш—тогда другое дело. Я ему холодильничек последнего выпуска устраи-ваю, он мне—шапочку. Листок-то с записями, поди, уж выбросил. Мы из магазина еще не вышли, а бумажка в мусорном ящике валяется. Ай, подлец. Руку еще по-жал на прощанье. С кресла привстал. Заходите, говорит, не забывайте. В демократа играет.

Дома меня товарищ дожидался. В командировку на юг уезжал и зашел проститься. Упросил его шапку при-везти. Век, мол, не забуду. Достань только. Денег дам. Тут ведь только обещают, а там они, ввиду климата, не очень в ходу.

Он опешил. Вроде несовместимо — юг и мех. Вро-де там без полушубков обходятся. Говорит, матрешку из сандалового дерева — это с радостью. А шапку мехо-вую? Я ему контртезис насчет торговых случайностей. Оленьи упряжки могут занарядить в Ферганскую доли-ну? Могут. Вот так и шапки... Одним словом, деньги он взял и размер моей головы в записной книжке пометил.

Расстались чин-чином. А меня опять сомнение взяло. Зачем, думаю, связался с ним? Плакали денежки и

шапка вместе с ними. Израсходуется, жди потом, когда отдаст. Вернется и извиняться станет, попросит до полочки обождать. Вот и надейся на него. И зачем таких в командировки посылают, если они в законные суточные не укладываются, не могут на это время сократить свои потребности?

Стал я снова думать, кто бы это наверняка шапку мог «устроить»?

Вспомнил про одного... Вместе лет пять назад на курсах обучались. По повышению квалификации. Он на севере живет. У них там этого добра хватает. Ему ж ничего не стоит упаковать шапочку и оформить посылку в мой адрес. Как это раньше не додумался?

Отбил телеграмму в адресный стол. Вскоре адрес его пришел. Отправил ему письмецо коротенькое и — постскрипту: прошу, дескать, об одолжении: вышли шапку меховую, размер пятьдесят восьмой.

Сижу вечером дома, прикидываю... Через пять дней он получит письмо. На шестой, от силы — на седьмой день зайдет в магазин. На восьмой отправит посылку... Хотя... зачем, собственно, ему связываться с этим делом? Лишние хлопоты. Какая ему прибыль? Благодарность от знакомого заслужить? Нужны они ему, эти благодарности. Больно он в них нуждается. Жил без них и жить будет. Дурак я, деньги на телеграмму выбросил. Побоку всех друзей и товарищей! С государственными учреждениями в контакт надо входить. Здесь то дело верное. Возьмем «Посылторг». Солидная организация. Рассылает часы системы «Будильник», гитары и прочий ширпотреб. Чего им стоит шапочку мне подослать? Ровным счетом ничего. Раз плюнуть. Сел и сочинил слезное письмо. Прошу, мол... в виде исключения... отоварить мою просьбу... пятьдесят восьмого размера шапку... Не откажите... Заранее вам признателен... Желаю... Ну, и тому подобное.

Отправил и... снова меня сомнения одолели. Не пришлют! Кой черт станет возиться с одним экземпляром. Да, небось, и нет их в ассортименте.

Так что же делать? Шапки-то нет! Снова думать приходится.

На этот раз жена посоветовала. Сходи, говорит, в ателье. Может, по заказу сделают.

На всякий случай пошел. Моему приходу не то чтобы обрадовались, но и не показали от ворот поворот. И это хорошо. Дальше совсем непонятные события развернулись. Зачем-то меня посадили в мягкое кресло. Выдали мне без расписки журнал мод. Предложили на выбор: котик, выдру, ондатру и цигейку, простую и улучшенную. Тут-то я и почувял подвох. Цигейка улучшенная? Обещать-то вы мастера. Поди, и каракуль, скажете, есть. Нет, ты мне выложь товар. Лицом его покажи. Человек я неверующий, церковь не посещаю. Тогда приносят образчики. Осмотрел внимательно, в руке помял, понюхал для верности. мех натуральный, без подвоха. Здесь же, в мягком кресле, у меня заказик оформили. И фасон помогли выбрать. Денька через три приходит велели. За шапкой!

«Вот так вермишель под соусом!—думаю. — Человек, можно сказать, с ног сбился. Мотается, ищет, ищет. Людей, можно сказать, беспокоит. А тут, нате вам, рядом. Ни ходьбы, ни забот, ни примерки... Хм-хм! Значит, без примерки. Так... так... Мудрить начинаете. Ежели всерьез шить — без примерки как можно? Голова не чурка, обязательно примерка требуется. Укоротить, подшить, мало ли что... Плакала и здесь моя шапочка. Три дня... будет готова... Черта лысого! Все тридцать прождешь! А уши? Опять рукавичкой прикрывать, чтобы не мерзли? Такие-то вы мастера! Не верю я вам, и все».

И не поверил. Три дня не верил, пока самолично шапку не надел на собственную голову. А как надел — сразу поверил. Выбежал на улицу и опять не верю. Не верю и все, что шапка на голове и уши не мерзнут. Теперь уж от радости!

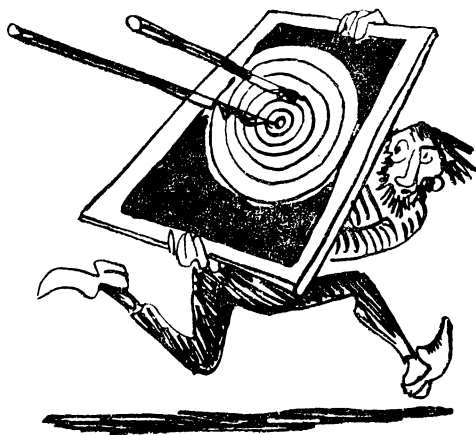
О радость, радость! Как ты неожиданно приходишь и как ты быстро исчезаешь! Подвели меня друзья. Здорово подвели! Вместе с работниками торговой сети. А кто знал?

Жена, зараженная моими сомнениями, в тот же день в магазине шапку купила — там их стало полным-полно. Товарищ с юга привез. Дядя-директор навязал. От северного знакомого посылка пришла. «Посылторг» нашел для меня каракулевую. Что же мне теперь делать?

Товарищи, выручайте! Может, займы дадите — шапочки выкупить? А может, шапку кому надо, пятьдесят восьмой? А? Могу в рассрочку.

Нет, не дадут и не возьмут! Знаю я их... Снова подведут!

Художник работал вдохновенно и неутомимо. Вплоть до седьмого пота работал. Он писал картину «Семь пар влюбленных». Писалось легко и быстро. Даже кот, серый кот, у которого хвост был вечно в краске, не раздражал художника, как это бывало в минуты творческого застоя.

И вот на холст лег последний мазок. Художник запрыгал от радости. А кот, серый кот с вымазанным краской хвостом, уловив подходящий момент, оставил на брюках художника еще одно пятно.

Вскоре художник понес картину в салон-магазин. Там ее стали рассматривать, бросая подозрительные

взгляды на автора. На сплошном черном фоне ярко желтели семь концентрических окружностей, вписанных одна в другую.

— Так мое «я» воспринимает любовь, — гордо пояснил художник, когда его попросили раскрыть содержание картины. — Семь окружностей символизируют семь пар влюбленных.

Первая пара — на картине это самая маленькая окружность — он не знает, полюбит ли ее, она не знает, полюбит ли его.

Вторая пара. Он любит ее, она не любит его.

Третья пара. Она любит его, он не любит ее.

Четвертая пара. Оба любят друг друга, пока он не разочаровывается в ней. Вот этой зазубриной на окружности явно выражена вся глубина разочарования.

Пятая пара. Оба любят друг друга, пока она не разочаровывается в нем. Зазубрина здесь сдвинута вправо, что вполне закономерно.

Шестая пара. Он любит ее, она любит его.

Седьмая пара — самая большая окружность — он не любит ее, она не любит его.

Как видите, мне удалось запечатлеть все варианты любовных отношений. Чувство зарождается и, пройдя через высшую точку своего развития, гаснет, круг логично замкнулся. Картина готова!

В магазине поохали, поохали, но картину взяли. А куда денешься, если был заказ от райпотребсоюза: что-нибудь про любовь для нового кафе.

Заказчик от картины благоразумно отказался, уплатив при этом соответствующую неустойку в новых рублях. Картину упрятали в запасник. Там она пролежала недолго. В стрелковом тире неожиданно кончились мишени, и картину по сходной цене купили для рекламы, попросив замалевать, как явный брак, зазубрины на двух окружностях, символизовавших любовные разо-

царования. Тир снова стал выполнять и перевыполнять план по пулеотстрелу. Дело в том, что многие граждане еще издали замечали «яблочко» (уж очень хорошо оно было выписано — яркий желтый круг на черном фоне!), и спешили испытать твердость и меткость глаза.

С успехом вас, Митя!

(Художника звали Митей).

НЕ ТО УДАРЕНИЕ

Древен род человеческий, многовековой историей наделено нынешнее его поколение, а пути любви так же неисповедимы, как и в те отсталые времена, когда не было полетов в космос, справок от домоуправлений, телевизоров и строгих правил грамматики.

Сергей Викторович преподавал русский язык и литературу. Он добросовестно объяснял правописание предлогов и союзов, проверял диктанты и старался убедить учащихся в том, что трагедия В. Ленского — трагедия всего мелкопоместного дворянства, связанного с феодальным способом производства. Вечерами папа и мама спрашивали у Сергея, как сегодня прошли уроки, и просили приходить домой пораньше: мало ли что может случиться с мальчиком на улице, да еще в позднее время.

А Дине предстояло держать экзамен на знание русского языка. Перед многотысячной аудиторией так называемых телезрителей. Говорят, что хорошенькая дикторша этот экзамен выдержала успешно. Говорят, что ряды великомучеников голубого экрана сразу пополнились лицами мужского пола. Говорят...

Но Дина была человеком самокритичным. Она не расценивала свой успех как награду за отличное знание

местоимений и глаголов с безударными личными окончаниями. Как человек самокритичный, она понимала, что светлые волосы, схваченные химической завивкой, милонидное личико во главе с маленьким, чуть вздернутым носиком тоже кое-что значат.

Все шло хорошо. Дина научилась сохранять полное спокойствие и способность мило улыбаться в творческом водовороте, который устраивают на студии режиссеры, их ассистенты, операторы и просто звукооператоры.

Пораженный быстрыми успехами девушки, сам Петр Петрович похвалил ее. Он сказал: «Мы не можем без правильной произносимости всех богатств русского языка. А ты допускаешь стопроцентную произносимость русских, иностранных и всяких других слов, не считая выражений. Молодец, кочки-теремочки!»

И вдруг... Ох, это вдруг, без которого не может обойтись профессиональный рыбак и охотник и наш брат — пишуший. Вдруг... телефонный звонок на студию. Просят дикторшу. Дина только что пожелала телезрителям спокойной ночи и хотела уходить. Она взяла трубку. Послышался твердый мужской голос:

— Говорит телезритель. Вы допустили ошибку в произношении слова «фритредерство». Вы сделали ударение на предпоследнем слоге. А надо на втором. Посмотрите толковый словарь русского языка под редакцией Волина и Ушакова. Страница тысяча сто восемнадцатая. Всего хорошего!

Дина растерялась. Она так растерялась, что не успела ни поблагодарить, ни нагрубить. Бывает.

На следующий день звонок повторился. Дина споткнулась на слове «компас». Опять не то ударение. Незнакомый страж чистоты русского языка посоветовал ей открыть словарь Даля на сто сорок седьмой странице.

Анонимные телефонные звонки вывели Дину из душевного равновесия. Объявляя программу передач,

она видела темную комнату, себя на голубом экране телевизора и где-то в глубине этой комнаты ехидную физиономию своего недоброжелателя. Он — весь внимание. Он — весь слух. В руке у него блокнот и карандаш. Рядом с ним на столике — словари Даля и Ушакова. Вот Дина оговорила. Вот он торжествующе засекает ее на слове. Ага, попалась, голубушка! И звонок!.. Дина вздрогнула и... оговорила.

Ей полагалось сказать «дереvence», а у нее получилось «дереvцо». И снова звонок: «Говорит телезритель...»

Дина попыталась отшутиться: «Молодой телезритель?» В ответ она услышала, что молодость здесь ни при чем, что Аркадий Гайдар в шестнадцать лет командовал полком, а ей стоит проконсультироваться с орфографическим словарем русского языка. На странице двести девятнадцатой.

Дина постепенно приходила в отчаяние. И пришла бы, если бы не Люся. Люся ее подруга. Люся сказала:

— А что если он в тебя влюблен? Понимаешь, переживает за твои ошибки... И звонит тебе. Он же не звонит Петру Петровичу...

Убедительный довод. Дина задумалась. Воображение вновь унесло ее в темную комнату. Но вместо ехидной физиономии ей виделся теперь симпатичный молодой телезритель. Он — весь внимание. Весь — слух. Ой, не ошибись... Ой, не споткнись... Стоп! Трудное слово! Правильно, хорошо, Дина! Молодой телезритель вытирает вспотевший от волнения лоб.

И еще Дина подумала, что не зря ее отсылают к словарям. Надо ими заняться. По тысяче слов на ночь.

Характер у Дины оказался железный. Она регулярно читала на ночь тысячу слов из Даля или из Ушакова. Ошибок не стало. Но не стало и звонков. «Почему он не звонит? — сокрушалась Дина. — Ну, просто так... Ну,

спросил бы... О чем? Ах, мало ли о чем... Скоро восьмое марта... Поздравил бы, что ли...»

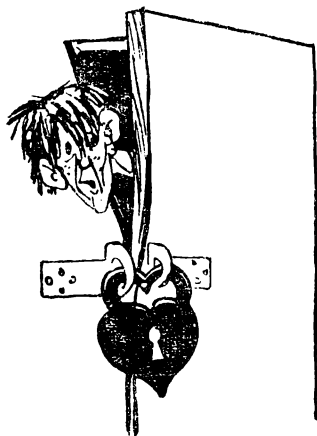
Праздничную телепередачу для женщин вела Дина. И она решилась на отчаянный шаг — сознательно сделать не то ударение. У нее, повторяем, был железный характер. Она специально сказала не «памфлет», а «пáмфлет». После передачи она ждала звонка. А звонок не раздался.

Грустная, собиралась Дина домой. Оделась, вышла. И не услышала, как хрустнул мартовский ледок под ногами подходившего к ней человека.

— Извините... это я... Сергей Викторович... То есть Сережа... То есть тот самый, что вам звонил... насчет ударений... У вас сегодня снова была ошибка...:

Звездам не привыкать. Звезды мерцали над влюбленными и в те далекие времена, когда их покой не тревожили космические ракеты, когда не было телефонной связи и развитого книгоиздательского дела...

Молодость любознательна. Молодость непосредственна. Молодость кипит, бурлит и даже влюбляется. Впрочем...

К ребятам зашел Иван Саженцев. Староста их группы. Встрепанный, чуб до носа достает, ковбойка нараспашку. Глаза... Глаза от бессонницы опухшие. Сразу видно, парень с постели вскочил. Покрутил головой в разные стороны и спрашивает:

— Где у вас Санька Волошин?

Леонид промолчал, а Олег, не отрываясь от книги, уточнил:

— Вы, товарищ, имеете в виду студента третьего

курса, нашего неутомимого естествоиспытателя Александра Владимировича Волошина? Не так ли?

Кивнул головой Иван Саженцев и чуб от носа отвел, чтобы смотреть не мешал.

— Именно так. Мне нужен студент товарищ Волошин, Александр Владимирович. Санька и как там еще по-вашему? Где он?

Леонид молча встал, обошел комнату, заглянул в шкаф, порылся на полке с книгами и серьезно ответил:

— Надо полагать, Александра Владимировича в данный момент здесь нет.

— Ребята, не дурите! Не расхищайте мое личное время! — раздраженно проговорил Иван Саженцев. — Где Волошин?

Леонид уткнулся в книгу, а Олег произнес:

— Пыль слетает с ресниц, чернила сохнут, пятна остаются.

— Как так? — растерялся Иван Саженцев.

— Очень просто, — охотно пояснил Олег, — нет Волошина. Душа его незримо с нами, а самого нет. Расстворился в космической безбрежности. Распался на углеродистые и белковые соединения.

Иван Саженцев свирепо посмотрел на невозмутимых Леонида и Олега.

— Бросьте дурака валять! Думаете, я ничего не знаю? Я все знаю. И знаю, где ваш бионик... По наклонной плоскости катится!

Олег и Леонид недоуменно переглянулись.

— Он... — Иван Саженцев пригнулся к ребятам, отчего его чуб снова упал на нос, и доверительно сообщил: — Он у девчат в общежитии!

— Да? — удивился Олег.

— Да ну? — не менее товарища удивился Леонид.

— Больше в вечернее время норовит, — взволнованно продолжал Иван Саженцев. — Комендант лично за-

сек. Разбудил меня и велел срочно бежать. «Куда?» — спрашиваю. «За Волошиным! — кричит. — Проскочил, гад, через засаду и напрямик к ним. Бежим, сейчас его на месте накроем!» А комендант человек в годах. Ему волноваться вредно. И бегать тоже. Ногу в темноте подвернет или инфаркт схватит. Вы, ребята, знаете, что такое инфаркт миокарда?

Ребята утвердительно кивнули головой.

— А зачем Волошин к девочкам ходит, вы знаете? — повысив тон, спросил Иван Саженцев.

— Любовь, — вздохнул Олег.

— Большое и серьезное чувство, — подтвердил Леонид.

— Чувство? — переспросил Иван Саженцев и подозрительно посмотрел на товарищей. — Сегодня к одной, завтра к другой — это чувство? Это морально-бытовое! Ребята, вы знаете, что такое морально-бытовое?

Ребята отрицательно покачали головой.

Иван Саженцев тоже качнул головой, чтобы пристроить на место чуб.

— Морально-бытовое, — заговорил он, — это... когда... моральное и бытовое вместе... Такое состояние... А за морально-бытовое обсуждают! Вот! И мы на группе Волошина обсудим. За его морально-бытовое. В первый и последний раз! Что? Ну, я пошел.

Олег плотнее прикрыл дверь за Саженцевым и вернулся к столу. Леонид взглянул на часы.

— Интересно, — нарушил молчание Олег, — что сегодня у девчат вышло из строя? Утюг, плитка, пылесос? Сразу трое звали... «Сегодня к одной, завтра — к другой». Придется Сашке повозиться: механик-общественник!

МУЛИНЕ

Мы были бы распрекрасными подлецами, если бы не помогли товарищу. И мы, конечно, помогли. Без медали и звона. Без индивидуальных обязательств на повышение уровня чуткости и внимательности.

В обеденный перерыв нас разыскал в столовой Витька Кассета. Ему здорово везло на новости. То ли он вертелся возле них, то ли они вращались около нашего неугомонного друга. От него мы и узнали кое-что насчет Галки.

Потрясать от негодования тупыми казенными ножами не стоило. Отодвигать в сторону котлеты и свежий компот из сухих фруктов тоже. Зачем прибегать к насилию и вызывать гнев общественности?

Но дело было серьезное. Хотя бы потому, что Галка — это не просто продавщица галантерейного магазина. Галка, как выражаются в светских кругах, — девушка нашего общего знакомого Бориса. Надежного товарища и толкового наладчика. Между прочим, видного из себя парня.

Прикинуть, что к чему, нам не составило большого труда и не потребовало огромного напряжения мысли. Мы и так могли довольно точно вычертить кривую зависимости Борькиного настроения от Галкиного самочувствия. И это не парадокс жизни. И не профанация чувств. Это как раз наоборот. Просто мы хорошо знали друг друга. И, между прочим, сами ухаживали за девушками. Не обязательно из кадров советской торговли. Но, во всяком случае, не хуже.

У них в торговле, говорят, план. Галка объяснила, что государственный. Может быть. Не берем под сомнение. Галка из торговли. Ей лучше знать.

И зачем спорить, когда Витька Кассета лично видел Галку на улице в рабочее время. С кем? Простите, не с

кем, а с чем. С лотком у закрытого магазина. Магазин был закрыт потому, что в понедельник выходной. А Галка торговала в свой законный выходной потому, что было тридцать первое и она стремилась выполнить месячный план розничного товарооборота. А может, и перевыполнить. У Галки характер решительный и упрямый.

Нам это понятно, когда аврал под тридцатое тире тридцать первое каждого месяца. Сами действовали в таком направлении. Но нам непонятно, как Галка думает с планом выскочить.

На мулине, знаете, да на разных там пяльцах, вязальных спицах и прочих ниточках-кагушечках высоко не прыгнешь. Передового уровня не достигнешь. И прогрессивка накрывается. Вот если бы холодильники толкнуть... А откуда у Галки холодильники? Нет у нее холодильников. И пиджаков импортных с тремя пуговицами нет. Другой профиль торговли. Для украшения здорового мещанского быта.

А Галка причем? Собственно говоря, ни при чем. Билеты-то были у Бориса. Он позаботился. Эту новость Витька Кассета нам выдал вторым номером. Два билета на симфонический концерт лежат у Бориса в кармане. Хотел молодой новатор производства послушать серьезную музыку в обществе любимой девушки. А успеет Галка до концерта с планом закруглиться? Мы сомнительно покачали головами и вспомнили про кривую: что от кого зависит. Получалось не в пользу Бориса. А нам хотелось, чтобы было ноль-ноль. Или наоборот.

Мы молча работали и думали. У нас тоже план и тоже тридцать первое. По календарю и по графику.

В график мы, между прочим, уложились. В положенное время вышли из проходной, помахали кепочками и... увидите наших — передавайте привет вашим. Разбрелись в меру своих сил и возможностей.

По-моему, неоновый свет на улице располагает к окровавленности. К выяснению неясных вопросов. Днем бы Галка наверняка забыла спросить Бориса. А вечером спросила, когда они вышли из филармонии. Она спросила Бориса: «Что это, твои товарищи обучаются вышивальному делу?» — «А что?» — «Ничего, — спокойно поясняет Галка. — Приходят они сегодня и просят вернуть моего товара. Будто сговорились... Каждый на десять рублей требует. Я удивляюсь и в магазин за пополнением товара бегаю. Чудеса! Десятидневную вырубку в кассу положила!»

Борис потом хмурился и долго ругал нас за мещанство. Дескать, потрафляем отсталым вкусам. А мы не мещане. Нам эти думочки и коврики до лампочки нужны. А вот если друг в беде...

Скажите, вам не нужно мулине? Могу подарить. Хорошее мулине. Лично брал.

НОВОСЕЛЬЕ

Семеновы получили квартиру. Отдельную квартиру с водой, форточками, газом, оштукатуренным потолком и связкой ключей от двери. Дверь открывалась и закрывалась без особых усилий. Они были довольны. Они — это Олег и Аня. Олег приходился Ане мужем. Аня доводилась Олегу женой. Вместе они составляли семью. Маленькую ячейку счастливых молодоженов. И новоселов.

Олег позаботился об электрическом звонке, а Аня положила у дверей резиновый коврик, напоминавший залитые гудроном пчелиные соты. Вход в квартиру был оформлен. Вытирайте ноги, звоните и «Проходите, пожалуйста!»

Но долгожданного «Приходите, пожалуйста» мы пока не слышали. Мы — это небольшой, но дружный коллектив слесарей-сборщиков. Олег и Аня — первые молодые в бригаде.

Бригадиром у нас недавно стал Г. Г. Комаров. Комаров — его фамилия. Г. Г. — инициалы, которые расшифровываются так: Григорий Григорьевич. Мы его звали по имени и отчеству — Григорий Григорьевич. Из уважения к его солидному холостяцкому стажу, как объяснил зашедшему в цех корреспонденту Борис Орлов, товарищ тоже из нашей бригады. Борис любит философские обобщения. Впрочем, и производственный стаж у нашего бригадира еще с техникума записан. С заочного. А вот его холостяцкое положение... Один освобожденный работник завкома конкретно выразился: «За здоровый быт боремся. А ваш бригадир, того, знаете, холостой. Значит, он, того, знаете... Тень на бригаду отбрасывает». Мы разъярились. Хорошо, Борис успокоил. Постучал этак выразительно по своему лбу, чуть пониже роскошного голубого берета, и успокоил. Борис любит иносказательные выражения.

Мы не торопили события. Надо же было Олегу и Ане заполнить углы и остальное пространство в комнатах чем-нибудь полированным или никелированным. Мы не спешили притронуться к перламутровой кнопке звонка и оставить следы на резиновом коврикe, похожем на залитые гудроном пчелиные соты. Но у нас все было готово.

Дома у Бориса стоял последнего выпуска магнитофон — наш скромный коллективный дар новоселам. От индивидуальных подарков мы принципиально отказались. Раз работаем вместе, так и дарить сообща. И чтобы мешанство в новую квартиру через индивидуальный подарок не вползло. Вместе быстрее разберемся, что к чему, хотя Борис и кричал, что в коллективном подарке

не выразишь эстетическую сущность своей природы. Поэтому-то мы и оставили магнитофон у Бориса. С воспитательной целью. Смотри, мол, на совершенство техники и подумай о несовершенстве своей природы, коли от бригады отколется хотел.

Около магнитофона лежала коробка с кассетой. Почти триста метров пленки хранили для будущего торжества чудные звуки наших поздравительных тостов. Тридцать метров на говорящего. И не больше. Так мы решили. Бригадир лимит на пленку не устанавливали. Говори себе на здоровье. Мы люди не гордые — и потерпеть можем. Лишь бы ему на пользу пошло. Открыло глаза на прелести семейной жизни. У нас все было готово.

Как-то в обеденный перерыв Аня торжественно объявила: «Мама с курорта вернулась!» И посмотрела на своего Олега. Олег посмотрел на нас и торжественно подтвердил, что Анина мама действительно приехала с курорта. Мы поздравили Аню и Олега с благополучным возвращением мамы и пожелали ей дальнейшего здоровья. Что нам оставалось делать? Мы не знали, радоваться или огорчаться такому событию в семейной жизни наших товарищей по бригаде. Потом Аня сказала, что вот теперь можно устраивать и новоселье. А мы-то и не догадывались! Какое же это новоселье без мамы? Теперь другое дело. Теперь мамаша на месте.

Действительно, в одно из воскресений мы нажали перламутровую кнопку звонка, оставили следы на резиновом коврике и услышали: «Проходите, пожалуйста!»

Все обошлось благополучно. Ни погода, ни соседи не смогли помешать новоселью. Магнитофон исправно выдал семь порций приветствий: не больше тридцати метров на говорящего, не считая бригадира. Григорий Григорьевич, наш бригадир, уложился в общую норму. Не стал злоупотреблять служебным положением и вы-

деляться из общей массы. А Борис-таки выделился. Проявил свою индивидуальность в погремушке с забавной рожицей.

Олег и Аня остались довольны. И мы тоже. И дети ихние останутся довольны. Чьи дети? Олега и Ани. Будут же у них дети. У всех есть, и у них будут, даже очень скоро будут, судя по некоторым деталям Аниного туалета. И дети тоже доживут до новоселья. Когда, конечно, взрослыми станут. И тогда к ним придут Олег и Аня и скажут... Нет, не скажут, а поставят пленку, нашу сегодняшнюю, и молодое поколение коммунизма услышит наши бодрые голоса из тысяча девятьсот шестьдесят второго года. Голоса бригады коммунистического труда. Здорово!

Что еще добавить? Анина мамаша, та самая, что благополучно с курорта вернулась, все нашего бригадира нахваливала. Есть же на свете такие мамыши. Только-только приехала, а сумела узнать, что квартиру-то Олегу и Ане уступил наш бригадир. Ему причитался ордер, как молодому специалисту, ветерану завода и вообще. А он сказал, что подождет. Ему пока детскую кроватку не ставить. А его любовь ждать отказалась. Нашла какого-то мещанина с собственной хибарой и огородом. И про это вызнала Анина мамаша. А мы... Мы от нее узнали.

Как-то я зашел к Силкиным «подышать цветами». У них на балконе райский уголок: ящики... ящики... ящики, цветы... цветы... цветы... Цепко обвилась вокруг железных прутьев вьюнка, ароматно белеет табак, приветливо сияют анютины глазки, яркими колокольчиками замерли настурции. Одним словом, цветы. А когда цветы — это хорошо. Это даже приятно. Отдых для души, успокоение нервов, зависть соседей. Не всех, конечно, а у которых балконы голые. Встречаются в нашей красивой жизни еще такие... Люди то есть...

Григория Ивановича дома не было. Дома была его жена Викторина Васильевна. Она сидела за столом, раз-

бирала грудку фотографий и чему-то улыбалась. Я не удержался и спросил, чем она так обрадована.

— А как же! — поспешила ответить Викторина Васильевна. — Встреча с милым детством. Вот посмотрите... Это я в старшей группе детсада. Узнаете?

Я взял у Викторины Васильевны небольшую фотографию и увидел на ней полненькую, коротко подстриженную девочку с удивленными изюминками глаз. Безусловно, это была Викторина Васильевна в милом дошкольном возрасте. Я поспешил высказать свою симпатию этой девочке, причем добавил что-то насчет ее серьезности и выдержанности.

— О, да! — воскликнула Викторина Васильевна. — Вы очень точно подметили эту черту моего характера. Как сейчас помню себя скромной и серьезной девочкой. Чтобы озоровать или там шалить — ни-ни... И в характеристике то же самое отмечалось...

— В характеристике? — удивился я.

— Ну да, в моей характеристике, — не то с горечью, не то с досадой сказала Викторина Васильевна. — А как же? Мы были в старшей группе, нас готовили в школу, школа и затребовала характеристики. Стали писать, написали и про меня. Это я уж потом узнала. От отца. Он брал копии всех моих характеристик, вплоть до институтских. А как же? Летопись жизни. Нате вот, почитайте!

И вот я держу в руках листок из ученической тетради в одну линейку. Вижу угловой штамп детского сада № 5 и выведенное витиеватым канцелярским почерком слово «Характеристика». Читаю: «Викторина Горина, 7 лет. Выдержанна. Серьезна. Дисциплинированна. Активно участвует в общественной жизни детского сада. Обладает склонностью к диффузии чувств и поступков...»

Заинтересовавшись склонностью семилетней девочки к «диффузии чувств и поступков», я решил перечитать всю коллекцию характеристик. Викторина Васильевна не

возражала. Менялись форматы листков и угловые штампы. Викторину стали именовать Викториной Васильевной, но из характеристики в характеристику кочевала мудреная склонность «к диффузии чувств и поступков». И все с той же ошибкой в хитром слове «диффузия» — без одной буквы «ф».

Когда я сказал об этом Викторине Васильевне, она вместе со мной возмутилась формализмом людей, механически переписывавших из бумаги в бумагу непонятное им, но зато эффектно звучащее выражение. Она называла этих людей чиновниками и бюрократами. Она, извиняюсь, даже спросила: какому дураку пришло в голову составлять характеристики на детей? Потому что она и сейчас еще не знает, есть ли у нее диффузия чувств и поступков. И не только она, но и муж ее не знает. Хотя, по-моему, это плохо, когда муж не знает, что у жены есть и чего нет. Сам виноват.

Но я не стал говорить об этом Викторине Васильевне. Я не хотел тревожить счастливую семейную жизнь супругов, так дружно ухаживающих за цветами на балконе. Я молчал и только согласно кивал.

Викторина Васильевна взглянула на часы и виноватым тоном сказала мне:

— Вы извините, если я вас оставляю до прихода мужа? Он вот-вот должен вернуться. Можно посидеть на балконе, цветами подышать... А то у меня, знаете, срочная работа. Завтра к нам в садик из района придут. За характеристиками. Мы пятнадцать малышей в школу подготовили. А я еще ни одной характеристики не заготовила. Представляете, сколько работы? Хоть под копирку пиши!..

Викторина Васильевна ушла в соседнюю комнату работать над характеристиками. Я вышел на балкон, чтобы «подышать цветами». Но мне почему-то не дышалось. Может, потому, что цветы были какие-то обмяк-

шие, вялые, скучные. Видно, они не успели оправиться после полуденного зноя. Такие цветы не успокоят нервы. Таким цветам не позавидуют соседи. Такие цветы обязательно надо полить свежей, чистой водой. Догадуются ли это сделать хозяйева?

ПОД ЛИПАМИ

В прекрасный летний вечер, в такой вечер, о котором неизвестный, но молодой поэт написал: «Вечер руки положил на плечи, нежные, теплые...», Гришуня Кругликов усердно занимался двумя делами—приглаживал вихор и постигал основы теории резания.

Он сидел за столом у открытого окна и, пытаясь уложить топырившиеся волосы в положенное место на затылке, вслух читал:

«В процессе резания клин резца, с силой врезаясь в металл, отделяет от него стружку, которая образуется в результате движения заготовки и режущего инструмента».

Гришуня был молод, настойчив и любознателен.

«Откуда берется стружка?»— сразу же задал он себе вопрос. И ответил: «Стружка образуется в результате движения заготовки и режущего инструмента». Ясно. А что тогда делает клин резца в процессе резания? Прочтем: «В процессе резания клин резца, с силой врезаясь в металл, отделяет от него стружку...» Тоже ясно. Хотя, выходит, получаются две стружки: одна отделяется, а другая образуется? Что за ерунда! Впрочем... кто его знает... Может, и в самом деле две стружки идут только с разных концов?

Мудро решив, что одним здравым смыслом невозможно докопаться до истины со стружками, Гришуня пе-

рекинулся на другие формулировки. Дело пошло веселей. За какие-нибудь полчаса он твердо усвоил разницу между глубиной резания и величиной подачи. Быстро сообразил, что путь, пройденный режущей кромкой относительно поверхности обрабатываемой заготовки за единицу времени, называется скоростью резания. В два счета заучил парочку небольших трехэтажных формул. Ведь не зря он среди товарищей по работе считался самым молодым, настойчивым и любознательным.

Теперь ему оставалось повязать галстук, надеть пиджак, и можно было смело отправляться на свидание.

...Они познакомились в прошлую субботу. У двух автоматов. Автоматы стояли рядом. А они стояли у автоматов. Она—за пирожным, он—за газировкой.

Как известно, сладкое вызывает жажду, а вода, тем более газированная, утоляет ее. Девушка с благодарностью приняла из теплых Гришуниных рук холодный стакан пенистой воды. От второго и третьего стаканов она вежливо отказалась. Это не обескуражило Гришуню. Глупо предлагать девушке то, от чего она отказывается. И тогда он предложил ей познакомиться. Возражений не последовало.

Узнав, что Сима — так звали девушку — вдобавок ко всему еще и студентка, Гришуня смалодушничал и скрыл, как раньше говорили, свое социальное положение. Скажи ей правду, что он работает заведующим отделом в магазине «Одежда», так она, чего доброго, неважного мнения о нем останется. Дескать, как вам не стыдно, Гриша. Люди в тайгу, на целину, стихию, волну и воздушную, обуздывают, а вы, извините,—по торговой части. Может, здоровьем подкачали или трудностей испугались? Легкую жизнь себе обеспечили...

Как вам это нравится? Гришуне такая перспектива определенно не нравилась. Будь что будет, решил он и при удобном случае рассказал девушке, что он токарь

на машиностроительном. Неплохой токарь. Ударник коммунистического труда. Прилично зарабатывает. И вообще о нем частенько пишут и говорят в масштабе области. Возможно, Симе приходилось слышать его фамилию? Ах, не приходилось! Ну, это к лучшему. Неловко, знаете, в известных ходить. Народ оглядывается, шепчется о чем-то...

Девушка весело слушала. О заводских делах не спрашивала. Согласилась в субботу встретиться.

И все же Гришуня возвращался домой невеселый. Чувствовал он себя не в своей тарелке. В чужой тарелке, которая вот-вот разобьется, и останутся мелкие осколки от нахлынувшего счастья.

«Поворот судьбы, — грустно обдумывал свое положение молодой человек. — Утром — скромный продавец, вечером — известный токарь. Превращеньице... Токарь от прилавка. Молодой, настойчивый и любознательный... А девушка-то хороша! Жаль потерять такую... Лучше пока промолчать. Сказать правду всегда сумею. Смотря по обстановке...»

Дома он немедля конфисковал у младшего братишки учебник по машиноведению для 8 класса, засел за теорию резания и успокоился.

В субботу Гришуня и Симочка встретились, как старые знакомые. Луна посылала из бездны космоса отраженный солнечный свет, серебряная россыпь звезд украшала вечернее небо, тихо шелестели липы, билетерша на танцплощадке истошным голосом звала на помощь дружинников.

— Руки не подаю, — поспешил предупредить девушку Гришуня. — Прямо из цеха. Дошибали одну детальку. Пришлось повозиться. А мне больше всех. Снимал, знаете, фаску шириной в один миллиметр под углом в сорок пять градусов. И, как назло, хомутик соскакивал с пиноли задней бабки. Я его туда, а он опять сюда. Ка-

нитель... А потом фартук на суппорт никак не надевался. Еле-еле управился с ним с помощью револьверной головки. Руки вот и сейчас еще в механической эмульсии. Извините.

Симочка попыталась было что-то сказать Гришуне, но тот решил прочно удерживать инициативу в разговоре.

— Зато вчера все шло, как по солидолу. Шпиндель вращается по формуле: Д большое минус д маленькое, деленное на два. Вдоль шпоночной канавки скользит шпонка зубчатого колеса. Механизм гитары настроен. Красота! Стремлюсь перевыполнить сменную норму выработки. Вижу — корреспондент приближается, с фотоаппаратом. Что делать? Беру, значит, посредством рычага рукоятку, жестко скрепленную с вилкой, и поочередно сцепляю зубчатое колесо с зубчатым конусом. Шум, треск! Корреспондент на расстоянии держится. А мне что... Работать надо. Жму на поперечную механическую подачу в фартуке и повышаю до рекордных пределов скорость резания. Мастер подходит...

Все-таки на какой-то миг Симочке удается остановить поток Гришиного красноречия. Робко взяв молодого человека под руку, она мягко проговорила:

— Помолчите немного, Гриша. Смотрите, какой чудный вечер! А музыка? Вы любите музы...

— У нас в цехе погоду делает план, — перебил девушку Гришуня. — Даем план — хорошая погода. Нет плана — черные тучи. Тогда начинается шторм... виноват... шторм. Аврал то есть. Я сразу перехожу на многостаночное обслуживание. Рядом с моим станком устанавливают дополнительно токарно-револьверный и карусельный. Горизонтальное положение планшайбы, вместе с которой вращается заготовка, позволяет мне обрабатывать изделия огромного размера, до двенадцати метров в диаметре. Шутите! До двенадцати! Что еще обеспечивает мне успех в работе? Инструмент...

Симочка тяжело вздыхает и останавливается. Сбившись было с разговора, Гришуня быстро поправляется:

— О чем я начал говорить? Об инструменте, кажется. Так вот, про инструмент. Его я всегда содержу в образцовом состоянии. Тщательно ухаживаю за основными узлами токарного станка. Кстати сказать, неподвижным звеном станка является станина, для устойчивости закрепленная на фундаменте. Симочка, вы все виды стружки знаете? Их три: сливная, скалывания и надлома. Если хотите...

Девушка осматривается вокруг с таким видом, будто намечает место, куда удобнее бежать, но... передумывает и насмешливо говорит:

— Скажите лучше, товарищ Кругликов, как работает ваш магазин? Только без этой... как ее... пи... пи...

— Пиноли задней бабки, — упавшим голосом подсказал Гришуня.

— Вот именно, без планшайбы и пиноли задней бабки.

— Вы меня знаете, Симочка? Откуда?

— Здравствуйте! Не стройте удивленные глаза! Мы же с вами в одном торге работаем. А запомнила я вас еще весной. Когда вы на нашем собрании ударников коммунистического труда выступали. Хорошо тогда говорили. Зажигательно. Опытom делились. Девочки в восторг пришли. И я тоже... Без помощи этой... пи... пи...

— Пиноли задней бабки, — машинально сказал Гришуня.

— А теперь, извините, спешу. Прощайте! Руки не подаю. Прямо из магазина. Дошибали последние пары обуви в счет месячного плана. Руки и сейчас еще в кустарной ваксе. Извините!

Но Гришуня не зря был молодым, настойчивым и любознательным. В этот летний вечер Симочка убедилась, что он еще и самокритичный молодой товарищ, который умеет признавать и исправлять свои ошибки.

Юрий Борисович решил, что его отношения с Ольгой Павловной позволяют ему переходить на откровенность.

— Ты удивительная женщина, Оленька! — сказал как-то Юрий Борисович. — Открытая, честная. С тобой очень легко и все ясно. Исчезают всякие сомнения. Тебе веришь. Веришь, как самому себе. Иногда даже хочется просить тебя: стань моей совестью!

— Это скучно, — пошутила Ольга Павловна.

— Нет, я серьезно, — продолжал Юрий Борисович. — Ты и только ты моя совесть. И не говори мне больше ничего! Помолчим. Устал я от разговоров. Отбою от них нет! Додуматься надо — считают тебя хитрой!.. Да, да!

Так кругом и пели: «Хитрая, очень хитрая женщина. Остерегайтесь, Юрий Борисович! Подумайте, Юрий Борисович! Опомнитесь, пока не поздно, Юрий Борисович!»

— В самом деле, опомнитесь, пока не поздно, Юрий Борисович, — проговорила Ольга Павловна с улыбкой, в которой промелькнуло что-то насмешливое.

— Что ты, что ты, моя хорошая, добрая Оленька! Чепуха, не стоит вспоминать. Все в прошлом. Быльцо поросло и мохом закидано. А жизнь идет, Оленька! Я люблю тебя, жизнь... За что? За то, что в ней Оленька! Я и Паве Васильевне ни черта не поверил. Да! Отмел все, как бабью болтовню. Насчет твоей скупости.

— Что?!

— О твоей, Оленька, скупости все уши прожужжала. Недельку целую одним и тем же фактом оперировала. Вроде ты чулки в мастерскую носишь и из трех старых пар одну повую делаешь...

— Какая мерзость, — тихо проговорила Ольга Павловна.

— Правильно, Оленька, мерзость. И я ей так и сказал. Поверьте, говорю, Пава Васильевна. Я лучше вас знаю, новые чулки у Ольги Павловны или из ремонта. И не только чулки, но и остальное, что подороже ваших чулок.

— Оставьте меня, пожалуйста, Юрий Борисович, одну, — покраснев, попросила Ольга Павловна.

— Зря вы, Оленька, так. Почему вы не поверите, что я никому не верю? Ладно... У меня свидетели есть. Спросите у Семена Семеновича. Он лично слушал, как этот кретин Тупицын наговаривал мне на вас. В том смысле, почему вас мужчины мало любят. Я ж не поверил, хотя этот кретин Тупицын целый час вас самым безобразным образом расписывал. Я в тот же день пришел к вам. И не с пустыми руками. Помните, с астрами. С букетом целым. По рублю за банку. Из четырех банок самолично

повыдергал цветы. А для кого? Для вас, Оленька!
— Убирайтесь вон! — не выдержав, закричала Ольга Павловна.

— Вот... капризничает... Женские капризы строит, — обиженно произнес Юрий Борисович. — Правильно мне про вас люди говорили, что вы вдобавок и капризная женщина. Сам теперь убедился. Людей, Ольга Павловна, не обманешь. Люди, они все видят... Всего хорошего, Ольга Павловна!

СЛАВА УМЕЛЫХ РУК

— Ужасный вид у этой табуретки! — сказала мама и недовольно посмотрела на папу.

— А в чем дело? — невозмутимо спросил папа.

— Будто не видишь! Сервант, торшер, горка—и рядом это аляповатое чудовище на толстых ножках. Восемнадцатый век! Ничего не скажешь, дожили!

— Выкинь табуретку! — спокойно посоветовал папа.

У нашего папы всегда в запасе ответ на разные мамины вопросы и предложения. А маме это не нравится. Мама хочет, чтобы папа переживал вместе с ней. А папа не хочет переживать, папу даже «шайба» не волнует.

Мама рассердилась.

— А кактус? Куда цветок ставить? К тебе на стол? Неужели нельзя осовременить табуретку? Обыкновенную табуретку! Не буфет, а табуретку?

— Каким образом? — любопытно спросил папа.

— Хорошо! Я женщина, но я тебе объясню! Слушай внимательно. Ножкам надо придать современный вид: сделать их тоньше и враскос. Сиденье должно иметь

овальную форму. Нанести слой лака — черного и кричного. Понял? Табуретка будет походить на журнальный столик в миниатюре и хорошо впишется в интерьер комнаты.

Когда мама что-нибудь объясняет, то папа внимательно слушает. А потом принимается за дело.

Я принес папе молоток и стамеску, и он быстро отдрал от табуретки сиденье. С ножками ему пришлось повозиться. Но вскоре и они лежали рядышком на полу. Мне очень понравилось разбирать табуретки, и я решил тоже попробовать это. Когда никто не будет мешать.

Пока мама готовила чай, папа уложил части от табуретки в портфель. Мама спросила, зачем он берет на работу мебель? Папа объяснил, что по пути он зайдет к знакомому мастеру, и тот за десятку осовременит табуретку.

Через три дня мастер принес нам домой табуретку, переделанную по моде. Папа отдал знакомому мастеру десятку, а мама позвонила тете Кате и похвасталась новой «милой вещичкой». Из разговора я понял, что тетя Катя обязательно зайдет посмотреть. И придет не одна, а с мужем.

Мужа тети Кати я не любил. Детей у них не было, и тетя Катин муж все допытывался у меня, сколько километров выдержат новые кеды, если ходить шагом, и выгодно ли я меняю марки.

Вечером они пришли — тетя Катя и ее муж. Мама достала яблоки, а папа сбегал за бутылкой сухого вина. Гостям табуретка понравилась. Тетя Катя спросила, а кто же это ее так мило преобразил? Мама показала на папу.

— Неужели сами? — удивилась тетя Катя.

Папа с неопределенной улыбочкой пожал плечами. Тетя Катя поняла это так, что он еще способен и не на

какое. Поэтому на другой день она принесла папе зеленый шелковый абажур и попросила сделать из него торшер, а если материал останется, то и светильник на сервант.

Какой разговор был у папы с мамой, я не знаю. Меня быстро отправили спать.

В субботу мы с папой собирались купаться. Но это спортивное мероприятие сорвалось. Пришли знакомые тети Кати. Мама достала яблоки, а папа сбегал за бутылкой сухого вина. Наши новые знакомые хвалили маму за угощение, а папу — за умелые руки. Можно было подумать, что у папы только и дел — ремонтировать мебель и делать торшеры из старых абажуров. Но абажура наши новые знакомые нам не принесли. Они оставили сломанный венский стул и попросили папу «сварганить» из этой рухляди столик для приемника. Еще они сказали, что на дом им столик можно не приносить. У них своя «Волга», и им ничего не стоит заехать за столиком.

Мама удержала папу от рывка в сторону гостей, а я пошел спать. Семейные ссоры отрицательно влияют на психику детей. Об этом говорили по радио, для родителей.

Но спать мне долго не пришлось. Меня разбудил шум в коридоре. Я надел тапочки на босу ногу и выскочил туда. В коридоре были папа, мама и какой-то мужчина. Мама держала за руку папу, папа держал за воротник мужчину, а мужчина держал в руках небольшой шкафчик. В таком шкафчике у нас в школе пожарный шланг прячут.

Папа кричал на мужчину, а тот говорил, что он не виноват, что его прислала тетя Катя. И просьба-то у него пустячная: переоборудовать шкафчик под тумбочку для телевизора. Он купил недавно телевизор, а ставить его не на что. Вот и пришел... Не сам, а по

записке! И за работу, говорит, заплатит без скрипа. Сколько хозяин запросит, столько и выложит. И никому ни звука. Зачем же шуметь?

Папа снова потянулся к гостю. Мне такая папина решительность очень понравилась. Я тоже что-то крикнул и свистнул, как Ленька учил. (Ленька на год старше меня, и свист у него самый сильный во дворе).

За свист мне потом влетело. От мамы. А папа ничего не сказал. Я так думаю, что он на мою помощь рассчитывает, если еще кто-нибудь к нам заявится. Но к нам больше никто со старой мебелью не заявлялся.

Заходил, правда, еще один мужчина. От какого-то Рэйфо. Не слышал я такой фамилии. Он спрашивал у папы патент и велел объяснить, почему папа работает без патента. А зачем папе патент, когда у него диплом об окончании института! Что папа объяснил этому чудачку, я не знаю. Тут как раз Ленька два раза свистнул, и я убежал играть.

МУХА В ГРАФИНЕ

(Со слов очевидца)

Муха! Что такое вообще муха? Смешно спрашивать. Муха — вредное насекомое, вот что такое муха. Это и вообще, и конкретно.

А почему муха попала в графин? В какой графин? В тот, что стоит на тумбочке в кабинете Николая Николаевича. На тумбочке в кабинете Николая Николаевича стоят два графина, и оба наполнены. Правильно, и в одном из них муха плавает, а в другом мухи нет. Ну, что ж из этого? Простая случайность или ирония судьбы? И причем здесь Николай Николаевич? Разве он в ответе за муху? Не хватало ему еще за мух нести ответственность! У него на плечах производство... А с расспросами приста-

вать сейчас к Николаю Николаевичу просто неудобно. Он занят. У него совещание, и он выступает.

О чем же говорит Николай Николаевич? О разном, а больше о производственном. Выполнили? Выполнили. Хорошо? Нет, плохо. Могли бы и больше. А что препятствовало? Дисциплина подвела. Хромает дисциплинка трудовая. На обе ноги хромает. То на левую (прогулы), то на правую (опоздания). Это — бич производства, первое препятствие на пути к заветной цели.

Содержательно и доступно говорит Николай Николаевич. О цели говорит. Нацеливает собравшихся...

Но что это такое? Почему Николай Николаевич споткнулся? Споткнулся на гладком и ровном слове. На слове «вопрос». И глазом тревожно косит. В сторону тумбочки с графинами. Пустяки, не пужно волноваться, Николай Николаевич. Это же экспедитор Ваня Шлык орудует у тумбочки. Сейчас он утолит жажду глотком воды и снова будет внимательно слушать. Минутку... минутку... Что он делает, этот Ваня Шлык? Взялся за графин с мухой и цедит из него. Ах, вот почему тревожится Николай Николаевич! Понятно. Переживает за своего подчиненного. Как бы тот ненароком под жажду муху не глотнул. И внутренности себе не засорил. Возись с ним потом. Но Ваня Шлык, видать, не дурак. Не так он прост, чтобы с мухой глотать. Смотрите, муха как плавала, так и плавает себе спокойненько в графине, а довольный Ваня Шлык рот чистым платочком утирает и улыбается.

Николай Николаевич кидает сердитые взоры на Ваню Шлыка и продолжает выкладывать накопившиеся у него в голове мысли:

— ...перехожу к следующей проблематике нашего производства. Так сказать, к его специфичности, вытекающей из употребления спирта. Это — второй бич нашего производства, второе препятствие на нашем трудном пу-

ти к заветной цели. А почему? Спирт у нас лимитируется. Чем? Нам его для наружного... А мы? А мы пускаем его по прямому назначению—тьфу ты, зарпортовался — гоним его на внутреннее употребление... Товарищ Шлык!

Нет, положительно, этот Ваня Шлык доймет всех своей безмерной жаждой. Видите, опять хлопочет возле тумбочки с графинами. И опять за графин с мухой берется. Совсем парень ошалел от жары.

— Слушаю вас, Николай Николаич.

— Сядьте на место, товарищ Шлык! Продуктивно работать мешаете. Разве не ясно?

— В горле, извиняюсь, пересохло, Николай Николаич, — охотно объясняет Ваня Шлык, а сам цедит из графина в стакан. Осторожно цедит, муху боится потревожить, как бы она, окаянная, в стакан не булькнулась.

— Товарищ Шлык, поставьте графин! — повышает голос Николай Николаевич.

— Сейчас налью и поставлю, Николай Николаич. Не беспокойтесь, на пол капельки не упадет.

И в самой деле, чего беспокоиться Николаю Николаевичу? Наполнил Ваня стакан, графин аккуратно на место поставил и на пол ни капельки не пролил. Чисто сработано. А Николай Николаевич? Кричит:

— Шлык! Там же муха! Понимаешь, му-ха! Насекомое... вредное... А ты... ты! Пить... На грех наводишь, товарищ Шлык.

— Муха не крокодил, Николай Николаич, — как ни в чем не бывало поясняет Ваня Шлык и хитровато щурит глаза. — Она не кусает. Муха ведь... Нам и с мухой сойдет. Ваше здоровье, Николай Николаич!

Осушил Ваня Шлык стакан и, ухмыляясь, сел. А с Николаем Николаевичем чуть не дурно. Что это, простая случайность или ирония судьбы? Как сказать... Во всяком случае, Ваня Шлык знал, на что идет. Он не стал пить из того графина, в котором была чистая и свежая

вода. Он наливал себе из того графина, где был спирт. А муха? Что такое вообще муха? Муху Николай Николаевич сам в спиртной графин пустил плавать. Чтобы подчиненные обходили стороной этот графин с казенным спиртом. Тем самым, который строго лимитируется...

ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

Мы сидели в уютном холле санатория и вели почти что непринужденную беседу, которая завершилась разговором о детях.

Наш напоенный морем и солнцем мозг отказывался от аналитических рассуждений о несуществующей проблеме отцов и детей, равно как и от оценки эстетического воспитания школьников. Мы не касались и волнующих успехов легкой промышленности в освоении производства детских штанишек и других видов новой продукции для детей.

Ираида Петровна совершенно неожиданно — она вообще все делала неожиданно — сказала:

— Представьте, друзья, мне чего-то не хватает среди этого прекрасного ландшафта...

Мы все, как по команде с земли в космос, с изумлением посмотрели на Ираиду Петровну. А Владимир Павлович из соседнего третьего корпуса даже присвистнул от удивления. И уронил на пол шляпу. Не свою шляпу, а Ираиды Петровны.

— Лично мне, — развивала свою мысль Ираида Петровна, — не хватает цветов.

Опережая протестующие возгласы, которыми мы вот-вот готовы были разразиться, эта женщина с изумительным кладнокровием продолжала:

— Минуточку терпения, друзья мои, и вы все узнае-

ге. Разве я про эти цветы? Про это цветущее благоухающее море актинидий и глициний, роз, олеандров и зеленого горошка среди пышных гладиолусов? Я про милые всем нам цветы — про детей. Дети— цветы жизни! Не правда ли, как хорошо и красиво сказано! Неважно, кем. Не мной, конечно. Кем-то из наших или импортных классиков. Чужие выражения я не присваиваю. Я не претендую на оригинальность. Дочь, моя любимая дочь! Единственное в мире существо, способное оживить этот прекрасный, но такой холодный и грустный для меня ландшафт — В голосе Ираиды Петровны слышалось волнение, придававшее ее словам искренность.

Черт возьми, и нам стало не по себе от вылившейся наружу материнской госки Ираиды Петровны. Как-то мерзко на душе стало. Мы вспомнили о семьях и детях, оставшихся в других экономических районах и производственных управлениях. Мы чувствовали себя виноватыми перед дедами за то, что они не могут бок о бок с нами принимать морские купания, проходить курс бальнеологического лечения и пить кефир на ночь. Мы ругали курортное управление за слабо развитую сеть пансионатов. Мы... если не все, то восемьдесят процентов из нас поклялись на будущий год приехать на море с семьями. Даже если придется цивилизованному человеку превратиться в «дикаря».

Мы не эгоисты, но на время забыли об Ираиде Петровне, поглощенные терзаниями собственной совести. И бедная женщина молчала, одинолично переживая разлуку с любимой дочерью.

Владимир Павлович попросил Ираиду Петровну рассказать о дочери

Ираида Петровна оживилась, бросила сумочку на колени находчивому Владимиру Павловичу и заговорила:

— Дочь и море — вот что мне осталось в жизни. Муж... не будем об этом... Слишком гяжело и долго рассказывать. А дочь, дочь такая милая, хрупкая девочка. Она только в этом году поступила учиться в институт. Сколько я с ней пережила! Сколько сил, нервов и энергии потратила на ее воспитание! Ясли? Вы знаете, что такое устроить ребенка в ясли в большом городе? Вы, мужчины, не знаете. Пробила. Потом детский сад. Помогла общественность, устроила. Ребенок пошел в школу — положительная реакция Пирке. Надо срочно менять климат. Вспомнила: у меня двоюродный брат в Ялте. Обеспеченная бездетная семья. Уговорила его взять к морю Наточку. Там она, у брата, и десятилетку окончила. Высшее образование ребенку надо давать? Вопрос — где? В нашем городе много вузов, но климат, друзья мои, не для Наты. Снова у матери бесконечные дни хлопот и волнений. И какие дни—полжизни унес-ли! Как сдаст, примут ли? Не выдержала, бросила все и поехала к тетке, в один поволжский городок. Что? Разумеется, не тетушка держала экзамен, а Ната. Я и поехала к дочери. Мы с теткой договорились, что Ната будет учиться в их городе и жить у них. Нельзя же девочке в общежитии. Она и постирать-то толком не умеет. А у родственницы семья большая, дружная — помогут Наточке. Но пять лет разлуки... Какое материнское сердце выдержит? С ума сойти можно... Определила я девочку в институт и посчитала себя правой отдохнуть теперь. Восстановить пошатнувшееся здоровье. А разве я нелогично поступаю? Если со мной что случится, кто позаботится о моей Нате? Кто ее приютит, накормит, оденет? Нет, я должна жить ради дочери! Не так ли, друзья мои?

Мы смолчали. Конечно, из-за соображений тактичности. Все-таки женщина, а мы воспитанные люди.

ЛЮБОВЬ — ЭТО ХОРОШО

*Если бы это было
только шуткой..
Из разговора.*

Вчера мне стало известно, что я влюбился. Случайно узнал от Марии Степановны, обаятельнейшей женщины, души нашего коллектива. Она под большим секретом сообщила мне эту потрясающую новость и просила никому ничего не рассказывать

— Не может быть! — только и нашелся выговорить я.

— Уверяю вас, это так. Влюбились, Николай Андреевич, и не спорьте. Сведения абсолютно точные и достоверные. Из первых рук поступили.

Я постепенно пришел в себя и тактично, осторожно, чтобы не обидеть Марию Степановну, высказал ей свои сомнения. Любовь — это, конечно, хорошо. Но я рань-

ше ни в чем подобном замешан не был. Для меня все это как-то неожиданно. Чтобы влюбиться. Тем более — на дворе зима, природа спит, чувства дремлют и времени в обрез. Странно как-то для меня все это.

— Вы мне не верите? — с угрозой в голосе спросила Мария Степановна. — Выходит, я обманываю?

— Мария Степановна, что вы! Конечно, верю! — поспешил я успокоить взволнованную женщину. — Другому, может быть, и не поверил бы, а вам верю. Но вы понимаете... Случай особый... Возможно, вы обознались? Может, меня с Комоловым из АХО спутали? Мы с ним и лицом схожи, и шапки у нас одинаковые. Или вас ложно проинформировали? Тут бы без подвоха, Мария Степановна.

Мария Степановна рассердилась.

— Мы не на базаре, Николай Андреич. Да! Нам, женщинам, видней. А я кто? Неужели вы меня за женщину не считаете? Некрасиво с вашей стороны так обо мне думать. Влюбилась и помалкивайте в тряпочку. И ни гу-гу!

Что мне оставалось делать? Марии Степановне видней. Милая, обаятельнейшая женщина... душа нашего коллектива. Я только решил уточнить одну деталь. Я спросил у Марии Степановны:

— Вы не подскажете мне, когда я влюбился?

— Позавчера, — шепотом сказала Мария Степановна и тревожно оглядела пустой и длинный коридор, где мы с ней разговаривали. — Позавчера, Николай Андреич, что-то между двенадцатью и часом. Точно не помню. Помню, что вскоре Шурочка позвала меня в столовую. А вы уже и забыли? Ох, мужчины, мужчины! Стыдно вам, Николай Андреич!

Мне стало стыдно, и я пошел прочь, чуть не столкнувшись в конце коридора с Шурочкой. Она оглядела меня глазками-проталинками, посоветовала сменить галстук и

ушла, выбрыкивая ножками под модный танец чарльстон. Я посмотрел на Шурочкину фигуру и подумал, что галстук надо действительно переменить. А заодно и брюки укоротить и вообще подогнать себя под стандартный вид молодого человека 60-х годов.

Уже по дороге домой я вспомнил, что допустил серьезную оплошность. В душевном смятении я забыл выяснить у Марии Степановны, в кого же я влюбился. Кто, так сказать, объект моих вздыханий и переживаний. А Мария Степановна наверняка знает. И не стала бы скрытничать. На нее это не похоже. Вообще, забавная ситуация складывается. Влюбился — и не знаю в кого. Хорошо еще, люди сказали. Мария Степановна вот... Шурочка прозрачно намекнула. Что ж, замену и галстук и брюками займусь. Не из-за влюбленности, конечно, а по случаю такого пристального внимания к моей особе.

Когда я вскоре заявился на работу подстриженным, отглаженным, укороченным и с новым серым галстуком, то в отделе открылся день поэзии. Я и не догадывался, что мои коллеги — такой начитанный и эрудированный народ. Наперебой цитировали классиков и неклассиков. Выступал и наш местный поэт Володя Коржин. Его стихи меня особенно поразили глубоким раскрытием, под самый корень, сущности любви...

Любовь нас окружает,
Как утренний туман.
Любовь нас возвышает,
Хотя любовь — обман.

Шутники, право. Но против шуток я ничего не имею. Отчасти это даже лестно моему мужскому самолюбию, влюбиться — не маринованные грибы жевать и водкой запивать, ведь не всякий мужчина способен на эдакое.

Вечером у нас было профсоюзное собрание. Обо мне, казалось, не могло быть и речи. Во всяком случае,

в президиум выбрали троих, но не меня. Вдруг поднимается Мария Степановна; просит слова и говорит, со значением посматривая в мою сторону:

— Товарищи, я предлагаю отпустить с собрания Николая Андреича. У него, знаете, неотложные дела сугубо личного плана. И ему надо идти. Прошу удовлетворить его просьбу.

Я привык к собраниям и никого ни о чем не просил. Но меня спрашивать не стали и единогласно решили отпустить с собрания. И я покинул зал, провожаемый сочувственными и понимающими взглядами членов профсоюза.

На следующий день, когда я поинтересовался у Марии Степановны причиной выдворения меня с собрания, она искренне удивилась моей несообразительности и разъяснила: «Вам же на свидание надо. Или нынешние влюбленные не посещают свиданий?»

Как обязательный человек, я поблагодарил Марию Степановну за заботу о моих чувствах и больше глупых вопросов не задавал.

Внимательность Марии Степановны распространилась на всю сферу моей внеслужебной деятельности. Как влюбленного (не говоря об этом во всеуслышание), меня освободили от обязанностей: уполномоченного по подписке на журнал «Авторучка», сборщика средств на культпоходы в цирк, председателя секции пешеходов-любителей и члена бюро низовой организации общества по борьбе с нарушениями правил бального танца. Идя на поводу у общественности, начальник отдела запретил оставлять меня на сверхурочную работу и посылать в длительные командировки по урегулированию конфликтов с заказчиками.

Естественно, у меня появилась уйма свободного времени. Я даже ошалел от свалившегося на меня обилия свободных вечерних часов. Но потом решил использо-

вать их с толком — поступил на подготовительные курсы при медицинском институте.

Если мне удастся продержаться влюбленным хотя бы годика три, то диплом врача мне обеспечен. Иногда и любовь помогает учебе.

Вот почему я говорю, что любовь — это хорошо.

Вот почему я не горююсь спросить у Марии Степановны, в кого же, черт возьми, я влюблен!

Но, кажется, события опередили меня, и дело приняло другой оборот. Серьезный. Во всяком случае, девушка из газеты не намерена была шутить, знакомясь с моим моральным обликом. (Она получила такое задание редакции — познакомиться с моим моральным обликом.)

Спрашивает:

— Вот так вы и живете?

— Вот так и живу, — отвечаю. — А что же мне еще делать?

— Один живете?

— Один.

— А где жена, которую вы бросили?

Широко раскрываю глаза и молчу от растерянности, потому что не успел еще, как говорят, составить свое личное семейное счастье.

Снова вопрос:

— А где дети, которых вы выгнали из дома вместе с женой? Мальчик и девочка? Ваши дети? Их нет с вами, как и старушки-матери, оставленной вами без крова?

...Когда я посредством воды, искусственного дыхания и выкуренной папиросы очнулся и был в состоянии членораздельно говорить, то мы мило побеседовали с корреспонденткой. Она оказалась приятной и отзывчивой девушкой. Она горячо одобрила мое желание получить высшее медицинское образование без отрыва от

производства. Она даже разрешила мне сопровождать ее на вечер танцев, куда она шла по служебному заданию.

И про письмо мы с ней больше не говорили. Про письмо, поступившее в редакцию. Про анонимное письмо, написанное рукой Марии Степановны. Но я его хорошо помню. Я на всю жизнь запомнил это письмо, в котором меня объявили «мерзким типом», вступившим в преступную связь с женщиной, бросившим жену и двоих детей, не считая старенькой мамы, и присвоившим деньги, собранные на культпоход в цирк. И все это на глазах коллектива, потакавшего моим изменным страстям путем освобождения меня от общественной работы и посещения собраний.

Завтра я останусь на собрании и расскажу про это письмо и про милую, обаятельную женщину — Марию Степановну. А потом мы с Люсей из редакции пойдем на танцы, на этот раз — без всякого служебного задания.

ЧЕМ НЕ ЖИЗНЬ

Торопцев шел с работы и встретил своего приятеля Петра Михайловича Батышева, у которого тоже закончился трудовой день.

Приятели окинули друг друга короткими пристрелочными взглядами и остались довольны беглым осмотром. Оба солидные, устроенные, долговечные. Каждому из них можно дать скорее за сорок пять, чем за пятьдесят. И одеты добротнo. Торопцев — в сером тонком пальто и зеленой велюровой шляпе. На Батышеве — синего драпа зимнее пальто и шапка из натурального меха. Обменялись приветствиями. Закурили. Заговорили.

— Форсишь, Василий Терентьич? — с тонкой иронией заметил Батышев. — В габардине разгуливаешь? Поди, молодость назал тянет? Седина в голову, а бес в ребро? Так, что ли?

— Видимость одна, Петр Михайлович. И то больше для руксводства стараешься. Знаешь, как теперь? Чуть что — и с ярмарки. Молодым дорога... А я уж вот таблетки глюкозные... Нет-нет да и кинешь под язык вместо валидола. Для профилактики! Не балуешься? Хвалю. Значит, пальто тебя смутило? По пальто, дружище, не суди. Пальто летнее я по безвыходности положения надел. Жена заставила.

— Пожалуй, тебя заставишь! — усомнился Батышев.

— Ей-богу вынудила. Собираюсь утром, как всегда. На улице весна гуляет. Прощу демисезонное. Подала. Смотрю: его надеть нельзя! Вот и щеголяю в летнем. В зимнем-то неудобно. Скажут чего доброго: «Вон как Василий Терентьич о своем здоровье печется. Простыть весной боится. Так бы он, заботливый, о работе пекся...» И дел-то всех было — две пуговицы пришить. Не пришила своевременно. Некогда ей, видите ли. А ты чего в шапке паришься?

Батышев рассеянно посмотрел на приятеля и вздохнул.

— Да-а, ранняя нынче весна... Сейчас самый раз масленице гулять а тут без галош не выйдешь. Ранняя сегодня весна... Давно такой не видали. Теперь вот дождались. Старики еще осенью предсказывали, как на покров день снег своевременно не лег. Трансформация климата происходит. Да-а, такие наши дела... И моя супружница своевременно к весне не подготовилась. Беру утром шляпу, а на ней пыль. Прочистить бы — и вся недолга. Не догадалась вовремя. Говорит, не успеваю. Ну, я шапку в охапку и — из дому.

— Если бы в шляпе дело, — посочувствовал ему Торопцев. — Платок... простой носовой платок приходится самому искать. Неужели им так трудно — достать платок и положить на видное место? Около папирос, например. Бери, муж, и уходи с чистым. Не приучишь... Некогда все...

Прятели помяли папиросы, сделали по глубокой затяжке и, задумавшись, смотрели, как легкий табачный дымок быстро исчезал в прозрачном весеннем воздухе.

— В жизни много вопросов приходилось решать, — с философским глубокомыслием заговорил Батышев. — Но одного я не пойму — как им при нынешней домашней технике времени не хватает? Простую пуговицу пришить и шляпу почистить некогда. По моему дому, если хочешь знать, уровень механизации минимум восьмидесяти процентов достиг, не считая телефона! Прикинь-ка, насколько производительность труда у них поднялась? Двухзначная цифра! А на несчастную пуговицу времени нет. Или я больше продуктов стал потреблять, чем до покупки стиральной машины? Или рубашек у меня прибавилось после установки холодильника?

— Вот-вот, — оживился Торопцев. — Ты, Петр Михайлович, в самую точку попал. Хватает техники. И дом, а механическая мастерская. Провода, розетки, трансформаторы, генераторы. Гудит, урчит, включается, выключается. Раскрепощение!

Батышев усмехнулся.

— Не зря я лошадиные силы подсчитывал. Прикинул все моторы, которые работают на мою дражайшую половину, и получается... Интересно получается! Не поверишь? Больше, чем на бойца РККА в тридцатом году моторов приходилось. На бойца! Ему воевать, а ей? Чем не жизнь?

— Избаловали мы их, — убежденно сказал Торопцев. — Бывало, примус да самовар — и все механизмы. Пол тряпкой, пыль тряпкой. А в доме порядок! И на тебе все в порядке. На шляпе — ни пылинки.

— Шляп мы с тобой тогда не имели, — поправил приятеля Батышев. — Фуражками обходились.

— Правильно, шляп тогда не хватало, — согласился Торопцев. — Больше артисты носили и которые из ИТР. Я почему сказал, что мы их избаловали? Вот тебе характерный пример. Моя, прежде чем большую стирку затеять, обязательно на метеослужбу позвонит. Узнать прогноз насчет дождя. Ни за что стирать не начнет, если осадки ожидаются. Я, говорит, не дура, с пятого этажа белье взад-вперед чалить.

— Телефончики, — усмехнулся Батышев. — Избаловали, ясно! Целиком и полностью ты прав, Василий Терентьич. Техникой избаловали. Ручной труд совсем забывают. Будь у твоей машинка для пришивания пуговиц, думаешь, не пристрочила бы? Как бы еще сделала! Успевай пуговицы отрывать. Что пуговицы? Пуговицы — мелочь. На подходе дистанционное управление и автоматика в быту. Задаст кэстрюле программу — щи на тринадцать ноль-ноль, котлеты — на тринадцать десять, а сама гулять... Чем не жизнь? Позавидуешь! А вот за нас с тобой, Василий Терентьич, машина вопросы решать не будет. И отвечать перед начальством не будет, в случае чего... Не поможет машина, если чего... Ты вообще куда двигаешь?

— В магазин тут неподалеку надо зайти. Узнать, как моя очередь на УПДПМ-4.

— А что это такое? Я что-то не слышал, — поинтересовался Петр Михайлович.

— Универсальное приспособление для перестановки мебели. Жена отказывается возиться с мебелью. Не под силу ей и прочее... Вот и приходится к механизмам при-

бегать. Пусть машина двигает. Как-никак, в ней две лошадиные силы. Справится. Ну, будь здоров! Что, и ты со мной? Правильно, хватит им на нашем горбу выезжать! Пошли, а то магазин скоро закроют.

И они пошли, продолжая рассуждать о чем-то, волновавшем их мужские души.

ВСЕ ВИДЫ СПОРТА

В воскресенье утром Батин предупредил жену:

— Иду на лыжах! Скаткиным «Неделю» смотри не отдай! Вернусь — самому пригодится. Вот так... Пойду! Лыжи — это тоже спорт. Забота у нас така-а-я...

Жена накинула платок и взяла со стола «Неделю».

— Я давно от тебя этого ожидала!

— Ты на кого бочку катишь? С Виктором Алексеви-чем иду. Поняла? Он впереди, я за ним. Вот так и дви-немся по совместной лыжне. Он на лыжах, я за ним.

В среду под вечер Батин сказал жене:

— В бадминтон пойду играть. Позвонит Милова-нов — скажи: отменяется. Не до него мне теперь. Вот так... Бадминтоном займемся. Культурная игра, и разви-тие дает. Про Милованова не забудь... Друг всегда усту-пить гото-о-в...

Жена сняла с вешалки пальто.

— Хорошо. Я буду в кино. Интересная картина, и раз-витие дает. Ключ возьмешь у Миловановых.

— Почему мне киноискусством грозишь? Зачем этот дружеский шарж? В одной паре с Виктором Алексеви-чем играю. Он с ракеткой, я на страховке.

В субботу Батин позвонил жене:

— Обедать не приду: Рыбку ловить будем. Вот так... Не жди. Уезжаю на подледный лов... С Виктором Алек-

сеевичем уезжаю. Один я из целого коллектива с ним. Шутка! Сейчас все подо льдом рыбу промышляют, Прямо свежемороженую. К вечеру вернусь!

Вернулся.

Утром сказал жене:

— Собираюсь на каток. С Виктором Алексеевичем собираюсь. Конькобежным спортом что-то увлечься решил. На равной дистанции с Виктором Алексеевичем. Он на льду, я в теплушке. Вот так...

Жены дома не оказалось.

Вот так!

ВНИМАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

В руках у Нины маленькая ромбовидная сумочка из замши. В сумочке — маленькая стеклянная колбочка. В колбочке — спасительные таблетки с космическим названием «Аэрон». Спасительными их назвала Нинина тетушка, считавшая себя старым воздушным волком.

Напутствуя племянницу в первое путешествие по воздуху, она внушала Нине:

— Предпочту оказаться в самолете без билета, чем без «Аэрона». Поверь мне, девочка, что это так. Если бы не «Аэрон», то я... Просто не знаю, смогла бы я выдержать трансчерноморский перелет из Адлера в Сочи. Учти, на вертолете. Вряд ли... А с «Аэроном» — ничего. Обойдется как нельзя лучше. Только принять таблетку надо обязательно за полчаса до вылета. Учти!

Нина проглотила таблетку и пошла к самолету. Пассажиры спокойно рассаживались. Чьи-то мальчик и девочка спорили из-за места у окна. Помахивая планшетами, прошли к себе невозмутимые летчики.

Удобно устроившись в мягком кресле, Нина успоко-

илась и с любопытством стала осматриваться. В самолете ей все нравилось: и яркая ковровая дорожка, и цветные занавески на маленьких, словно у игрушечного домика, окошечках. «Как здесь славно, чисто и уютно», — подумала девушка. И в предвкушении не испытанных еще ощущений полета она улыбнулась и непринужденно откинулась на спинку кресла.

Потом, уже в воздухе, убаюканная мерным гуденьем моторов, Нина, окончательно позабыв про свои недавние страхи и тетушкины таблетки, сладко размечталась. Она мечтала на высоте полутора тысяч метров над уровнем моря, а «ИЛ-12» мчал и мчал ее к берегам этого самого моря. К солнцу, пальмам и мацесте.

Соседом Нины оказался лысоватый молодой человек. В очках. Застенчивый. Он силился заговорить с девушкой и никак не мог решиться — ни до взлета, ни после взлета. Молчанье очень мучило его. Хорошо бы развлечь хорошенькую спутницу легкой, остроумной беседой!.. Главное, завязать беседу, а там видно будет.

Как часто бывает в жизни и на сцене, помог случай.

Самолет резко болтнуло, и молодой человек поспешил успокоить девушку.

— Не бойтесь, ничего с нами не случится. У экипажа тоже парашютов нет. Лично зафиксировал. Не бросят нас в самолете, где-нигде посадят.

— С чего вы взяли, что я испугалась? — раздраженно проговорила Нина. — Просто не привыкла к таким провалам. Сердце немного замирает. И все!

Почувствовав себя виноватым, молодой человек стал оправдываться:

— Извините, но я не имел намерения упрекнуть вас в трусости. Да и оснований нет бояться. Летим мы на достаточной высоте. Даже с испорченными моторами машина спланирует. Место для вынужденной посадки всег-

да найдется. Посмотрите, сколько под нами участков с убранным хлебом! Где хочешь, там и садись. Раздолье. И люди рядом. Первую помощь окажут. Это не пустынная Сахара.

Но у Нины не возникло желания обозревать район предполагаемой катастрофы. Она смолчала. А молодой человек, довольный тем, что ему удалось, наконец, ухватить нить разговора, воодушевился:

— Да, не Сахара! Недавно я прочитал, что над этой африканской пустыней потерпел аварию пассажирский самолет. Самолет принадлежал компании «Эр-Франс». Экипаж и все пассажиры погибли. То ли сорок человек, то ли сорок пять... Сахара... А помните нашу шумевшую историю с гибелью индийского самолета... Как его там? «Принцесса»... «Принцесса»... Одним словом, люди стали жертвой подлой диверсии. Самолет летел над Индийским океаном и загорелся. Пожар в воздухе! Что может быть страшнее? Экипаж мужественно боролся с огнем. Стюардессы мило улыбались, почти до самой последней минуты успокаивали пассажиров. Мужественные девушки! Но предотвратить катастрофу не удалось. Самолет упал в океан. Почти никто не спасся...

Нине почудился запах гари. Она испуганно огляделась. Но это был только легкий папиросный дымок — в самолете курили.

— Пожар — не самое страшное, — продолжал успокаивать молодой человек. — Пламя можно сбить пикированием. Опытные летчики так и поступают — вводят машину в пике. Страшнее авария от вибрации. Самолет летит нормально, и вдруг его начинает трясти. Противная мелкая дрожь. Она охватывает всю машину, и она начинает разваливаться в воздухе. Не вся сразу, а по частям. Сначала отваливается правое крыло, потом левое, потом от фюзеляжа отделяется пол — нижняя часть фюзеляжа. Затем...

Девушка побледнела и со страхом посмотрела себе под ноги. Она поймала себя на мысли о том, что самолет может и не выдержать тяжести пассажиров и их чемоданов. И тогда... От этого предположения на лбу у Нины проступили капельки пота и бешено заколотилось сердце.

«Лишь бы не обморок, — со страхом подумала она, — Только бы выдержать до аэродрома! Если уж терять сознание, то на земле...»

Резко наступившая перемена в состоянии девушки не ускользнула от внимательного и заботливого молодого человека.

— Вам плохо? — участливо осведомился он. — Вы, наверное, летите впервые? Ничего. Есть на свете такие спасительные таблетки — «Аэрон». Я вам их в Ростове обязательно достану. Запьюте одну штуку — и почувствуете себя, как в раю. Разумеется, если рядом будет Адам — хе-хе.

Нинин сосед оказался на редкость обязательным человеком. Едва самолет подрулил к зданию аэровокзала, он мигом бросился к аптечному киоску, захватил там вместе с «Аэроном» флакон валерьянки, проглотил у буфетной стойки пару рюмок коньяку и, довольный собой, возвратился на место. Он очень удивился, когда увидел, что в кресле рядом с ним устраивался бодрый старичок в соломенной шляпе.

Нина, сославшись на плохое самочувствие, сдала в кассу билет и решила во избежание всяких случайностей остаток пути проехать поездом.

Вечер почему-то настраивает на широкий обмен мыслями. Хочется о чем-то поговорить, поспорить, может, и подумать. А то и помечтать. Так просто, на вольные темы. То есть без определенной тематики. То есть, что в голову взбредет.

В комнате у телевизора сидят и разговаривают двое.

— Что сегодня показывают?

— Старая программа... Телевизионная неделя, телевизионный спектакль, телевизионный роман, телевизионный очерк и телевизионный журнал «Здоровье».

— Это про здоровье?

— Нет, беседа врача.

- Какая?
- Быстрая и без потерь.
- Это про что?
- Про пожарников, наверно. Примчались на пожар и потушили. Быстро и без потерь.
- А кино будет?
- Киевской студии что-то.
- Опять какая-нибудь муть про любовь?
- Наверно.
- Не будем включать сегодня?
- Трубку зря жечь... Найдем себе другую работу.
- Электронная трубка что... Кинескопы сейчас быстро восстанавливают. Методом регенерации... Как новый будет...
- Все равно возни много,
- Почему?
- Изображение плохо сфокусируется.
- А магнит ионной ловушки? Значит, он неправильно установлен. Надо его повернуть — и все... Трубка что... Лампы жаль... Горят.
- Что лампа? Найти новую и вставить.
- Поищешь, пожалуй... Легче найти замыкание цепи постоянного напряжения на корпус.
- Омметром?
- Конечно! А потом...

Беседу, принявшую сугубо специальный характер, прервала молодая женщина. Она вошла в комнату и громко сказала собеседникам:

— Вовик, отстегивай чулки, снимай лифчик. Пора спать! Шурик, бери свой флот и быстро в ванну! Торопитесь, дети! Скоро телевизор включать.

МЕСТЬ ТЮБИКОВА

Хлопнув массивной дверью, Тюбиков вышел из издательства «Детский поросенок». Злость и раздражение не покидали его и на улице. Он шел, забывая, что толкать прохожих невежливо, что улицу надо переходить в установленном месте, что в автобус принято садиться в порядке очереди, а не наоборот, что... одним словом, этих «что» вполне набиралось на десяток замечаний постового милиционера.

«Подумать только, — чуть не вслух возмущался Тюбиков, — меня, дипломированного художника-графика, издательство почти два месяца не приглашало оформлять книги! Когда же я вежливо напомнил, что я, Тюбиков, никуда из города не выезжал и мог бы заняться иллюстрированием, то главный художник издательства... Нет, зачем такая резкость?.. «Надоели сухость, серость и однообразие ваших обложек... Покупатель их не замечает...» Причем я, если у покупателя нет художественного вкуса? Вкус надо воспитывать, развивать, пусть и займется этим бюро художественной пропаганды. А упрек в невыразительном решении темы? Разве я его заслужил? Что может яснее выразить замысел произведения, как не изображение коровы на обложке животноводческой брошюры или шестерни на производственной книжке?»

Дома негодование Тюбикова искренне разделила его жена, помогавшая художнику натягивать и грунтовать холст, смешивать краски.

— Чего они к тебе придираются? — говорила она, накрывая на стол. — Формалистическими выкрутасами ты не занимаешься. Точно прорабатываешь форму, добиваешься созвучия гаммы красок. Да, ты знаешь, наш Вовка сегодня отчудил. Притащил откуда-то петуха и

заявляет: «Для папы, когда он будет птицеферму рисовать».

Инициативные действия Тюбикова-младшего не рассеяли, однако, мрачность Тюбикова-старшего. Желая ободрить его, жена продолжала:

— Как-то я показала молочнице тете Нюре твою книжку, помнишь, ту, что по кормодобыванию, так она похвалила, говорит: «В точности моя Зорька срисована».

— Упрекают, что мои дети — маленькие уродцы! — мрачно сказал Тюбиков.

— Ну, конечно, это Глафира Андреевна от зависти болтает. Пичкает свою Манечку соками да витаминами, а она все равно зеленая ходит, не чета нашим...

— Перестань, пожалуйста. Не о наших детях говорили, а о моих иллюстрационных. Как же иначе выразишь счастливое детство и здоровую семью, как не веселыми папашей и мамашей с розовощеким ребенком на фоне книжного шкафа? Олицетворение семьи, в которой родители работают и учатся. Ведь еще Рафаэль... Да что там говорить... Я им одно — они мне другое. Докритиковались до какого-то фотографиязма.

— Брось, Вадим, не расстраивайся. На всех не угодишь. Ругать-то легче, чем делать: все равно без тебя не обойдутся. Огурчик порезать? Садись, обедай, а потом нарисуешь Вовке скворечник. Он опять по рисованию тройку схватил.

Ни обед, ни работа в Вовкиной тетрадке не принесли морального и физического успокоения Тюбикову. Воображение рисовало ему сладостные картины мести.

Тюбиков не Тамерлан. Тюбиков не будет складывать пирамиды из человеческих черепов или превращать завоеванные города в чистый пар. Зачем? Зачем попадать под декабрьский указ? Не-е-т! Тюбиков не так прост... Тюбиков отомстит так отомстит! Вот он добивается снятия главного художника с работы: не зажимай, такой-

сякой, талантливых людей! Вот главный художник просит у Тюбикова добыть заказик в мастерской и слышит в ответ торжествующий, злой смех: «Ха! Ха! Ха! Что, получил? Так-то обижать Тюбикова!..»

...Через несколько дней Тюбиков выступал на заседании комиссии по проведению юбилея 25-летней творческой деятельности художника Э. Ю. Саквояжева-Чемдановского.

— Необходимо, товарищи, — убедительно говорил он, — обеспечить широкое участие прессы, радио, книгоиздательских и книготорговых организаций на официальном открытии выставки работ нашего уважаемого юбиляра. Это я беру на себя. Подумаем... прикинем, кого пригласить... Не всех, конечно. А тех, которые... которые в списке будут.

И Тюбиков принялся разрабатывать список приглашаемых. Кроме официальных и непременных участников юбилейных торжеств, общественность была представлена директором бани, вокзальным кассиром, заведующим специализированным магазином «Мясо—птица». А вот главный художник издательства приглашения не получил. Поделом ему... Тюбиков обид не прощает! Тюбиков честно служит искусству!

Каково же было его негодование, когда он увидел в выставочном зале... главного художника. Его, оказывается, пригласил сам юбиляр. Из уважения к таланту художника.

ЧУДАК

- Вы не слышали новость?
- Нет, не слышал.
- Заболел Матвей Иванович.

— Что вы говорите! Серьезно?

— Пока нет, но есть надежда, что серьезно.

— Жаль, жаль, такой здоровый товарищ... и вдруг болезнь. Жена волнуется, переживает. На работе про-
рыв. Ах, какое несчастье! Температурит?

— Представьте, нет.

— Странно.

— Очень странно, но бюллетень дали.

— На три дня?

— Пока на три...

— Врача вызывали на дом?

— Да.

— Рецепт выписали?

— Конечно.

— Надо бы консилиум созвать?

— Придется.

— Пригласить поопытнее терапевтов, невропатолога, психиатра, дерматолога. Болезнь нельзя запускать. Опасно не само заболевание, а его последствия. Тем более для женского организма.

— Так ведь больной мужчина!

— Мужчина?

— Конечно... Матвей Иванович... Я же вам говорил...

— А кто такой Матвей Иванович?

Мне пришлось подскочить от изумления. Оказалось, что Симочкин не знает Матвея Ивановича. Только ли Матвея Ивановича? Я стал осторожно выяснять его отношения с другими, нужными нам в быту и жизни людьми. Поразительный случай. Симочкину ничего не говорит фамилия Тарарушкина. Он впервые услышал о существовании на белом свете Кожохина. Развел в недоумении руками, когда я ему назвал Магарилло. Удивился, узнав, что Аглая Тимофеевна и Саша — брат и сестра, а Юрий Николаевич приходится внучатым племянником самому товарищу Нюхнецкому.

Я гяжело вздохнул. Чудак этот Симочкин... Как он вообще собирается жить? Положим, телевизор отремонтировать вне очереди и с новым кинескопом. Или пятно на брюках вывести, чтобы без новых пятен и заплат. Или ремонтник в квартире проверить без выноса мебели. А путевка в Кисловодск, если у тебя здоровое сердце и все остальные внутренности в ажуре... Чудак этот Симочкин.

УСПОКОИЛСЯ

(Сценка)

Суббота. Короткий день. Времени еще нет и пяти, а Иван Семенович, по собственному выражению, успел повернуть «весь комплекс послеслужебных мероприятий»: пообедал, прочитал газету и чуточку вздремнул. А геперь мрачно слонялся по комнате.

Это свое состояние Иван Семенович, склонный к афористичности суждений, определял довольно точно: «ушел в себя». Между прочим, домашние в меру своих сил и способностей старались помешать ему «уходить в себя», чтобы он потом не выходил из себя. Иногда им удавалось предотвратить и то, и другое, но чаще — ни того, ни другого.

— Опять ты бродишь, как неприкаянный, места себе найти не можешь? — ласково заговорила с ним жена. — Суббота, люди собираются в кино, в театр. А мы месяц из дома носа не кажем. Может, куда-нибудь прогуляемся? Вечер тихий, теплый... Ты пока переодевайся, а я за билетами схожу.

— Сегодня решительно не могу. Настроение у меня не кинематографическое. Да и занят я... Видишь, шагаю и на ходу обмозговываю одну идейку. Рационализатор-

скую... Как хочешь, но не могу. Решительно. Настроение не подходит. Да и занят. Видишь, идея покоя не дает. Неужели не замечаешь? Шагаю и на ходу...

Жена досадливо махнула рукой и вышла из комнаты. Обрадованный Иван Семенович кинулся к телефону и стал осторожно набирать номер:

— Алло! Простите, это квартира? Извините, квартира товарища Лобова? Попросите, пожалуйста, самого Семен Семеновича. Алло! Семен Семенович? Семен Семенович, вас беспокоит Иван Семенович! Что произошло? Не волнуйтесь, отчет в полном ажуре. Я с вами о другом. Как вы насчет пульки? Разыграть бы... А? Народ я мигом соберу, преферансисты классные. Потом по коньячку с лимончиком? Что? Не можете? Собираетесь в театр? «Такую любовь» смотреть? Ну, прошу прощения Семен Семенович, за беспокойство. Всего наилучшего! Счастливо посмотреть спектакль, Семен Семенович!

Иван Семенович бережно положил трубку и, чуть подумав, уверенно набрал другой номер.

— Коля! Папа дома? Бреется... Ничего, пусть подойдет к телефону. Скажи, мол, дядя Ваня по срочному делу кличет. Петро, ты? Всех благ тебе! Слушай, мы с тобой давно не виделись. Давай раздадим по случаю субботы бутылочку «Столичной». Можно у тебя, можно и ко мне. Жена салатик весенний провернет. А мы по рюмочке кинем. Переиграть? Почему переиграть? Приглашен на читательскую конференцию... Интересно. Какое же произведение обсуждать будете?.. Ах, борода сохнет... Прости, я и забыл, что ты за бритвой. Желаю культурно просвещаться. Будь здоров!..

Немного обескураженный, Иван Семенович тем не менее снова взялся за телефон:

— Здравствуйте, Михаил Иванович! Узнаете? Здо-

ровье как? Рад, рад! Давно бы надо на лимоны переключиться. Адонизид, знаете, до добра не доведет. Коллекция пополняется? Михаил Иванович, у меня сюрприз для вас. Какой? Недавно мне монетку в автобусе при сдаче подкинули — археологическая древность. Разбирал, разбирал — ничего не разобрал, все стерлось. Приезжайте! Подарю монету, ну, и обмоем находку. Много не будем — по стопочке пропустим и разойдемся. Благодарите за приглашение? Не можете? Почему? Опаздываете в кино? А билеты есть? Уже есть... Так я вам мигом устрою. Что? Билеты! Зачем купить? Сдать... у меня в этом кино скрипач знакомый. Сейчас беру такси и за вами. Подскочим в кино, сдадим билеты, а потом ко мне — и по лампадочке...

В комнату вошла жена. Иван Семенович от неожиданности выпалил собеседнику: «Чур, не меня» и повесил трубку.

— С кем это ты разговаривал?

— С Михаилом Ивановичем. О жизни обменивались мнениями. Куда, например, пойти лучше в субботу: в филармонию или на выставку изобразительного искусства. Решили — в музей. Хотя кто как. Вот, к примеру, Семен Семенович в театр с супругой идут. А Петро-то наш, умора просто — в книголюбы записался, на конференции читательские персонально приглашается. Михаил Иванович — в кино. Какая у него жена? Молодец! Сегодня суббота, короткий день, так она заранее билеты в кино взяла. Мы с тобой дома торчим, а они смотрят какие-нибудь там ночи Кабирии под небом Сицилии. Умеют люди культурно отдыхать. А мы? Месяц из дома носа не кажем. Пойдем-ка прогуляемся. Вечер тихий, теплый... Тем более, что скрипач у меня в кино знакомый имеется... в случае чего...

МАЙСКИЙ ЖУК

Хорошо, что я успел отскочить в сторону. Всеволод Александрович наверняка бы сшиб меня с ног — так стремительно ворвался он в комнату. Всеволод Александрович очень вежливый, полный и вообще культурный человек. Он часто заходит ко мне отвести душу. Заходит по вечерам, когда я пишу и когда у меня ни черта не получается.

Сейчас Всеволод Александрович по-хозяйски расположился на моих бумагах и стал разворачивать сверток, который принес под мышкой. Я на всякий случай отошел к двери. Он вынул банку. Стеклянную. На дне ее что-то шевелилось. Я вопросительно посмотрел на Всеволода Александровича.

— Жук, — сказал он.

— Жук? — переспросил я.

— Майский жук. А что? — удивился он.

— Ничего.

— Из семейства пластинчатоусых. Тебе в подарок принес. У тебя же бывает свободное время. Вот и займись энтомологией.

— Что ж... Спасибо...

Я поставил банку на стол и сел. Всеволод Александрович передвинулся поближе ко мне. Теперь он сидел на папке с рукописями законченных рассказов.

— Ты уж позаботься о жучке, — говорил он, доверительно положив мне на плечо руку. — Кормить его надо двенадцать раз в сутки: шесть раз днем и столько же ночью. Питается он листьями березы, дуба, ивы и других лиственных пород.

Я закурил, задумался.

— Большой спрос на них. На жуков майских. Многие энтомологией увлеклись. Бегают и ищут жуков. Конеч-

но, майских. И я бегал. Тоже искал. Скажи по совести, рад подарку?

От банки несло чем-то противным. Я промолчал.

— Знал, что будешь доволен. Вообще тебе повезло. Знатоки говорят, редкий экземпляр попался. Из пластинчатоусых, конечно... Позаботься о жучке.

Я отнес банку на кухню и вернулся к Всеволоду Александровичу.

— Не околеет жучок? Листиками, листиками его, да зелеными. А жалко будет, если пропадет. С таким трудом добыл. И все тебе в подарок. Вполне современный экземпляр.

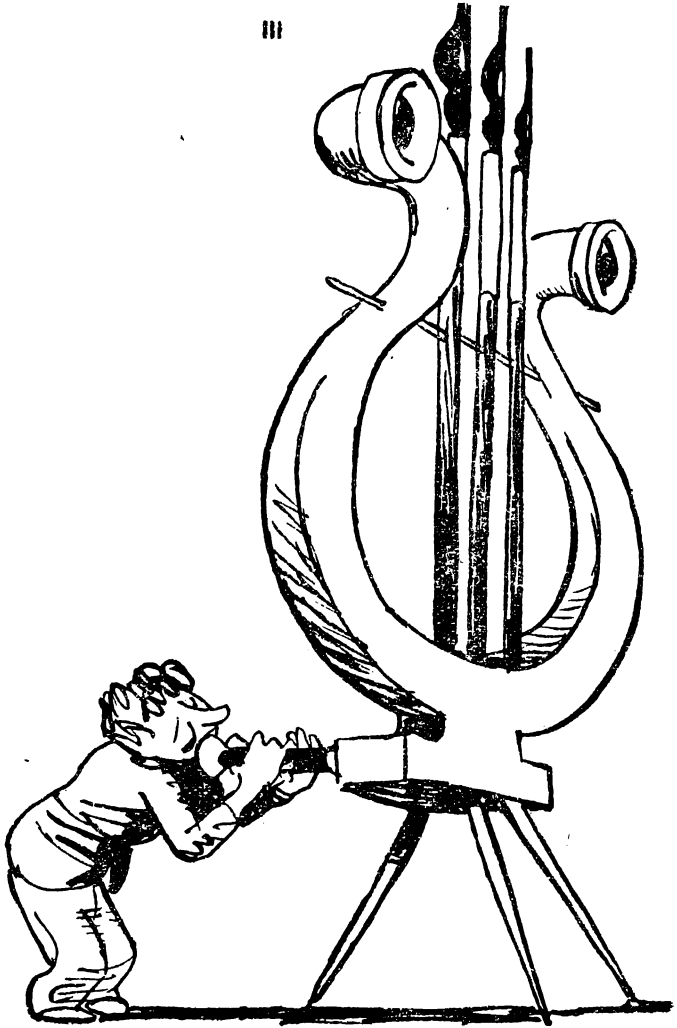
На столе лежал свежий номер журнала «Советский экран». Я протянул его Всеволоду Александровичу.

— Журнал успеется, — отказался он. — Завтра приду и почитаю. Банку можешь оставить у себя. Я ее тебе тоже дарю, вместе с жучком. Мне майский жук ни к чему. И банка тоже. Поэтому и решил подарить. А тебе пригодится, да? Чего для друга не сделаешь!

Я вышел на балкон. Всеволод Александрович проследовал за мной.

— Запомнил, чем кормить жучка? Кормов у тебя хватит — деревья рядом. Целый выводок жуков прокормишь. Может, еще принести? Не в подарок, а так просто, из уважения? Что?!

Момент был удобный. Я изловчился и сбросил Всеволода Александровича с балкона. Балкон у нас на шестом этаже. Так же, как и квартира. В этот вечер Всеволод Александрович ко мне больше не заходил. Работал я спокойно.

Костя, высокий, худощавый паренек с рыжеватым чубом, был единственным сыном у своих родителей — Спиралькина Матвея Петровича и Спиралькиной Нонны Матвеевны. Они считали Костю выдающейся личностью среди людей его круга и сажали за стол вместе с гостями.

Тот, кто убивает свободное время за накрытым столом, знает, как это делается. Хозяин, уловив вожделенные и нетерпеливые взгляды гостей, произносит что-то вроде напутствия: «Начнем, пожалуй» и вместе с добровольными помощниками льет вино в рюмки, а заодно и на скатерть. Хозяйка предлагает закусить чем бог по-

слал. Мужчины ухаживают за дамами слева. Шум, звон, бульканье...

Спиралькины не внесли ничего новаторского в этот освященный временем и традициями ритуал выпивки. Гости знали порядок и действовали по обстановке.

Когда я, вместе с другими, потянулся с тарелкой за винегретом, Костя заметил:

— Винегрет — вкусное, дешевое и питательное блюдо.

Мы разинули рты от удивления. А Костя крыл без остановки:

— Применяется для повышения аппетита. Овощной винегрет готовится из вареного картофеля, яблок, огурцов, моркови, ста граммов квашеной капусты, двух-трех ложек растительного масла, одной чайной ложки горчицы и одной четверти стакана уксуса. Сахар по вкусу. Мамуха, подкинь-ка мне пирога!

— Ловко чешет, стервец! — не удержался от восхищения Спиралькин-папа. — Понимай нынешнюю молодежь! Мы раньше как — мешали все подряд и ели. А они теорию назубок. Куда что, да как и сколько. Положим, винегрет он в порядке производственного обучения в школе проходил... Так я говорю, мать?

Спиралькина-мама согласно кивнула и положила Косте на тарелку кусок пирога.

Временно перестав чокаться рюмками, мы перешли к чаю. Разумеется, с вареньем собственного, Спиралькиных, производства.

Принимая из рук подстаканник с ароматным, умело заваренным чаем, я сказал Нонне Матвеевне что-то лестное этому самому популярному из безалкогольных напитков.

Костя, придвинув розетку с вареньем, как бы мимоходом, радостно сообщил нам:

— Чай поступает в розничную продажу в расфасованном виде. Расфасовка чая производится на чаеразвесочной фабрике. Продавцы с покупателями должны быть взаимно вежливы и проверять деньги, не отходя от кассы.

Спиралькина-мама снисходительно посмотрела на сына и пояснила:

— Не удивляйтесь, что наш Костя заговорил о торговле. Это с ним бывает. Дети, знаете, очень восприимчивы к тому, чему их учат. А Костин класс учили на продавцов-бакалейщиков.

— В порядке производственного обучения, — уточнил Спиралькин-папа.

После чая мы удобно расположились в креслах и закурили. Разговор с общих тем перешел на моду. Как часто бывает в компании, объявились спорщики. Одни отстаивали право женщин носить брюки. Другие доказывали, что женские брюки — блажь модниц, порча дефицитных материалов, а заодно и нравов. Павел Семенович, большой любитель статистики, ошеломил нас своими выкладками, сделанными буквально на ходу. По его подсчетам выходило, что из материала на миллион женских брюк можно изготовить семьсот восемьдесят тысяч триста двадцать пять с половиной мужских брюк. Особенно убедительно подействовала на всех половина брюк. Именно она склонила некоторых из нас к той мысли, что на женских брюках не худо бы сэкономить немного материала в пользу брюк мужских. Потому что для мужчин это, так сказать, в некоторой степени, предмет первой необходимости. Ситцевыми или капроновыми изделиями его не заменишь...

Костя участия в споре не принимал, но при первой же возможности воткнулся в мужской разговор и буркнул:

— Схоластический спор. Да! Он давно решен

жизнью. Выкройка женских брюк отработана и запущена в массовое производство. Если хотите, могу подробнее.

Мы захотели. Костя без запинки сказал:

— Для построения чертежа выкройки женских брюк необходимо снять следующие мерки: длина брюк, полуокружность талии, полуокружность бедер. Линия бедер проходит...

Спиралькина-мама покраснела и попросила Костю помочь ей унести на кухню посуду.

Спиралькин-папа весело заглядывал нам в глаза, восторженно хлопал гостей по спинам и говорил:

— На все руки, стервец! В отца!.. А все школа вооружает знаниями. У них был класс с политехническим уклоном в сторону одежного производства. На портных учили. Чтобы, значит, через ушко да на солнышко.

Я ничего не понимал. Кулинария... торговля... портяжное дело. Откуда у Кости такой универсализм? Может быть, Нонна Матвеевна объяснит?

Нонна Матвеевна не делала тайны из Костиных знаний. Нонна Матвеевна была рада поговорить о воспитании подрастающего поколения. Мило улыбаясь, она охотно рассказала:

— Это мы виноваты с отцом. Срывали сына из школы в школу. Почему? Вынуждали, знаете, квартирные обстоятельства. Ох, как нам пришлось помучиться... За два года пять квартир сменили. Как теперь говорят, в порядке улучшения. Очень уж неудобное жилье попало: то потолки низкие, то этаж высокий, то погреба нет. Да и без гаража плохо. Не оставишь ведь машину под снегом!.. Верно? У вас есть машина? Нет? Как я вам завидую! Мы из-за нее так помучились!.. Переезжали, мебель били... Костя страдал. Почему? В разных школах разная политехнизация... Там на поваров, там на продавцов... Вспомните страшно.

Нонна Матвеевна всхлинула.

Женские слезы не для меня. Расстраиваюсь и могу наговорить глупостей. Хозяев, к примеру, обидеть. Со-славшись на поздний час, я стал прощаться. Как назло не находилась моя шляпа. Нонна Матвеевна металась по прихожей и нервничала:

— Шляпа, где шляпа? Товарищи, помогите найти шляпу!

Костя участия в суматохе не принимал. На этот раз он иронизировал:

— Шляпу может заменить другой головной убор. Например, кепка. Она тоже из семейства головоно-симых. Я предпочитаю обходиться и без того, и без дру-гого. Между прочим, найден заменитель велюра, это...

Я догадался, что сейчас производственный профиль их класса — шапочное производство.

ЧЕЛОВЕК С ЧЕМОДАНЧИКОМ

В дверь постучали. Пришлось идти открывать. В дверях стоял молодой человек с потрепанным чемоданчиком. Он подозрительно посмотрел на меня и спросил:
— Колонка у вас?

Я смутился и признался, что в ванной комнате действительно установлен проточный газовый водонагреватель. Но мы не виноваты. Мы получили газовую колонку вместе с квартирой. А сейчас в аппарате что-то не ладилось, и вода не нагревалась. Даже вообще не текла.

Разговаривать на пороге было неудобно и холодно. Мы прошли в ванную. Молодой человек поставил на пол чемоданчик и попросил показать ему водонагрева-

тель. Я догадался, что он из «Газоремонта». Пришел по нашему вызову устранять неисправность в аппарате.

Я показал ему на висевшую над ванной белую металлическую коробку с выводной трубой и сказал, что вот это и есть та самая газовая колонка, которая не выдает воду. Молодой человек задумчиво постучал кулаком по кожуху колонки и зажег паяльную лампу. Я позвал жену и велел ей вместе с сыном немедленно уйти на безопасное расстояние от дома. Шестилетнему ребенку еще рано наблюдать взрыв природного газа.

Порывшись в чемоданчике, молодой человек вынул долото и велел мне в точности воспроизвести все операции по приведению водонагревательного аппарата в действие. Я волновался, но с поручением справился. Вода не текла. Тогда он предложил выполнить эти операции в обратном порядке. Я попробовал. Вода не текла.

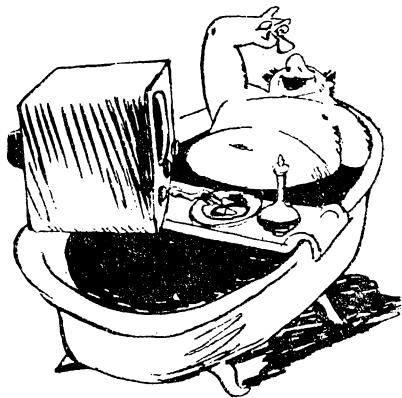
Молодой человек положил долото в чемоданчик, загасил паяльную лампу и попросил паспорт на данный аппарат. А заодно и стул. Не обязательно мягкий.

Я по достоинству оценил скромность молодого человека и вынес ему из комнаты единственное в доме мягкое кресло. И заводской паспорт. Удобно усевшись в кресле, молодой человек закурил и углубился в изучение инструкции по установке и пользованию проточным газовым водонагревателем типа 2ВВК-4. Чтобы ему не мешать, я выключил радио и надел мягкие туфли.

Без пятнадцати четыре молодой человек вернул мне инструкцию и сказал, что рабочий день у него кончился.

Я проводил его к выходу и спросил, куда делся пожилой смешливый мастер, который раньше частенько бывал у нас. Он, между прочим, здорово разобрался в тонкостях этой водонагревательной штуки.

— Уволили его... как не имеющего диплома, — с достоинством ответил молодой человек и загремел на лестнице своим чемоданчиком.

На квартире у Ивана Ивановича неожиданно-негаданно появился его старинный приятель, с которым они не виделись несколько лет.

Иван Иванович радушно встретил гостя, помог ему раздеться и провел его в гостиную.

— Располагайся, друг Петя, как дома. Садись, закуривай, вот тебе пепельница. Может, с дороги тебе ванну устроить?

— С удовольствием, Ваню. Мотался, мотался по вашей области. Всю исколесил и вдоль, и поперек. Но что искали — нашли! Будет теперь у вас своя химня... А может, и «большая химня».

— Поздравляю с успехом! Я всегда приветствовал благородную профессию разведчика недр. Ты же знаешь, если бы не сердце, с детства... одним словом, вместе бы делили тяготы походной жизни и последний кусок хлеба. Безоблачные выси Памира, крутые отроги Тянь-Шаня, «Байдарские ворота» в Крыму. Красота! Так ванну устроить?

— Будь любезен, если тебя не затруднит.

— Что ты, друг Петя! Вопрос мытья я решил. Отвернул ручку, зажег газ — и пошла горячая вода. Обзавелся газовой колонкой. Ну и машина, скажу тебе! Проточный газовый водонагреватель типа два ВВК-четыре. Ленинградского производства. Снабжен универсальной горелкой. Может работать на природном и баллонном газе. А главное — имеет автоматику. Перекрыл воду — горелка автоматически выключается, пустил — опять пламя бушует. Правда, штука тонкая и требует деликатного обращения. Но зато какие эксплуатационные показатели! Восемьдесят процентов коэффициента полезного действия. Расход воды при максимальном нагреве шесть литров, при среднем — двенадцать. Нагрев воды до 50 градусов Цельсия. Номинальный расход газа... Тебе, я вижу, скучно меня слушать. Понимаю. Сейчас пойдем мыться, а потом за стол. согласишься поужинать?

— Конечно!

— Я знал, что ты не будешь ломаться. Не люблю таких. Вынем из холодильника... Эх, и хлебнул я горя с этой машиной. Достать само собой, трудно. Ладно, преодолели трудности, достали. Думаешь, все? Привез и поставил? Дудки! Устанавливать должен мастер, а его контора придет тогда, когда ты поставишь у них холодильник на учет, то есть регистрируешь. Я живу в одном конце города, контора — на другом. По теле-

фону нельзя. Надо лично. Автобусы туда не ходят. Беру такси и еду. Приезжаю... Прости, друг Петя, я заговорился. Значит, договорились: моешься, ужинаем и к телевизору. Хорошо?

— Угу.

— Понимаю... Устал, дорога. Но от моего телевизора не оторвешься. словно магнитом тянет. Машинка у меня простенькая — «Заря». Все ругают, а мне, представь, нравится, корпус нравится, скромный такой, металлический, и окраска благородная. Что-то такое серо-стальное, монументальное. Посмотришь издали—сверлильный автомат, да и только. Про нашу программу не забыл? Моешься, ужинаем и к телевизору. Будем одни. Соседей я принципиально не пускаю. Не потому, что я эгоист. Вовсе нет. Случай неприятный произошел. Заходит как-то вечером... Друг Петя, что с тобой?

Иван Иванович приоткрыл дверь и крикнул:

— Катюха!

Когда домработница вошла, Иван Иванович распорядился:

— Видишь, устал человек с дороги и заснул прямо на тахте. На вешалке мой плащ охотничий висит. Найдешь? Принеси-ка и прикрой его. Пускай отдыхает. А ванну мне приготовила?

В ЛЕС ПО ГРИБЫ

(Советы грибнику)

Сбор, сушка и маринование грибов — полезное, приятное и увлекательное занятие.

Ходьба в лесу укрепляет организм, вырабатывает здоровую привычку дышать свежим воздухом, прививает водителям колесного транспорта благородное чувство уважения к пешеходу.

Равномерный наклон и подъем туловища при сборе грибов регулирует дыхательный процесс, развивает мышцы газобедренной зоны и избавляет женщин от необходимости худеть под то или иное платье.

Грибы бывают разные: съедобные и несъедобные, трубчатые и пластинчатые, вкусные и невкусные, сырые и маринованные, ядовитые и сумчатые. Среди сумчатых грибов различают сморчок обыкновенный и сморчок конический.

Лучший гриб — белый, или боровик, или беловик, он же коровятник и медвежатник. Поэтому рекомендуется брать сначала белые грибы. Если останется время и место в корзине, то советуем собирать березовики, волнушки, подосиновики, грузди и упомянутые выше сморчки — обыкновенные и конические.

Многое зависит от вкуса и индивидуальных склонностей грибника. Если его интересует гриб с наибольшей жирностью, то он нагнется за рыжиком и пройдет мимо маслят. Напомним, что в рыжике жиров содержится в шесть раз больше, чем в огурцах, в три раза больше, чем в капусте. По сахаристости на первом месте стоит белый гриб, хотя сахара и крахмала в нем меньше, чем в моркови.

Химический состав грибов сложен, и его трудно определить на вкус. Лучше всего загодя выписать в записную книжку процент содержания в грибе воды, белковых веществ, соли, а также витамина С, органических кислот, смолистых и красящих веществ. Чтобы уберечь записную книжку в походе, надо обернуть ее в целлофан, клеенку или марлю и надежно спрятать в специальном кармане брюк. Дополнительный карман к брюкам можно нешивать, а воспользоваться боковым кармашком для карманных часов, ибо, по нашим наблюдениям, абсолютное большинство грибников

предпочитает карманным часам наручные. Ни в коем случае нельзя доверять записную книжку детям. Дети, очутившись в лесу, забывают о целевом назначении прогулки, начинают бегать, кричать, собирать цветы, ловить бабочек и других насекомых. Они легко могут потерять записную книжку ввиду ее относительно малых габаритов. Увеличивать же габариты записной книжки до формата Большой советской энциклопедии, на наш взгляд, нецелесообразно.

Сбор грибов производится в период так называемой грибной кампании, которая часто совпадает с уборочной, но более продолжительна по времени. Объясняется это тем, что массовое появление грибов начинается раньше созревания зерновых, бобовых и других сельскохозяйственных культур, районированных в данной местности.

Грибы обычно растут в лесу, там их и надо собирать. В лишенных лесной растительности местах, таких, как поймы рек, занятые и чистые пары, пристанционные пути и теннисные корты, искать грибы не следует.

Брать ли с собой закуску? Советуем брать и не надеяться на общественное питание и торговлю, которые в местах распространения грибов пока еще плохо налажены.

Опытные грибники, как правило, запасаются разнообразной и обильной снедью и солью. Вместо рюмки и стопки они пользуются небьющимся стаканчиком — крышкой от термоса. Емкость стаканчика 68 граммов водки. Коньяку¹ вмещается примерно столько же.

Очень часто задают вопрос: нужна ли под грибы тара? Вопрос далеко не праздный и существенный. Для начинающих грибников выбор тары составляет определенную трудность. Тара должна быть легкой, вместительной, прочной и твердой, чтобы сосед не видел, сколько вы набрали грибов. Исходя из своих возможно-

стей, каждый в состоянии приспособить под грибы корзину, ведро, лукошко, хозяйственную сумку, бак стиральной машины, то есть все фигурные предметы с дном и боковыми закруглениями. Крышка не обязательна. От дождя, солища и снега грибы хорошо прикрывать подручными средствами: куском фанеры, прочитанной газетой, свежим носовым платком, подносом или детским бильярдом.

В отличие от других видов охоты и рыболовства сбор грибов не требует специального и дорогостоящего снаряжения. Легкий шерстяной спортивный костюм или брюки с курткой, непромокаемая и по ноге обувь, две палки (одна запасная) с развилкой на конце, полевая сумка военного образца, портативный радиоприемник с батарейным питанием, дорожные шахматы, электрический фонарик, компас, песочные часы и нож вполне устроят даже самого привередливого грибника-любителя.

В рекомендованном костюме вам будет ни тепло, ни холодно. Непромокаемая обувь предохранит от насморка и вирусной желтухи. Компас выведет из леса в заданном направлении. Электрический фонарик поможет в темноте отличить съедобный гриб от несъедобного. А песочные часы будут точно фиксировать время, затраченное на поиск одного гриба.

Итак, вы одеты, обуты, снаряжены всем необходимым, включая тару и рюкзак с провизией. Надевайте рюкзак и полевую сумку с компасом, берите в руки палки и тару и, не оглядываясь, смело устремляйтесь в лес на поиски грибов.

При желании грибы в лесу обязательно найдутся. Надо лишь суметь их найти. Каждый ищет по-своему, в зависимости от полноты знаний о росте грибов, как плодовых тел с развитым мицелием.

Зная теперь, где и как надо искать грибы, вы може-

те сэкономленное время отвести под разумный и культурный отдых на лоне природы, например, сыграть партию-другую в шахматы, прослушать по радио урок английского языка, разучить новый комплекс гимнастической зарядки, почистить рыбу для ухи со свежими грибами.

В заключение еще несколько практических советов и замечаний.

Маринованные грибы не солят и не сушат.

Жарят грибы на сковороде и с маслом, а грибной суп варят без мяса.

Банку с компотом открывайте специальным ножом.

Гриб валуй по хозяйственной ценности относится к грибам третьей категории.

Лотерейные билеты следует хранить до опубликования таблицы выигрышей.

У березовика шляпка ценнее, чем ножка.

Заготавливайте грибы летом и осенью. Зимой под снегом их отыскать трудно, даже на лыжах.

В книге жалоб и предложений не забудьте указать свой домашний или служебный адрес.

Перед уходом в лес отключите все электроприборы.

В лес по грибы, товарищи!

Советы подготовил

А. А. Боровиков-Опенкин,

кандидат общих наук.

Я И МОЯ РАССЕЯННОСТЬ

(Шутка)

Борьбу с зачатками рассеянности общество и родители повели еще в моем раннем детском возрасте. Общество предприняло массовое издание литературы для де-

тей по преодолению рассеянности. Родители неустанно цитировали весьма популярную и легко запоминающуюся фразу: «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной».

Как-то утром я тайком улизнул из дома и вместе с Колькой-плаксой отправился искать улицу Бассейную. В нашем далеком континентальном городе такой улицы не оказалось. Мы благополучно заблудились. Колька разревелся. Я съел за него и за себя по порции мороженого, потом подошел к милиционеру и попросил отправить нас домой, «...пока мы не попали под пагубные влияния улицы».

Внимательно наблюдая за моим поведением и привычками, родители пришли к выводу, что их ребенок не наделен этой странной чертой человеческого характера. Действительно, правый ботинок я всегда надевал на правую ногу, левый — на левую, уходя из коммунальной кухни, гасил свет, не оставлял включенными бытовые электроприборы.

Столь милые сердцу картины далекого детского прошлого ожили в моей памяти теперь, когда я, взрослый и, конечно, женатый мужчина, вдруг обнаружил в себе рассеянность. Рассеянность эта была особого рода: я забывал закрывать за собой двери.

Выходя из ресторана, я не закрыл дверь. Немедленно на улицу выскочил швейцар и стал декламировать:

— Гражданин, не будьте рассеянным! Вернитесь и закройте дверь!

Предупреждение оказалось серьезным, тем более, что предназначенный швейцару рубль, видимо, тоже по рассеянности, ему не достался. Поэтому пришлось вернуться и выполнить указание дверного стража. Счет незакрытым дверям был открыт.

Самое страшное заключалось в том, что рассеянность прогрессировала. Сначала после меня оставались

распахнутыми настежь двери учреждений и мест общественного пользования. Вскоре такая незавидная судьба постигла и собственную квартиру.

Появились без вины виноватые. Однажды жившая выше этажом актриса возвращалась с премьеры, ошиблась лестничной площадкой, вошла в открытую квартиру и направилась раздеваться в мой кабинет. Жена подумала, что этот маршрут ей давно известен, и состоялся внеочередной семейный разговор.

Поразмыслив, я решил побороть рассеянность методом самовнушения. Но пока проходил процесс внушения, что «дверь надо, обязательно надо закрыть», я оказывался далеко от злополучного объекта.

Такое поведение угнетающе действовало на домашних. Раньше четырехлетний сынишка встречал меня вопросом:

— Папочка, принес сыну конфетку?

Теперь сообразительный ребенок выговаривал отцу:

— Папочка, закрой, пожалуйста, дверку. Бабушка говорит, мои игрушки гулять убегут...

Затем из комнаты появлялась жена и слышался ее простуженный голос.

— Прямо беда с тобой... Сквозняк по всей квартире гуляет. Хоть сына пожалей...

А на кухне причитала соседка:

— Пришел, голубчик... Двери нараспах — и я не я, ровно с гулянки. Сраму-то не оберешься. Господи, да скоро ли кончатся муки наши? Оставит, ей-богу, оставит детей сиротами.

На семейном совете единодушно договорились, что запускать болезнь нельзя и нужно показаться невропатологу.

Невропатолог, грузная, строгого вида женщина, прежде всего измерила кровяное давление и внимательно осмотрела веки. Затем принялась писать историю

болезни. После заполнения обычных анкетных данных больному предложили вспомнить болезни, коими страдал он сам, члены его семьи, их братья, сестры и прочие родичи. В перечне врача значилось 17 ведущих болезней, в моей родне числилось 19 основных родственников. После этого врач безошибочно поставил диагноз: острое истощение нервной системы и хроническая гипертония.

Дальнейшее проикновение в закоулки моего организма обнаружило частичную потерю памяти от катарального бронхита, злокачественную опухоль на переносице, мерцательную аритмию сердца.

Из кабинета врача я уходил, нагруженный устными наставлениями, рецептами, направлениями, санаторно-курортной картой и бюллетенем. Дверь в кабинет, конечно, не прикрыл.

Согласно врачебному предписанию, мне предстояло пройти курс физиотерапевтического лечения — от гальванического воротничка до радоновых ванн. Затем короткое облучение гамма-лучами, душ Шарко, удаление аппендицита и парафиновые ванны на ступни ног.

Для эффективности лечения предписывалась также строгая диета, запрещалось употреблять табак и спиртные напитки, рекомендовались регулярные запытия на свежем воздухе боксом и партерной акробатикой.

Контролировать выполнение выработанной невропатологом программы лечения добровольно взялись жена и теща. Результаты не замедлили сказаться: к 14 дверям, которые я регулярно не закрывал на службе и дома, прибавились 22 двери лечебных учреждений.

Как и следовало ожидать, меня начали мучить кошмарные сны. В одну из ночей приснились двери. Целые анфилады дверей: массивных, обитых черным дерматином, и голых дубовых, легких двустворчатых, желтых и белых, больших и маленьких, вплоть до стеклян-

пой дверцы от будки телефона-автомата. Окружили они меня тесным кольцом, мерно раскачивались и в такт качанию пищали и скрипели:

— Зак-рой нас, зак-рой нас...

Потом пригнулись и грозной лавиной, будто рыцари в доспехах, двинулись на меня... Я проснулся в холодном поту. Возле кровати стояла жена с мокрым полотенцем.

Другой ночью меня посетили... дверные ручки.казалось, они сорвались со всех дверей мира, чтобы собраться здесь, в спальне, на пляску св. Витта. Железные, медные, стеклянные — все они облепили меня, царапали лицо, руки, шею, забирались за рубашку. Я проснулся в горячем поту. У кровати стояла жена с градусником.

Друзья и товарищи трогательно переживали творившиеся со мной неладности и надавали уйму полезных советов: принять сеанс гипноза, лечиться у гомеопата, пить кефир, начать писать роман в стихах, отказаться от услуг телевизора, выучить наизусть «Собаку Баскервилей», взять командировку на Телецкое озеро.

На очередном семейном совете прошло предложение побывать на консультации у психиатра. За это предложение почему-то особенно энергично выступала соседка.

Психиатр распознал во мне не совсем обычного больного и не стал добиваться ответа на такие элементарные вопросы, как, скажем, точка кипения воды или порядок оформления заявления на получение жилплощади. Наша беседа протекала в плане экзамена по всеобщей истории. Поняв, что я сам могу спросить его о кодексе Хаммурапи, психиатр, наконец, приступил к делу.

— Скажите, больной, — осторожно начал он, — вы не задумывались над тем, что вас довело до такой степени помеша... простите, до такой... э-э... калейдоскопической рассеянности?

Действительно, я не задумывался над столь существенным вопросом. А сейчас? Сейчас мне все стало ясно.

— Вся причина, доктор,—в городском транспорте...

— Гм... оригинально. Поясните, пожалуйста.

— Охотно. Вы выходите из вагона метро, и дверь за вами закрывается. А из троллейбуса? Также. Подобное происходит в автобусе и в трамвае. Так вот, длительное общение с механически закрывающимися дверями выработало у меня привычку не закрывать все остальные двери.

Психиатр обалдело посмотрел вокруг и стал метаться около меня, словно молодой неопытный защитник в единоборстве с ветераном футбольных битв. А я? Мне было уже не до него. Столь неожиданно открытая причина рассеянности ошеломила меня не меньше, чем уважаемого доктора, и я впал в состояние мрачной задумчивости.

Доктор подозвал санитарку и что-то тихо сказал ей. Та понимающе кивнула головой и быстренько исчезла.

Через несколько минут в поток моих самокритических мыслей ворвался оглушительный рев санитарной сирены. Накаленные рассеянностью нервы не выдержали. Оттолкнуть доктора, добежать до открытого окна, сбросить с подоконника два горшка с цветами и ринуться вслед за ними было делом одной минуты.

Прыжок со второго этажа получился удачным. Я отделался переломом правой ноги и вывихом левой руки. Врачи убеждены в полной излечимости. Я им охотно верю, тем более, что только вчера с меня сняли мерку на костыли и посоветовали поспешить с заказом индивидуальной коляски.

Родные и сослуживцы бесперебойно транспортируют в больницу свежие апельсины, апельсиновый сок и мармелад «Апельсиновые корочки». Жить можно. Ко мне никого не пускают, даже соседей. И очень хорошо дела-

ют. А то получатся новые неприятности. Однажды в нашу палату привели на практику студентов-медиков. Когда дошла очередь до меня, то лечащий врач стал рассказывать какую-то веселую историю, видимо, историю моей болезни. Студенты заметно оживились, повеселели, а одна блондинка, с синими глазами, сказала другой блондинке, с карими глазами: «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной». Девчонки, что они понимают в тонкостях медицины и в возможностях человеческого организма!

Пришлось возмутиться и доказывать обратное. Мне, конечно, не поверили, но зато окончательно закрыли двери моей палаты для посторонних. Впрочем, обслуживающему медперсоналу можно было и не заботиться на этот счет. Я сам не маленький и прекрасно справляюсь с такой несложной процедурой, как закрывание дверей. Мне даже замечание сделали, что я слишком хлопаю дверями, когда их затворяю. Консилиум здешних врачей тайным голосованием решил, что я окончательно избавился от рассеянности. Все радуются моему излечению, и больше всех — больничные статистик. Как-никак, а я поднял процент выздоравливаемости в масштабе области. Говорят, что главврач больницы положил историю моей рассеянности в основу своего доклада на предстоящей научно-теоретической конференции окулистов. Я не обижаюсь, даже наоборот: разве не честь — положить себя на алтарь развития медицины? Тем более, что наука все-таки меня поставила на ноги. Посудите сами: спокойная больничная обстановка, заботливый уход, трогательное внимание. А главное — ни шума, ни квартирных соседей. Рассеянности как не бывало. А вчера приходила жена. Принесла бутылку апельсиновой воды и ордер на отдельную секцию в новом доме. Скоро переселяемся. Будет тихо, спокойно. Хорошо!

Все, кто знал Елизавету Аркадьевну, называли ее не иначе, как «прогрессивно настроенная женщина». Такую завидную для большинства женщин репутацию она спискала современными линиями своей одежды, правами шофера-любителя и глубоким знанием основных аспектов системы среднего и высшего образования. Особенно высшего.

Где какой конкурс? Пожалуйста—1,73 на историко-филологическом, 2,3 на механическом и 8,59 на радиотехническом. А «проходной» балл? 24 у электриков, 21 у строителей, а вот инязы рванули на все 25. Носит ли жена декана Л. деревянные бусы? Во сне видит. Но не носит. Достать не может.

Как не поразиться такой осведомленности?! К тому же, если учесть, что дочь Елизаветы Аркадьевны учится пока еще в восьмом классе.

Согласитесь, что с такой женщиной всегда приятно встретиться. Огромное эстетическое удовольствие доставляет беседа с ней. Поговоришь и почувствуешь себя чем-то внутренне обогащенным, настроенным на что-то возвышенное и недостижимое.

Елизавета Аркадьевна прекрасно знала силу своего обаяния и не отпускала собеседника до тех пор, пока он не убеждался в обратном тому, в чем был убежден раньше.

Впрочем, ко мне это не относилось. Все друзья знают, что меня переубедить невозможно. И Елизавета Аркадьевна это знает. И даже не пытается. Мы просто мило побеседовали о розничных ценах на бензине и о шприцовке ходовой части автомобиля, вспомнили кое-кого из знакомых. Пожелав мне новых гонораров, Елизавета Аркадьевна вдруг спросила:

— Я совсем потеряла из виду Рубена. Оригинальный, непринужденный молодой человек. Не так ли? Где он, что с ним? Он, мне помнится, учился в аспирантуре?

— Уже закончил.

— Я так и знала. С его способностями да не попасть в науку? Я всегда говорила, что он хорошо пойдет. Я была убеждена в его талантности. А с какой бешеной скоростью мчится время? У меня спидометр не намотал еще и сотни тысяч, а Рубен уже ученый. Молодой ученый. Наверное, хорошо устроился?

— На кафедре...

— Конечно, на кафедре. А где же еще быть молодому ученому? Интеллигентное общество, солидная научная работа, высокая ставка. А сколько ему, интересно, платят?

— Не знаю.

— Ну, это и неважно! С кандидатским довеском не пропадет. За триста наверняка получает. Хотя, смотря по тому, на какой кафедре... Он где?

— На кафедре физического воспитания.

— Простите — где?

— На кафедре физического воспитания.

— Физического?

— Да.

— Все ясно! Боже мой, какой ужас! Я всегда говорила, что он плохо кончит! Подумать страшно: человек с двойным образованием и, как вам нравится,—на грубой физической работе! Неужели ему не нашлось интеллектуальной должности в пределах штатного расписания? Или хотя бы вообще просто умственной работы? Не верю! Просто сам не хочет, не хочет, не хочет!

Елизавета Аркадьевна очень разнервничалась, а нам стало неловко и грустно. И мы подумали, что, может, на самом деле зря молодой ученый Рубен променял высокоинтеллектуальное место в аспирантуре на грубую, низменную — должность руководителя кафедры физического воспитания в институте.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ-РАЗМЫШЛЕНИЙ ЮМОРИСТА

Часть целого

В минуты раздумий над судьбами человечества мне становится жаль людей. Не всех, а некоторых. Таких людей, которые не шадят себя и в случае промашки самокритично кроют свою личность на чем свет стоит. Или стремятся разорваться на части, забывая, что человек не веревка и не лоскут ситца с примесью лавсана.

Недавно я видел одного такого товарища. Сидел в кабинете напротив него. Он за столом, я на стуле около стола. У него небольшой, но солидный кабинет. С телефонами. Сажу, смотрю на телефоны и думаю: может, вся беда от телефонов? Нет у человека возможности сосредоточиться, нет возможности подумать о чем-нибудь основательно. Разве сообразишь что-нибудь серьезное в короткие промежутки между звонками? Привычку надо иметь... А если привычка не выработалась? Снова вопрос... А может, главная беда все же от горячей любви к самокритике, от слишком развитого чувства самокритичности? Признался в ошибках, чисто-сердечно покаялся и, смотришь, вроде облегчил душу, вроде опять в люди вышел. Теперь и новые ошибки не страшны...

Пока я так думаю, товарищ, у которого я сажу в кабинете, берет трубку и внимательно слушает. Лицо его мрачнеет. Потом он начинает говорить. Я сажу напротив него и вынужденно слушаю разговор. Товарищ говорит кому-то:

— Знал, конечно, знал. А как же! Время у меня записано и место тоже. Минуточку, минуточку... Слушай... Кафе «Мечта»... Диспут молодых строителей... «Наше понимание красоты и красивости в одежде»... Так? Так...

быть девятнадцать ноль-ноль... Так? А заехать не мог. При всем моем желании. Почему? Закрутился... заштукатурился... зацементировался... Можешь считать меня скотиной, но не мог прийти. Пока!

Снова звонок. Товарищ напротив меня берет трубку и говорит. И я все слышу:

— А, Валентина Ивановна! Привет, привет! Знаю, что будешь меня ругать, знаю. И ругай! Принимаю как должное. Больше того, можешь считать меня подлецом. Законченным подлецом. Но, извини, не мог. Завертелся... зашился... заштопался... Что? Как можно? Сказать? Проверочку хочешь устроить? Пожалуйста! У меня память отличная. Особенно на женские имена... Ха-ха-ха! Так слушай: девятнадцать ноль-ноль... клуб швейной фабрики... вечер молодых швейниц и диспут на тему: «Почему мы боремся с излишествами в строительстве и архитектуре». Правильно? А ты сомневалась в моей памяти. До склероза, слава богу, не дошло. Ну, пока! Заходи!

От таких разговоров мне становится не по себе. Как-то неловко становится перед товарищем, который напротив меня. Положительный человек, в солидном кабинете, и нате вам, он и скотина, он и подлец, причем законченный подлец. До чего человека самокритика доведет!

Опять звонок, опять слышу:

— Да, это я! Кто? А-а, здравствуйте, здравствуйте! Нет, все хорошо. Пока бог милует... не болел. Здоров, здоров! А выбраться к вам не сумел... Да-а... обстоятельства бывают сильнее нас. Жаль, конечно, что подвел, но... каюсь... виноват... Перенесли? Обязательно! Конечно! Буду счастлив и признателен! На этот раз точно. Больше перед вами свиной не окажусь. В это же время? Хорошо! Что вы! Помню!.. Молодые изобретатели и рационализаторы... диспут на тему: «Нужны ли советской кинокомедии отрицательные персонажи». Все-

го доброго! А? Договорились и еще раз договорились. Свиной больше не буду.

Я прощаюсь и ухожу. И, уходя, думаю, что, может, и в самом деле товарищ больше свиной не будет. Может, он в конце концов самокритично признается? Мол, друзья, не могу же я разорваться на части. Обойдитесь без меня, я же человек, а не лоскут ситца, хотя бы и с примесью лавсана. И тем более не веревка. Может, признается, а?

Чудно!

Человек, можно сказать, осознал. Не сразу, конечно, а осознал. Человек уловил дыхание времени и осознал. И сочинил небольшое заявление. А в заявлении изложил просьбу. Между прочим, пустяшную просьбу. Собственно, и разговор-то не о чем вести. Вопрос выеденного апельсина не стоит.

У него, представьте, оказалась дача. Он как-то раньше не замечал ее. Ну, дача как дача, много таких построек в живописных окрестностях городов. Есть и у него. Небольшой двухэтажный домик в сосновом бору. Он сам по себе, а дача сама по себе. Жить не мешала. А вокруг чистый воздух, прозрачная вода в озере. Жизнерадостным, неугомонным ребяташкам как бы подошла его дача! Ему она вовсе ни к чему, а детям на пользу — здоровье подкрепить. Он это теперь хорошо понял. Вот и просит уважить — принять у него дачу. Хотя бы в порядке исключения и безвозмездно. Неужели нельзя взять для детей, для шумливых мальчишек и девчонок? Свежий воздух, прозрачная вода...

Вот о чем он просил. Человек сознательно шел на благородный поступок.

И вы думаете, оценили его гуманный подвиг? Про-

явили чуткость и внимание к человеку, решившему побороть в себе инстинкт частного собственника? Показали его по телевизору? Как бы не так! Вы забыли про формализм. Про формализм, который глушит и с которым призывают решительно бороться. В данном случае речь пойдет о формализме заведующего жилкомхозом.

Эта сухая казенная душа категорически запротестовала. Они, видите ли, не бюро по приему дач от населения. С дачей возиться надо. А им штатное расписание не позволяет пойти на такое излишество. У них, оказывается, план покраски заборов не выполнен. Так что из вашей затеи устроить детсад-пансионат, извиняюсь, ничего не выйдет. Уперся и не взял дачу.

Чудно!

Человек осознал, понял. Человек надеялся. А дачу у него оставили. «Плетью обуха не перешибешь», — грустно подумал человек и никому не стал жаловаться. Он решил попытать удачи в другом месте. И что же — ему повезло: у следователя оказалась иного склада натура. Он немедленно прекратил уголовное дело, как только человек принес ему копию заявления о том, что он безвозмездно передает дачу в общественный жилфонд.

Чудно все-таки!

Росчерком пера

Диалог в кабинете

— Присаживайтесь. Рассказывайте.

— Понимаю. Но я не понимаю, где чуткость? Где чуткость плюс забота, плюс внимание, как об этом пишут в газетах? Мое заявление...

— Ваше заявление...

— Наперед знаю, что скажете: зарегистрировано, бу-

дет рассмотрено, заявителю будет сообщено. Но я не понимаю, почему я должен ждать рассмотрения и удовлетворения? Это обязательно — ждать? Мое заявление...

— Минутку, ваше заявление...

— Догадываюсь! Попало к заместителю, он уехал в командировку, заявление у него в столе. Придет и разберется. Но я не понимаю, почему заявление лежит в столе у зама? И долго оно будет пылиться у зама? Пока спишете его в архив? За давностью срока? А почему руководитель лично не разберется с просьбой? Где борьба с пережитками культа?

— Товарищ Найденев, ваше заявление...

— Все знаю. Что вы меня уговариваете? Сесть пригласили, по фамилии назвали. Но я не понимаю, зачем элементарной вежливостью прикрывать волокиту и бюрократизм? Скрывать от общественности свои вопиющие недостатки. Оправдываться... Терять лицо руководителя... На вас уже сейчас лица нет, а прием только начался.

— Слушайте! В конце концов идите и...

— Идите, в смысле уходите? А почему я должен уходить, не разрешив вопроса? А потом снова приходите?

— Идите и возьмите заявление. Ваше заявление в приемной.

— Ну, конечно. Но зачем мне приемная — брать заявление без вашей резолюции? Без вашей подписи оно недействительно. Подпись ваша нужна, понимаете?

— Заявление мною рассмотрено и подписано.

— Гм... Когда вы успели его прочитать? Я вам вчера заявление, вы мне сегодня резолюцию?

— Не сегодня, а вчера еще подписал.

— Гм... Одним росчерком пера? А к чему такая поспешность? Не побеседовав со мной, не вызвав заинтересованных сторон, глубоко не разобравшись в сути, во-

проса? Описать одним росчерком пера? И это на пятом году текущей семилетки!

— Забирайте ваше заявление и уходите!

— Легче всего сказать: забирайте и уходите. Но я не понимаю, куда мне теперь идти? Кому жаловаться на вас? Ничего не понимаю. Вы мне не подскажите, а?

— Черт побери! Ваша просьба удовлетворена. Чего еще надо?

— Странно. Не понимаю...

Среди вопросов

Лектор кончил говорить, и ему сразу стали задавать вопросы. Вопросы были такие:

Могут ли муж и жена работать в одном учреждении?

Сколько кормовых единиц содержится в центнере гороха?

Кто написал песню о геологах?

Есть ли жизнь на Марсе?

На каком языке говорят племена балуба и лунда?

Что такое «стоп-книжка»?

Назовите основные произведения Аристотеля.

Почему соловьи поют в мае?

С каких лет надо приучать ребенка к труду?

Раскройте идейное содержание пьесы Чехова «Вишневый сад».

Когда будет цветное телевидение?

Можно ли совмещать занятия музыкой и боксом?

Где купить самоучитель современных танцев?

Чем отличается формализм от абстракционизма и наоборот?

...Лекция называлась: «О любви и дружбе».

Необыкновенная точность

К обыкновенной точности мы как-нибудь привыкли. Привыкли вовремя заканчивать свой рабочий день, «закругляться» на собраниях, приходить в гости раньше хозяев дома. Привыкаем ценить свое и чужое время.

...Закрутихин же отличался необыкновенной точностью. Потрясающей точностью: «Не минута в минуту, — говорил он, — а секунда в секунду — наш девиз!»

И ему, представьте, удавалось с точностью до одной секунды фиксировать свои взаимоотношения с человечеством. «Вчера, — говорил он, — в пятнадцать часов двадцать восемь минут и тридцать секунд по местному времени я встретил на улице своего давнишнего знакомого. В пятнадцать часов тридцать семь минут и ноль пять секунд московского времени мы расстались, обещав побывать в гостях друг у друга. На эту радостную встречу я затратил в общей сложности восемь минут и тридцать секунд».

Он точен не только на улице. Он всесторонне пунктуален в личном бюджете времени, стремясь добиться максимальных результатов при наименьших затратах.

В восемь тридцать он уходит из дому.

Десять минут отводит газетным витринам.

В очереди за папиросами стоит шесть минут.

За две минуты знакомится с содержанием рекламных щитов.

Три минуты отводит на обмен приветствиями со встречными знакомыми.

В минуту узнает о своей очереди на холодильник «Саратов-II» и записывается на холодильник «ЗИЛ».

С хозяйственными поручениями жены управляется за тридцать минут.

Ругается с продавщицей восемь минут.

Полминуты пишет жалобу на директора магазина за очередь у кассы.

В течение двух минут покупает билеты на вечерний киносеанс.

Пятнадцать минут отдыхает в сквере.

Всего десять секунд тратит на сверку своих часов с московским временем.

...опаздывает на работу с ежедневной точностью до одного часа двух минут и восемнадцати секунд.

Время славы

Все хорошо в меру.

А не в меру?

Расскажу такой случай.

Городской слет друзей книги. В зале — пожилые и молодые, в красных пионерских галстуках и галстуках обыкновенных, с модными и скромными прическами.

Сначала говорили. Горячо и взволнованно. Со знанием дела. Говорили о делах книжных. Считали. То есть раскидывали сумму проданной литературы на душу населения и радовались, когда получалось много, искренне огорчались, если выходило мало.

А потом стали вручать награды и преподносить подарки. На сцену, на свет прожекторов, поднимались энтузиасты из народных книжных магазинов, школьники-книгоноши. Не обошлось и без завязтых книголюбов пенсионного возраста. Были восторженные овации зала, были улыбки. Много улыбок. Улыбались в президиуме, улыбались в зале, улыбались те, кого чествовали.

Многим запомнился высокий, черноволосый молодой человек. Когда он выступал, а он выступал одним из первых, то говорил тихо и спокойно. А перед тем, как заговорить, — улыбался. Улыбался не насмешливо, не

фасонисто, а как бы объясняя: «То, что скажу, для вас не станет открытием Америки. Возможно, у вас лучше дело поставлено. Но мы собрались здесь ради одной общей цели, и я поделюсь с вами своими мыслями».

Был он инженером и руководил, конечно, бескорыстно, заводским книжным магазином.

Потом ему первому вручили Почетную грамоту вышестоящей профсоюзной организации. Принимал он грамоту со своей хорошей улыбкой.

Когда стала награждать Почетными грамотами другая, уже нижестоящая профсоюзная организация, его опять называли. Улыбался он несколько смущенно.

Началось вручение нагрудных значков. И нашему инженеру снова пришлось открывать шествие на сцену награжденных. Он взял значок без улыбки. Он не улыбался.

Едва придя в себя от трех наград, он снова услышал свою фамилию после не блещущих новизной и свежестью слов приказа: «За добросовестную и активную работу по распространению среди трудящихся различных видов литературы награждается ценным подарком товарищ...»

Инженер, наверняка, укреплял свой организм гимнастическими упражнениями с последующей водной процедурой. Он нашел в себе мужество подняться на сцену, выслушать поздравления и благополучно спустился в зал с ценным подарком в руках. Об улыбке, как говорят в одном южном городе, не может быть и речи.

Улыбка... Кому как, а нашему скромному молодому инженеру в этот вечер было явно не по себе. Не по себе от обилия наград, от вдохновляющих рукопожатий, от четырехкратного туша, исполненного оркестром в честь его скромных заслуг на книготорговом фронте.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Мероприятие	7
Химичка	10
Мечты и действительность	18
Уговорил	23
Подарок	25
Стиль руководства	29
Приятная неожиданность	34
Куда смотрит начальство	37
Обида	40
Моя жизнь в стенгазете	43
Чуткость на голосовании	49
Борода в капроне	52
Искупление греха	57
Учитесь писать фельетоны	61
Договорились	67
Мой первый рассказ	71
Акт ревизии	76
Восьмая бригада	81
Транзитная булка	86
Приглашение в гости	92
Уважительная причина	95
Первая перчатка	97
Крик души	99
Черная кофточка	102
Женский регламент	105
Всемогущий «он»	107
По двум линиям	108
Наша взяла	114
Время — решающий фактор	118

У моря	120
II	
Шапка	125
Семь пар влюбленных	133
Не то ударение	135
Тайна	139
Мулис	142
Новоселье	144
Летопись жизни	148
Под липами	151
Женский каприз	156
Слава умелых рук	158
Муха в графине	162
Цветы жизни	165
Любовь — это хорошо	168
Чем не жизнь	173
Все виды спорта	177
Внимательный человек	178
Знагоки	182
Мсть Тюбикова	184
Чудак	186
Успокоился	188
Майский жук	191
III	
На все руки	195
Человек с чемоданчиком	200
Иван Иванович	202
В лес по грибы	204
Я и моя рассеянность	208
Прогрессивная женщина	215
Из наблюдений-размышлений юмориста	218
Часть целого	218
Чудно!	220
Росчерком пера	221
Среди вопросов	223
Необыкновенная точность	224
Бремя славы	225